

Светлана ТУЛИНА

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ
«АРБЕД ИЗ АСТА»

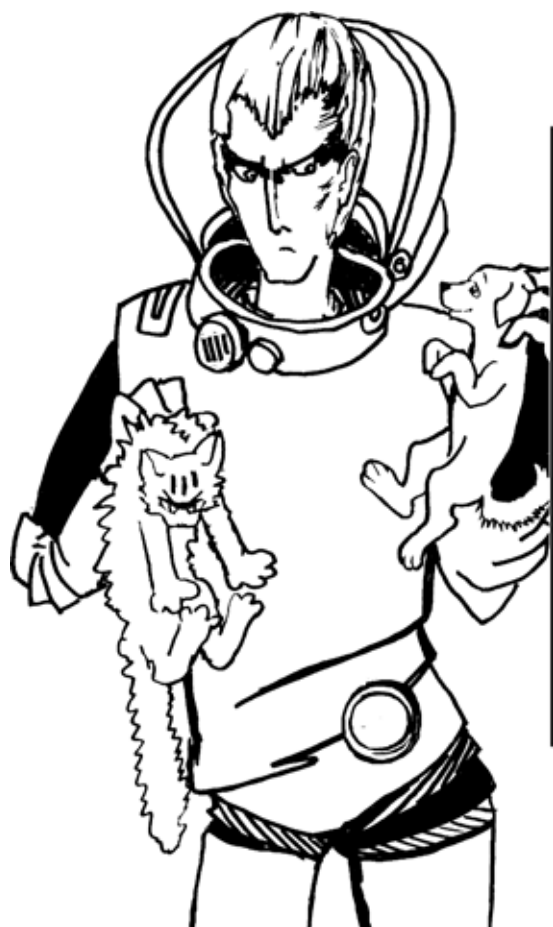
КОТДОГ

*Исаители
Петербурга*

Издательство «Северо-Запад»
2015

СВЕТЛАНА ТУЛИНА

КОТДОГ

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТЬ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2015

УДК 82-3
ББК 84.445
Т82

Редактор *Светлана Тулина*

КЛУБНОЕ ИЗДАНИЕ
Print on demand

Тулина Светлана Альбертовна
Т82 Котдог: рассказы и повесть. – СПб.: Издательство «Северо-Запад», 2015. – 292 с.

ISBN 978-5-93835-565-1

Как будут выстраиваться взаимоотношения кошек и собак, если и те и другие наполовину люди? Какие дела придется расследовать Шерлоку Холмсу и доктору Ватсону в Лондоне стимпанка? Какие проблемы встанут перед космонавтами в мире победившего ислама? Неожиданные повороты сюжета, качественный язык, нетривиальная точка зрения, детективная интрига и мягкий юмор.

**УДК 82-3
ББК 84.445**

ISBN 978-5-93835-565-1 © Светлана Тулина, 2015

КОТДОГ

ПОВЕСТЬ

(из выступления Нгуена Ли, известного больше как Ки Кю, на межсистемном конгрессе парамедиков, проходившем с 05.03 по 01.04 года 321 в системе Тарсова под лозунгом «Остановим аста ксону!»). Выступление зафиксировано не полностью, поскольку закончилось всеобщей потасовкой, в которой ведущему оператору-мнемонике разбили голову, чем привели в полную негодность вмонтированную в лобную кость аппаратуру. Администрация канала приносит извинения за качество и незавершенность отснятого материала, представляемого ею широкой общественности)

— ...Вы полагаете, что царем природы человека сделал Его Величество Разум, великий и могучий? Ха! Ничего подобного! Царем природы человека сделала Ее Величество Приспособляемость. Человек — такая скотина, что приспособится к чему угодно! Он с удовольствием живет и здравствует там, где дохнут крысы и тараканы. Более быстрые, сильные, хитрые, свирепые, зоркие благополучно вымирали, стоило слегка измениться окружающим условиям, а человек — приспособлялся и выживал!

Он был всеяден и нетребователен к климатическим условиям. Не имея собственной теплой шкуры, он научился разводить костер и утепляться при посредстве шкур, содранных с неумеющих приспособляться представителей прочей окружающей его фауны. С родственников своих, так сказать, дальних или даже ближних...

(смех в зале, отдельные хлопки)

— ...И даже объявив войну природе, он всё равно приспособлялся — к задымленному воздуху, отравленной воде и генетически модифицированным продуктам питания. Он побеждает, уступая. Впрочем, что это я о нас говорю в третьем лице? Не он. Мы. Именно мы с вами, господа, все вместе и каждый в отдельности!

(лёгкий одобрителный шум в зале)

Ещё не имея жабр, мы освоили океаны. Поднялись в небо, не умея летать. Покорили время. Расстояние. Природу. Космос. Покорили, приспособившись. А, значит, изменившись.

Но мы давно перестали бы быть людьми, если бы не Аста Ксона и синдром, названный в её честь. Да-да, вы не ослышались! Именно благодаря так называемому синдрому аста ксоны мы до сих пор остаёмся людьми! Да здравствует аста ксона, господа! В ней единственной — наше спасение...

(шум в зале усиливается, приобретает недоумевающий оттенок; слышны отдельные растерянные выкрики: «профессор, вы о чём?», «что он несёт?!»; властный и уверенный голос докладчика пока ещё легко перекрывает нарастающий гвалт)

— ...Я повторяю ещё раз — господа коллеги, руки прочь от аста ксоны! Когда же до вас наконец дойдёт, что это — не болезнь, а защитный механизм?! Иммунная система и спинной хребет человечества! Последняя преграда, не позволяющая разнести к чёртовой матери человеческий генофонд клочками по галактическим закоулочкам!

(негодующий шум в зале, выкрики с мест)

— ...Да, да, я всё это понимаю! Ни один из больных синдромом Аста Ксоны со мной не согласится.

И будет по-своему прав! Больному, ему ведь что главное? Ему главное — выздороветь. А, значит — болезнь уничтожить. И ему наплевать на последствия, до которых он всё равно не доживёт! Но вы же ученые, господа! И не думаю, что кто-то из вас болен даже самой слабой формой. Иначе вы вряд ли сумели бы сюда добраться!..

(шум и смех в зале, одобрительные хлопки, возмущённые крики с мест)

— ...Да, я согласен, что это — самое настоящее проклятье для людей, ей подверженных. Но с тем, что это — проклятие всего человечества в целом, я не согласен категорически! Аста ксона — это благословение человечества! Его неубиваемая фишка и козырный туз-джокер! Именно благодаря аста ксоне человек в любой глубинке остаётся человеком. Невзирая на многочисленные местечковые мутации, мы все с вами — люди, а жабры, хвосты, крылья и количество рук — это мелочь, господа, самая настоящая мелочь, не стоящая внимания! Именно благодаря аста ксоне всё ещё возможны межвидовые браки, и нормальные дети могут быть, допустим, даже у хиятанки и эриданца! Если, конечно, сумеете вы отыскать такого... ну, скажем так, не совсем нормального эриданца, склонного к экстремальным развлечениям. И сумеете уговорить на подобную авантюру какую-нибудь не слишком расторопную хиятанку до того, как она откусит вам голову!

(смех в зале; шум; выкрики с мест становятся настолько громкими, что временами заглушают докладчика)

— ...Уничтожать ген стабильности — всё равно, что пилить сук, на котором выстроено всё здание нашей цивилизации! Да и зачем? Тех, у кого планетарная

зависимость проявляется хотя бы в самой малой степени — менее десятой доли процента! Да, конечно, даже в масштабах одной среднеиндустриализованной планеты эта цифра впечатляет, но тех же гермов, например, рождается чуть ли не в шесть раз больше! Но вы же не станете требовать, чтобы только из-за этого обстоятельства все мы...

(хохот в зале, аплодисменты, свист)

— ...На Диксаунте её называют звездной аллергией. На мой взгляд, это куда более верное название. Впрочем, зависимость тоже можно принять. Аллергии — они ведь очень разной степени тяжести бывают. От лёгкой крапивницы до глубокого отёка Квинке-Краузе, полной остановки дыхания и анафилактического шока. И с аста ксоной дело обстоит точно так же, вы же и сами это прекрасно знаете, господа.

Кто спорит, быть на всю жизнь прикованным к планете, на которой тебе не повезло родиться — что может быть ужаснее?! Особенно, если родился ты не на столичной Церере или хотя бы тех же верхних Галапагосах...

(смех в зале)

— ...Но ведь это — всего лишь миф, господа! У большинства больных симптоматика минимальна! Лёгкая тошнота, головная боль, ломота в суставах... Уверяю вас, что при самой обычной простуде или ревматоидном псевдоартрите Лероны вы испытаете куда больший дискомфорт, чем эти несчастные, задумай они покинуть свою родину! Не надо их жалеть — пожалейте себя! Они вполне способны перенести полёт, слегка потерпев! Или воспользовавшись анальгетиками из домашней аптечки и всем вам ещё со студенческих времён наверняка хорошо известными

антиблужками, никогда не мог запомнить, как же они на самом деле называются...

(смех в зале; свист; выкрик: «Прекратите балаган!»)

— ...На той же Асте Ксоне, кстати, где этот синдром впервые идентифицировали как отдельное заболевание, сейчас подверженных ему людей в десятки раз больше, чем в любом другом месте, выбранном наугад! Как вы думаете — почему? Ну, напрягите мозги, если они у вас ещё остались! Ну же, кто самый смелый?..

Нет! Вы ошибаетесь, молодой человек! Вовсе не потому, что их там больше рождается! Ничего подобного! Просто они слетаются туда со всего космоса!

(шум в зале нарастает)

— ...Да! Вы не ослышались! Именно слетаются! Что бы там ни утверждали мои горе-коллеги! Им нравится чувствовать себя среди своих, таких же, им нравится подчёркивать свою ущербность! На Аста Ксоне их уже более пяти процентов населения! Это полноценная этническая группа! Там есть целые города, в которых нет ни одного здорового взрослого человека! Да, я не случайно отметил — «взрослого», дети у них рождаются нормальные... Отсюда, кстати, и растут ноги у легенды про Котдог...

(шум, крики, звуки потасовки)

— ...Да если бы хоть что-то подобное... молодой человек, вы же учёный, да? Ну вот, как ученый... Вы способны представить себе условия, при которых население целой планеты... *(шум)* ...Кто там кричал про Милтонса? Милтонс преступник и сумасшедший! Это чушь! Ничего он не открыл! уберите руки!.. Ген стабильности не мутирует, это же аксиома! Такой планеты просто не может быть! Стыдно, молодой человек! Ученый, а верите в сказки!..

— Выключи.

— Да ты что?! Там как раз только-только самое интересное начинается! Тебе что — совсем не любопытно послушать, как этот старый талерланский хрыч будет доказывать, что никого из наших малышей не существует?! А то, что мы видим на экранах — вообще бред и суть галлюцинация. Не, что ни говори, а он просто лапочка! Знаешь, почему его Ки Кю прозвали? Ходит легенда, что он долго жил на какой-то полупиратской планете, где слово Ки означало очень большие размеры, буквально всемирного масштаба... ну, в том, конечно, смысле, в котором те дикари понимали идею всего мира. А вот Кю было там единственным и самым страшным нецензурным ругательством. И чтобы тебя аборигены так обозвали — это надо было ну очень постараться. А чтобы ещё и уточнили, что не просто кю, а именно КИ... Хотя про Милтонса — это он правильно сказал. Сволочь он, твой Милтонс!

— Милтонс не мой. Выключи. До начала работ полторы минуты.

— Ну так целых полторы минуты еще, чего торопиться-то? Слушай, а давай отключим им защиту сразу, а? Еще на подходе! Нет, правда, ведь это идея! Давай попробуем! Может, вся эта хрень у нас только из-за того и не получается, что мы с ними уже тут работать начинаем! Может, просто постепенно надо, медленно, по нарастающей, — и всё будет тип-топ!

— Не будет. Пробовали.

— Когда? Я что-то такого не припомню!

— Зато я помню. И этого достаточно. Это ещё до тебя было. Хочешь — глянь в архиве.

— Ну вот... всегда так! Только что-то придумаешь, как тебя...

— Не отвлекайся.

Скоро придёт Боль. Уже совсем скоро. Огромная, чёрная, неотвратимая, она заполнит весь мир, у неё остро заточенные лучи-иголки, о них так просто порезаться, они обжигают, лучше держаться подальше, лучше свернуться в клубочек и попытаться спрятаться...

Он сжался и заскулил.

— О, ты только посмотри, какой красавец! Просто роскошный щен!

Боли пока ещё нет, но она будет. Точно будет, он знает это, так уже было. Много раз было. Хотя и не было. С ним не было. Но он — помнит, он знает, боль всегда приходит, когда появляются эти руки. Огромные, страшные, сильные руки, они выхватывают тебя из безопасного и тёплого логова, а за ними следом приходит боль. Так было всегда. И прятаться от них бесполезно, хотя многие пытаются...

— Действительно, весьма перспективная особь.

— И только? Ха! Ты посмотри на его реакцию! Он же сквотнул моментально, когда другие и понять ничего ещё не успели! И посмотри — как качественно! Такой малыш — а обернулся без изъянов. Ты не туда смотришь, ты на зубы его смотри!

Он тоже пытался спрятаться — тем особым образом, которым раньше прятался лишь по таким же особым сигналам старших. Самым

важным сигналам, когда опасность слишком велика и никакие иные прятки не помогут. И раньше всё получалось. Но на этот раз даже такая мера не сработала — мир перевернулся, но проклятые руки никуда не исчезли. И тогда, выгнув шею до хруста, он вонзил все свои мелкие и очень острые зубы в одну из ненавистных рук.

— Действительно, зубы качественные. И реакция.

— Ах ты... гаденыш! От ведь!.. Ты у меня забудешь, как кусаться! Да я все твои пакостные зубёшки...

— Отпусти щенка, Эри. Ты его задушишь. А он ещё не прошёл Испытание.

— От же тварь! Да не трогаю я его, успокойся! Что я, совсем, что ли... Испытание ему... Ну, мелкий гадёныш, держись! Я тебе устрою экзамен! Ты у меня полетишь, как фиброгласс над Нью-Баден-Баденом!

— Эри, уймись. Ты убьешь ребёнка.

— Ни фиги! Только не его! Ты на его зубы посмотри! У них вся семейка перспективная, очень высокие показатели, буквально на грани, мне ещё в прошлом году казалось — вот оно! Рядом же было совсем, почти получилось, самую бы чуть... надо было ещё тогда не ссать жидко, а решиться наконец и полностью снять защиту. Имели бы сейчас, что предъявить, а не стояли перед комиссией с голым задом...

— Имели бы сейчас кучу проблем. Что ты так бесишься? Он же не тебя укусил.

— Ха! Хотел бы я на это посмотреть! Попробуй он кусить меня — вот было бы весело! Не ему, конечно. Ну, держись, гадёныш...

— Если ты выйдешь за пределы рекомендованной нормы — я укажу это в рапорте.

— Зануда. Смотри! Видишь? Все показатели в границах нормы! Можешь указывать в своём рапорте хоть триста раз!

— В верхних границах нормы.

— Но всё-таки — нормы! Да пойми же ты — это оправданный риск! Я нюхом чую — у этого малыша получится! Посмотри, он какой! Красивый, сильный, наглый. У него просто обязано получиться! Если ещё чуть-чуть ослабить экранирование...

— Эри, уймись.

— Ладно, ладно! Видишь — всё, не трогаю больше! Можешь включать.

Боль.

Руки исчезли — и тут-то она и навалилась всей своей огромной чёрной тяжестью. Он знал, он помнил, что именно так всё и будет. Но всё равно — неожиданно. Огромный чёрный водоворот боли затянул его в самую середину, он падал, падал, падал, и больше в мире не было ничего, только эта чёрная боль и бесконечное падение. И тонкий пронзительный визг, впивающийся в барабанные перепонки. Он вонзается в уши, он высверливает голову изнутри, этот визг, кто-нибудь, прекратите, пожалуйста, кто-нибудь... но никого нет, только чёрная боль, и он сам пытается заорать, чтобы хотя бы так прекратить это, заглушить, отодвинуть мерзкий звук, выворачивающий наизнанку. И только тут понимает, что визг этот — его собственный.

А падение все длится, хотя прошло уже столько времени, что, вроде бы, больше некуда падать. Но падение продолжается, оно не имеет границ, и ужас его безграничен, и безгранична чёрная боль. Наверное, в неё можно падать вечно. Всё ниже и ниже. Только сердце колотится где-то под самым горлом и

потихоньку становится всё труднее дышать. Как под водой, он это тоже помнит, хотя под водой и не был ни разу. Наверное, он упал уже очень низко, ниже поверхности озера, вот и трудно стало дышать, под водой ведь вообще дышать невозможно.

А падение всё длится... и длится... и длится...

— *Обрати внимание на его пульс. И на биохимию. Адреналин зашкаливает. Ещё немного — и не выдержат стенки сосудов.*

— *Не паникуй! Они гораздо крепче, чем кажутся! Ты что — до сих пор не понимаешь? К ним нельзя подходить с человеческими мерками! Они давно уже не люди!*

Боль может быть вечной.

Но страх — не может.

Даже страх перед болью.

Падение продолжалось, и острые иглы-лучи никуда не делись, и чёрный ужас вокруг тоже был по-прежнему беспросветен. И трудно было дышать — что там трудно! Почти невозможно! — сердце билось уже не под горлом даже, о стиснутые зубы билось оно изнутри, и казалось, что разомкни он челюсти хотя бы на миг — сердце выскочит, так тесно ему там, за зубами...

Но что-то изменилось.

Не снаружи — там по-прежнему только чёрная боль и ужас вечного падения.

Внутри.

Словно отбивающее бешеный ритм сердце гонит по жилам уже не только кровь, но и что-то другое, чему нет названия. Что-то, такое же чёрное, как боль. И такое же вечное.

Оно не смешивается с кровью, это чёрное, чему нет названия. Оно не растекается, растворяясь

и теряя силу. Оно собирается внутри, где-то под ребрами, словно туго завинченная пружина или напрягающаяся перед прыжком Быстрая Смерть. Оно — уже почти готово, и от этой его готовности немножко щекотно в груди. Изнутри щекотно. И хочется смеяться от внезапно раскрытой Великой тайны.

Боль-то, оказывается, вовсе не всесильна!

И ужас — тоже!

С ними можно бороться! Ещё чуть-чуть — и он поймёт, как это сделать. В груди медленно-медленно разворачивает тугие длинные усики чёрный вьюнок-колокольчик, дрожит пушистыми лепестками, вибрирует от наполняющей его энергии и восторга. Ему тесно в клетке из рёбер! Он вот-вот прорвётся наружу — и тогда мир опять перевернётся, потому что не сможет вместить в себя столько восторга! И не будет больше ни боли, ни страха, ни преград! Нужно только понять... Ещё совсем чуть-чуть, ведь это же так просто, он уже почти понял, почти разгадал, почти...

— Эри, уймись.

— Ладно, как скажешь... Хотя я уверен, что ослабь мы защитную оболочку капсулы ещё хотя бы на два деления — и вождеденное доказательство получили бы на блюдечке с голубой каёмочкой..

— Получили бы инвалида на выходе. Его реакции ничем не отличались от реакций остальных — боль и страх по экспоненте. Никаких отклонений.

— Ты ничего не понимаешь, а я чувствую, что это — тот самый! Он особенный. Он бы смог. Он лучший, понимаешь?

— Кто-то и в прошлый раз говорил то же самое. Не помнишь — кто?

— В прошлый раз, в прошлый раз... С кем не бывает! Ну и что? Не ошибается только тот, кто ничего не делает!

— Я — не ошибаюсь, Эри.

— Вот-вот! Именно что...

— Готовь следующего.

— Да готова она уже давно, можно начинать. Слушай, давай хоть с нею, а? Она той же линии, с того же помёта... Если чуть-чуть поднажать — наверняка всё получится! А самки выносливее, с нею точно ничего не случится... А-а, чёрт с тобой, давай хотя бы по верхней границе, а? Они лучшие, смотри, какая лапушка, и сквотит не хуже братца! Должно сработать...

— Превысить не дам.

— Кто бы сомневался! Зануда. Поехали!

ПОЧЕМУ?

Он заскулил. Тявкнул отчаянно, снова срываясь на визг.

Руки вернулись, чёрная боль исчезла, руки были мягкие и заботливые, они растирали сведённые судорогой крохотные мышцы, вытирали слёзы, гладили, просто ласково гладили. Они были добрыми, эти руки, а ему так хотелось вцепиться в них зубами и рвать, рвать, рвать, рыча от бесильного бешенства.

ЗА ЧТО?!

Он уже не помнил боли и ужаса — их смыло последнее воспоминание о невозможно огромном восторге. Боли больше не было, не было и страха, и чёрный цветок медленно умирал в груди, печально роняя иссыхающие лепестки. Он не мог жить без боли и ужаса, этот до невозможности прекрасный, но так и не распустившийся чёрный цветок.

ТАК НЕЛЬЗЯ!!!

Показать самым краешком такую прекрасную игрушку, дать уже почти что в руках подержать — и отобрать. Он ведь понял уже! Он не мог понять неправильно — слишком ярок был чёрный цветок, чтобы не понять! Он на самом деле понял! Правда-правда! Это сейчас он с каждым мигом забывает всё больше и больше из того, что понял тогда, когда рвался наружу сквозь путаницу ребер восторженный чёрный бутон, это просто сейчас, под ненавистными ласковыми руками он забывает, забывает, забывает, и совсем скоро забудет всё, но ведь тогда-то он понял! Ведь правда же понял?! Ведь мяу же, да?!

МЯУ?..

* * *

Солнце ещё не вылезло из-за края далёких гор, когда Ксант выбрался на опушку. Серые предрасветные сумерки, в которых всё выглядит одинаково призрачным и однотонным, наконец-то сменились утренним многоцветьем. И панические вопли разнообразных пернатых доносчиц, по чьей территории он проходил, стали не слышны за разноголосым птичьим гамом и пением — крылатые встречали новое утро, уверившись, что этот отдельно взятый представитель опасного ночного племени вышел в лес вовсе не для очередной охоты.

А, может быть, они просто там, у себя наверху, увидели солнце и забыли о Ксанте. Они ведь совсем безмозглые, эти упакованные в красивые перья комочки вкуснятины, они не могут думать о двух вещах одновременно.

Утро было ранним и довольно промозглым, от водопада тянуло сыростью. Ксант поёжился,

думая, будет ли ему теплее в сквоте. Решил, что птичка прыжка не стоит. Сквот, хоть и хорошая штука — а временами так и вообще незаменимая! — отупляет изрядно, и без особой нужды лучше в него не ходить. Потому что те, кто думает иначе, со временем вообще перестают оттуда вылезать. А оно нам надо?

Свою любимую ветку он нашёл быстро.

Он мог бы её найти и в полной темноте. Не просто ночью, когда видно, в принципе, ничуть не хуже, чем днём, просто по-другому, а именно в *полной* темноте. На ощупь. Автопилотом. Слишком часто он уходил сюда за последнее время. Если узнает кто из старших Леди, ему наверняка серьёзно влетит за подобную глупость — настоящий представитель Коварного и Опасного племени не может быть настолько предсказуем.

Коварного и Опасного...

Ха!

Кого они хотят обмануть своими громкими воплями, эти старые шлюхи?!

Быстро забравшись по наклонному стволу старого какбыдуба, Ксант привычно улёгся в широкой развилке. Он не боялся, что его обнаружат свои — до очередного зажжения Сигнального Маяка ещё четверть сезона, а в другое время мало кто из правобережных ходил в эту сторону. Это было не то чтобы совсем запрещено, просто не принято. Да и неприятно — слишком мокро, слишком противно, слишком нервирует близость левого берега.

Котят, конечно, левый берег и таящиеся там опасности привлекали очень и очень. Но котята — они котята и есть, существа легкомысленные, они не способны надолго сосредоточиться на чём-то. Как прибежали — так и убегут, не задержавшись

дольше, чем на пару-другую стремительных котячьих игр. Да и не прибегут они сюда так рано, на фиг им это? А левобережникам и вообще раньше полудня до реки не добраться, они ночью слепы, как новорождённые, и не любят уходить далеко от жилья. И просыпаются только с рассветом. А без их присутствия — хотя бы только вероятного! — визит на далёкую реку теряет для котят большую часть привлекательности и превращается в долгую утомительную и довольно скучную прогулку по пересеченной местности.

Котята ведь не понимают, как это красиво — падающая вода...

Ксант повертелся на животе, устраиваясь удобнее. Положил подбородок на руки. Фыркнул, слегка сморщив нос — брызги долетали сюда довольно часто. И стоял особый запах — запах мелко крошенной воды. Впрочем, запах этот Ксанту нравился.

Ветка, на которой он лежал, была чуть выше водопада, мощный ствол какбыдуба нависал над рекой и, если смотреть строго вниз, можно представить, что берегов у реки нет совсем. Только стремительная вода — и больше ничего в целом мире. Интересная игра — Ксант часто в неё играл, лежа на толстой ветке.

Постоянная и неизменная изменчивость воды завораживала его ничуть не меньше, чем переливчатое чудо Священного Огня. Может быть, даже больше. Потому что на Огонь смотреть было положено, и это убивало половину удовольствия. К тому же, у Сигнального Маяка всегда толпился народ, даже если и не перемывали кому-то кости и не обсуждали последние новости, всё равно сопели, вздыхали, хрустели суставами, шевелились, как бы случайно демонстрируя друг другу

возможности персональных сквотов и исподтишка рассматривая демонстрируемое другими.

На воду же Ксант смотрел один...

Выше водопада она казалась застывшей, как желе из зеленоватого типакиви. Неукротимую стремительность её можно было осознать только по редким веточкам или листьям, попавшим в поток. Вот мелькнули они — и исчезли за краем, нырнули в кипящую пену. Стена падающей воды тоже казалась неподвижной, лишь слегка шевелился над ней туманный шлейф мелкой водяной пыли — когда солнце взойдёт повыше, в этой пыли заиграют многочисленные короткоживущие радуги. Лишь у самой поверхности озера водопад разделялся на отдельные струи, и вот там-то стремительность падения была хорошо заметна — струи сплетались друг с другом, озеро под ними словно кипело.

Вода на середине подводопадного озера была спокойной. Не казалась таковою, как выше по течению, а именно что была. За долгие годы водопад выдолбил в скале углубление, вполне достаточное для того, чтобы погасить его яростный напор. Озеро спокойно мерцало внизу, на расстоянии пяти-шести человеческих ростов, и вытекающая из него река путь свой продолжала так же спокойно и неторопливо. Будто и не она это только что так бесилась и рвалась вперед там, наверху. Смотреть на плавное скольжение её переливчатых струй можно было вечно. Если, конечно, не помешает кто.

Ну да, как бы не так.

Стоило только подумать...

Когда на самом краю зрения обнаружилось внеплановое движение по левому берегу, Ксант лишь скосил глаза, надеясь, что это какой-то ранний и

крайне неумный зверёк спешит на водопой. Хотя автопилот и подсказывал, что вряд ли. Да что они все сегодня, сговорились, что ли?! Сначала те дражные кошки из Совета, а теперь и тут покоя нет! И ведь такое утро роскошное было!

На левом берегу настоящий лес не рос. Так, мелкий кустарник вдоль самой воды, и холмистая степь до горизонта. Некоторые холмы тоже заросли кустами и редкими деревьями, но назвать это даже рощей язык бы не повернулся. Левые потому тот берег так и любят — им лишь бы простора побольше, чтобы побегать всласть. Сами не свои они до побегать. А деревьев не любят. Совсем не любят. Особенно, когда деревьев — много.

По холмам, петляя, тянулась довольно широкая тропинка — левые даже в одиночку предпочитали бегать строем. В смысле — теми же путями, как и все другие. На то они и левые. Правильно же говорят: там, где пройдёт сотня правых — ни одна травинка не примнётся; там, где пробежит десяток левых — останется дорога. Рановато они сегодня что-то. Их лукошки — или что там у них вместо? — далеко, даже если бегом; наверняка вышли ещё до восхода малой луны. И чего им неймётся?

Тропинка петляла между холмами, то выныривая на горку, то снова надолго исчезая из вида. Кто бы по ней ни бежал, и сколько бы их ни было, сейчас всё равно толком не рассмотреть.

Ксант перевёл взгляд на воду. Но бывшее умиротворение возвращаться не спешило. Вот гады! Такое утро испортили. А ведь ему почти удалось...

Понимая, что славного настроения уже не вернуть, Ксант мрачно уставился на пустой участок тропы перед самой скалой водопада. Пляжной прогалины бегущим не миновать. Да и зачем?

Ведь именно это место и было их целью. Небольшой галечный пляж и довольно сильно вытоптанная широкая площадка у самого берега. Собаки — они и есть собаки, куда ни придут — везде нагадят. Это только коты считают ниже своего достоинства оставлять столь зримые следы своего присутствия, а эти...

Ксант презрительно сморщил нос. И тут же заинтересованно расширил глаза — нарушитель его спокойствия добрался таки до берега.

Он был один, и всё ещё пытался бежать, хотя ноги его явственно подгибались, а грудь ходила ходуном под тонкой майкой. Оно и понятно — полночи бежал, придурок. К тому же — совсем молодой ещё щенок, шортики почти чёрные, совершенно не выгоревшие. И сезона не пронёс ещё, клык можно дать! Наверное, будет даже помладше Ильки, малолетнего и нахального не по годам Ксантова братца. И чего тебе не спалось в родной конуре, щенячья мелочь?

Щенок остановился у края площадки, упёрся руками в дрожащие коленки, пытаясь отдышаться. Ксант смотрел на него без удовольствия, хотя и с интересом. Любопытно ему было — а чего это, собственно, ты забыл на вытоптанной твоими соплеменниками площадке у реки, юный сукин сын? И стоило ли оно того, чтобы вот так надрываться?

Щенок ещё раз глубоко вздохнул, выпрямляясь и расправляя ссутуленные до этого плечики. Ксант открыл глаза ещё шире и беззвучно присвистнул. А щенок-то этот, похоже, вовсе не сукин сын, а самая что ни на есть настоящая сукина дочь! Во всяком случае, две симметричные выпуклости под натянувшейся майкой проступили вполне явственно.

Всё непонятнее и непонятнее. Юных сучек до первой вязки, по слухам, держат вообще чуть ли не под стражей, чтобы по неразумию случайно породу не испортили. Это потом уже власть им на это дело даётся просто немыслимая, и от бедных кобелей перестает что-либо зависеть, а первая случка обязана быть только плановой. Первый опыт — святое, так Лоранты-Следователи поставили, а кто мы такие, чтобы возражать Самим Верховным Пилотам?

Нет, настоящего кота, конечно, сметаной не корми, а дай только кому-нибудь по поводу чего-нибудь повозражать. Но тут — птичка прыжка не стоит.

Для Ксанта, впрочем, сучка эта если и представляет какой интерес, то разве что чисто теоретический. Потому как вряд ли кто ещё из котов хоть раз в жизни видел вблизи столь юную и ни разу никем не тронутую... А так — даже если от породы отвлечься, ничего особо привлекательного. Худая, голенастая и до отвращения нескладная. К тому же совсем молоденькая, молочнозубая. Совершенно не тот... хм... типаж.

Юная сучка тем временем слегка отдышалась и повернулась к скале с водопадом — Ксант отчётливо увидел её очень бледное лицо с прилипшими к потному лбу прядками светлых волос. Похоже, противоположный берег и сама река её не интересовали — она смотрела только вверх. Туда, где над самым водопадом подмытая потоком скала чуть выступала, нависая над рекой естественным карнизом. Щенки любили на нём сидеть, свесив босые ноги к стремительно несущейся воде. Или купая их в мелкой водяной пыли, пронизанной осколками радуг — это если сесть лицом вниз по течению, над самым провалом. Некоторые, самые

безрассудные, даже прыгали с этого карниза в озеро. Головой вниз считалось высшим шиком. Самые везучие потом даже всплывали. В смысле — не через два-три дня, когда внутренние газы вытолкнут на поверхность распухшее тело, а сами. Оглушённые, частично захлебнувшиеся, но жутко собою довольные.

Но таких счастливчиков было мало.

Странные они, щенки эти. Ведь отлично знают, что шанс выжить — один к трём. И всё равно прыгают. На спор, чтобы кому-то что-то там доказать. Глупо. Кому и что можно доказать собственной смертью? Впрочем, на то они и щенки...

Сучка вздохнула — прерывисто и быстро, словно всхлипнула. И легко побежала по тропинке вверх, к карнизу. Ей на весь подъём хватило трёх-четырёх глубоких вдохов — всё-таки быстро они, заразы, бегают! На самой высокой точке тропы она резко и почти испуганно обернулась, словно опасалась преследования. Ксант ещё успел подумать злорадно — ха! Ещё бы ей не опасаться! Поймают — задницу, небось, так надерут, что мало не покажется!

А потом она прыгнула.

Ксант выругался.

Всё было неправильно!

Абсолютно всё!

Эта сукина дочь не должна была портить такое прекрасное утро — и так рано! Она вообще не должна была сюда припираться, а тем более — в такую рань! И прыгнула она не правильно. Она вообще не должна была прыгать, раз не умеет! А она не умела, Ксант это сразу понял, ещё в момент отталкивания. Кто в здравом уме так отталкивается, ну скажите — кто?! Поморщился, следя

взглядом за коротким и совершенно неправильным полётом худенького тела.

Так и есть!

Слишком слабый толчок, слишком медленный разворот, слишком несобранное тело — ей никак уже не успеть довернуться и войти в воду под нужным углом. Нет, конечно, плашмя она не ударится — но угол вхождения всё равно окажется недостаточно острым. Припечатает её изрядно. Наверняка оглушит. И воздух из лёгких вышибет весь — это уж точно. С такой высоты животом о воду — даже и не плашмя вполне хватит. Без воздуха и с набранной скоростью кинет на самое дно. А остальное доделает вода...

Дня через три она всплывёт. Это повезёт ежели. А если за корягу какую зацепится — то и дольше может на дне проторчать. Намного дольше.

И всё это время купаться в озере будет довольно таки неприятно. Да и рядом-то находиться для любого с чувствительным носом — то ещё удовольствие...

Ксант зашипел.

Порасслаблялся, называется. Отдохнул в тишине и спокойствии.

Подтянувшись одним стремительным движением вдоль толстой ветки, он прыгнул вслед за этой душой.

* * *

Не так, разумеется, прыгнул, как она, поскольку вовсе не собирался отбивать себе об воду всё пузо и прочие не менее важные части тела. Пригодятся ещё, чтобы там эти драные кошки из Совета себе не голосили. Не обломится им!

Мощный толчок, переворот, группировка в воздухе, резкий выброс ногами на середине

падения — и вот уже он стремительной свечкой вонзается в тёмную воду. Ещё даже брызги, сучкиным безмозглым падением поднятые, опасть не успели. Сам же он вообще без брызг обошёлся — идеальный прыжок! Давненько так чисто не получалось. От злости, наверное. Интересный эффект, надо будет как-нибудь проверить.

Воздуха он ещё в полете набрал, чтобы времени и инерции не терять. Скорость тоже была вполне приличной — он, в отличие от этой дуры, ни о воду, ни о воздух не тормозил бестолково раскинутыми конечностями. А потому на дне оказался даже раньше юной сучки. И теперь смотрел с искренним любопытством, как она медленно падает на него сверху, безвольная и оглушённая. А красиво, однако. Тонкий почти мальчишеский силуэтик на фоне зеркальной зелени, сквозь струящиеся короткие волосы просвечивают первые солнечные лучи. А вверх медленно уплывает вторая такая же фигурка — отражение в зеркале озёрной поверхности. И, если приглядеться, где-то совсем-совсем высоко можно разобрать смутное светлое пятнышко — запрокинутое лицо самого Ксанта. Красиво...

Пузырьков, кстати, над ней не наблюдается. Но хорошо это или плохо — сейчас не понять. Да и вряд ли она действительно сумела удержать в лёгких хотя бы немного воздуха после такого-то удара животом и грудью. Одна надежда — вдохнуть ей после такого тоже проблематично. Ладно, на месте разберёмся...

Оттолкнувшись от каменистого дна, Ксант решительно двинул вверх. Подцепил на полпути девицу — она не сопротивлялась, вяло тормозя о воду лишь в силу инерции. Вынырнул, шипя, плюясь и гримасничая от боли в ушах. На входе

как-то не до того было, а сейчас вот припечата-
ло — тут всё-таки роста в три глубина, не мень-
ше, перепад давления довольно чувствительный.
По уму, так надо было не спешить с подъёмом,
выравнивая постепенно и стравливая через нос.
Но кто знает, когда этой дуре в себя придти забла-
горассудится? Ладно, не смертельно...

К берегу он плыл, работая ногами и одной
рукой — на второй безвольным кулем висела
обморочная девица. Это хорошо, что в себя она
так и не пришла, а то могла бы и потопить сдуру.
Пока — хорошо.

Но сучка, даже будучи выволочена на берег,
признаков жизни по-прежнему не подавала.
Похоже, наглotalась всё-таки. Скверно. Ксант
вздыхнул и перевалил её безвольное тело лицом
вниз, животом поперёк своего выставленного
колена. Резко надавил между острыми лопатка-
ми. Потом ещё раз.

После третьего толчка девица булькнула и выда-
ла струю воды. Закашлялась, отплёвываясь и
слабо трепыхаясь. Ксант бесцеремонно скинул её
на прибрежную гальку. Теперь уже не помрёт.

— Извините, — пискнула девица. С трудом
взгромоздилась в колено-локтевую позу. Дёрнула
облепленным чёрными шортами острым задиком,
выгнула спину горбом так, что сквозь мокрую
майку проступил каждый позвонок, и выдала
ещё струю воды. Закашлялась. Повторила совсем
тихо: — Извините...

Ксант сморщился, словно разжевал целую
горсть ещё не тронутой морозом болотной рдянки.

Вон оно.

То самое, из-за чего с ними со всеми совершен-
но невозможно иметь дело. Нет, не её состояние —
коты, бывает, тоже блюют. И, между прочим,

далеко не всегда делают это относительно чистой озёрной водой. Давеча, помнится, Тим ягодной браги перебрал... Ох, как же его потом чистило! Красивым таким красно-фиолетовым фонтаном. Просто любо-дорого посмотреть!

Но он хотя бы не извинялся при этом.

А эти...

Они готовы извиняться с утра до вечера, заранее чувствуя себя виноватыми во всём подряд. И перед всеми подряд.

Так и хочется пнуть. Прямо по виновато выгнутой спине и пнуть — раз виновата, так получай!

Нет, конечно, котов тоже иногда пнуть хочется. И ещё как хочется! За наглость, за вечное хамство, за мелкое подличанье, за учинённую лично тебе гадость. Тима того же, например, очень даже хорошо тогда попинали. Прямо по наглой рыжей морде. За то, что он любимую лежанку Степана своим дальнобойным фонтаном загадил. Степан как раз и пинал — другим-то зачем связываться? Не их же лежанка.

А вот любую собаку пнуть хочется всегда. И всем. За эту их вечную готовность извиняться. За неизбывно жалобный взгляд. За постоянное желание услужить. За то, что они — собаки, и этим всё сказано...

— Извини, — повторила меж тем девица в третий раз. И села, подняв на Ксанта жалобный взгляд, — Я тебя не заметила. Не думала, что тут кто-то... А ты кто?

— Я? Ксант. — ответил Ксант веско. Не распинаться же перед этой дурой?

— Ксант?.. Это из какой сворки? Извини, я что-то тебя не припомню... — она нахмурилась, потом просветлела. — Ой! Извини! Я поняла — ты из сторожевого посёлка, да? Потому-то ты тут и

оказался в такую рань... Я тебе помешала? Извини, я не хотела...

Ксант сморщился — скулы снова свело кислотной. Если её не прервать — она, пожалуй, заизвиняет его до жестокой изжоги.

— Я — кот.

Уррф!

Как хорошо!

Сидит, молчит, глазёнки вытаращила, хлопает ими и — слава тебе, о Первый Пилот! — молчит! Не извиняется. Счастье-то какое!

Спохватившись, поджала голые исцарапанные коленки, натянула на них майку. Даже порозовела слегка. Наверняка мамашка, сучка старая, много раз талдычила обожаемой доченьке, какие плохие мальчишки эти ужасные коты. Так и норовят отобрать у породистой девушки самое дорогое!

Ксанту стало смешно. И даже немного жаль эту дуру — мокрую, дрожащую, со слипшимися волосёнками и красными пятнами, вконец изуродовавшими и без того не слишком симпатичное личико. Ноги исцарапаны и перепачканы илом, одна сандалетка где-то потерялась. Знала бы она, насколько непривлекательно выглядит сейчас! Не то что порядочный кот — самый последний кобель, и тот не оскоромится! Может, если объяснить ей это — она успокоится и перестанет дрожать?

Подумав секунду-другую, Ксант всё же не стал ничего объяснять. Юную Леди подобное объяснение вряд ли бы успокоило. Скорее уж — наоборот. Сучка эта, конечно, далеко не Леди, но кто её знает... Лучше не рисковать.

— Уходи! — выпалила она внезапно, сверкая глазами, — Уходи на свой берег, кот! Быстрее!

И Ксант с некоторым разочарованием осознал, что ошибался — краснела она вовсе не от

смущения. Эти некрасивые пятна на скулах были признаками благородного негодования. Правильно. А чего ты ещё ждал от сучки? Не благодарности же?

— Уходи! — голос её сорвался, но почему-то не на крик, а на полущёпот. — Да уходи же ты, ну, пожалуйста! За мной наверняка уже... А здесь — патруль, понимаешь?! Граница! Они не посмотрят, что ты... Раз нарушил — всё! Камень на шею, и... О, Лоранты, за что мне такое наказание, да что же ты стоишь?!

Уррф...

Ксант сглотнул. Что-то ты сегодня не в форме, брат. Ошибиться два раза подряд... Нагловатой улыбочкой прикрыл растерянность:

— Оглянись, деточка. Я-то как раз на своем берегу.

Она моргнула. Глянула по сторонам. Потом, вывернувшись — на противоположный берег. Сникла. Протянула растерянно:

— Ой... извини...

Ксант ожидал чего-то подобного — и потому ему удалось даже почти не поморщиться. Она продолжала сидеть на гальке с видом... ну да! Побитой собаки! Как хотите, а иначе не скажешь. Раздражаясь всё больше и больше, Ксант подошёл к ней сам. Взял за безвольную руку, поднял рывком, развернул лицом к реке и лёгким шлепком пониже спины придал ускорение в нужном направлении. Закрепил его словесным напутствием — на случай, если физическое воздействие до неё не дошло:

— Топай, детка. Плыви на свой берег, поняла? И больше не прыгай, раз не умеешь.

Девушка ему уже порядком поднадоела. Очень хотелось обратно на какбыдуб — развалиться

на уже наверняка прогретой солнцем ветке и лежать, глядя на переливчатые радуги и ни о чём не думая.

Дойдя до ближайшего ствола, он покорябал ногтями кору, принюхался к острому свежему запаху древесной крови, муркнул от удовольствия. Прижался лбом к тёплому стволу. Маленькие радости можно получить, и не ходя в сквот, только почему-то не все это понимают. Ксант вздохнул.

И обернулся, заранее зная, что увидит.

* * *

Так и есть.

Она стояла у самой кромки воды, поникшая и несчастная. Пальцами босой ноги шевелила мокрую гальку. Иногда случайная волна окатывала её ноги почти до колен — она не вздрагивала, хотя вода была довольно холодной.

— Ну а сейчас в чём дело?

Вот теперь она вздрогнула. Вскинула испуганную мордашку:

— Извини, я не слышала, как ты...

— В чём дело, я спрашиваю?

Ха! Ещё бы она слышала! Любой уважающий себя кот умеет ходить бесшумно. Да и не так уж это трудно, босиком да по гальке...

— Я не умею... извини...

От её несчастного вида Ксанта передёрнуло.

— Ну и чего ты ещё не умеешь?

Мордашка сморщилась плаксивой гримаской — у Ксанта аж руки зачесались стереть её парой затрещин:

— Плавать... — и таки добавила, сморщиваясь ещё больше, — извини...

Уррф!

— Тогда какого...

И замолчал на полуслове. Потому что понял.

— Я должна была попытаться... — сказала она жалобно. — Это ведь я виновата, что Лоранты-Следователи больше не проводят Испытаний. Наше последним было, моё и Вита... Я вчера подслушала, как Вожаки говорили с Держателем поводка, вот и подумала...

— Отпусти ее, тварь!!!

Удар был не столько сильным, сколько внезапным. Да, брат, что-то ты совсем расклеился — слышать, как этот тип сопел и топал, думая, что подкрадывается абсолютно бесшумно, ты, конечно, слышал, но вот такого стремительного нападения почему-то совершенно не ожидал. Другой бы от неожиданности немедленно выпал в сквот, но Ксант не зря гордился своей выдержкой. Он лишь покатился кубарем по гальке, всеми конечностями вцепившись в своего нетерпеливого противника.

Раздумывать, кто это и откуда взялся, будем потом, пока же главное — вывернуться. Тем более, что оказаться сверху не удастся — он понял это ещё в середине предпоследнего кувырка. А потом, мгновенно разжав захват, пнул противника всеми четырьмя — и тут же откатился в сторону. Вскочил, шипя на вдохе и слегка выпуская когти.

Но недавний противник нападать не собирался.

Разумеется, щенок. Разумеется, совсем ещё молоденький — если и старше недоутопившейся сучки, то не больше, чем на сезон. Он стоял в горделивой позе, выпятив подбородок и сжав кулаки, отгораживая своим телом девицу от Ксанта. Весь из себя такой грозный защитничек. Понятно...

— Ты её не получишь, ясно?!!

— Вит, не строй из себя дурака, — девица протиснулась мимо, — Знакомься. Это — Ксант. Он не дал мне утонуть.

— Он кот!

— Он. Не дал. Мне. Утонуть.

Вит зарычал, не желая верить в такую несправедливость.

Красивый мальчик. Такой непосредственный в своём праведном гневe. Породистый такой. Ксант даже залюбовался, неторопливо втягивая когти.

А ведь они похожи, эти двое. И не только тем сходством, которое объединяет любых собак. Последнее испытание, да? Может быть, действительно однопомётник. Даже скорее всего — судя по сходству. Интересно только — старший или младший? Выглядит он куда более развитым, а вот лицо — совсем детское...

А одежда, кстати, на нём совершенно сухая. Такие же чёрные шорты, только майка не белая, а ярко-жёлтая. И, что характерно, — сандалии отсутствуют, а ведь они не очень-то любят бегать босиком. Значит, сбросил на том берегу. Обувь сбросил. Одежду — нет. И одежда эта сухая. Что из этого следует? А следует из вышеотмеченного, что этот сукин сын перешёл поверху, а не переплыл. Вообще-то, вполне реально. Только вот раньше считалось, что делать это могут только кошачьи. Потому что для этого нужно уметь не только хорошо прыгать, но и лазать по деревьям.

— Вит, не глуми...

— Он кот! Ему нельзя доверять! Что он от тебя хотел?!

Ксант фыркнул. Не подействовало. Тогда он коротко взмякнул началом боевого клича. Коротко, но очень громко. И чрезвычайно внушительно.

Такое не подействовать могло только на глухих от рождения — оба щенка даже слегка присели. Хорошо ещё, лужу под собой не наделали, а то с некоторыми случается. Уставились в четыре оторопелых глаза, моргнули одновременно.

До чего же они все-таки похожи!..

— Убирайтесь на свой берег, щенва недоделанная! — Ксант демонстративно выпустил когти на всю длину, мазнул лапой воздух, — Здесь мауя-у террриторрия-у!

Когти были откровенной демонстрацией, да и в голос он специально подпустил сквотерских мяукающих подвываний. Щенки оценили правильно, через речку рванули, как на третьей крейсерской. Плавать сучка действительно не умела, но братишка волок её довольно шустро, работая за двоих. Мало того, что красавчик, так ещё и сильный.

Странно даже. Вроде единокровники, может даже — однопомётники, не случайно же так похожи. Но при этом он симпатичен настолько, что даже противно, а она...

А она — никакая.

* * *

Они бежали рядом. Тропа была гладкой, хорошо утоптанной тысячами ног, бежать босиком было легко — она сняла оставшуюся сандалию и теперь не хромала. Мягкая пыль бархатисто щекотала пальцы.

Она вполне могла бы бежать и быстрее, но Вит упорно держал прогулочный темп. Может, из-за её босых ног. А может, чтобы была возможность продолжать нравоучения. И старше-то всего на пару вздохов, а туда же. Корчит из себя жожака. Или даже самого Держателя поводков.

А всё потому, что кобель.

Говорят, на правом берегу всё иначе. Говорят, там жожаками становятся лишь самки... Как-то слабо верится. Да и не похож этот странный Ксант на затюканного и с малолетства привыкшего к рабскому ошейнику. Вообще бы не верилось в эти разговоры полушёпотом, но наставник каждый раз больно бьёт по губам, если услышит. А бьют обычно только за правду. Может быть, Ксант — исключение? И остальные коты вовсе не такие? Сравнить было не с чем — она не знала других котов...

Она поморщилась:

— Вит, не глуми...

Ее голос был устало-безнадёжным. Она давно уже привыкла к тому, что переубедить в чём-либо брата невозможно.

— Он же кот, пойми! Это совсем другая психология. Забота о ком-то, кроме себя самого, им свойственна не больше, чем нам — измена сворке! Что он хотел от тебя? Он ведь наверняка что-то требовал взамен! Ты — мне, я — тебе, они же только такое понимают!..

Переубедить — невозможно. Это да. Но вполне возможно отвлечь. Переключить на другое. Остаётся только придумать — на что?..

Впрочем, не надо врать. Ты прекрасно знаешь, на что. Только вот — не будет ли это предательством?.. Но, с другой стороны, чужой кот — вовсе не то же самое, что родная сворка. Вит иначе не заткнётся, так и будет нудеть, а у неё уже просто нет сил... Ладно, пусть получит свою сахарную косточку.

Она пожала плечами. Постаралась сделать голос как можно более ровным:

— Может, не успел — ты налетел слишком быстро. А теперь, если ты не устал, стайернём. Хотя бы до второй крейсерской.

— Зачем?

— У нас — важная информация. Нужно доложить как можно быстрее.

— Какая ещё информация? — он фыркнул презрительно, — О чём?

— О том, что не все коты не умеют плавать.

Она легко вырвалась вперёд и полетела над тропой длинными скользящими прыжками. Через некоторое время услышала слева сопение и скосила глаза. Вит нагнал и теперь бежал рядом. Был он хмур и сосредоточен. И — слава Лорантам-Следователям! — больше не пытался читать нотаций.

* * *

Ксант потербил ногтями кору. Фыркнул задумчиво. В жилах всё ещё подрагивали остатки пережитого возбуждения, расслабленно валяться на широкой тёплой ветке больше не хотелось. Столько интересного за одно утро!

Патрульный посёлок на берегу...

Интересно, а Леди-Матери знают? Хотя это, скорее, дело Комитета. Вот уж эти старухи развоятся!

Щенок, умеющий лазать по деревьям...

Хм-м. А ведь это, пожалуй, и посерьёзнее будет. Вся правобережная оборона построена на том, что собаки не любят деревьев. И не умеют по ним лазать. Точно так же, как кошки не любят воды и не умеют плавать. Хм... Точно так же, да? Наводит на размышления...

Да нет, там же не просто в нелюбви дело. У них лапы иначе устроены, с такими не полазаешь. Только если совсем сквот не задействовать, но ведь это же глупо...

Так же глупо, наверное, как и коту — нырять в водопад для собственного удовольствия. Совершенно — кстати! — при этом не задеиствуя сквот...

Хм-м...

А ведь есть и третье — причина, из-за которой несчастная сучка с обрыва бросилась. Она проболталась. Девчонки в этом похожи, что Леди, что сучки, они всегда болтают лишнее, независимо от породы.

Держатель поводка ищет виновных в отмене Испытаний и равнодушии Лорантов-Следователей. Что характерно — ищет среди своих.

Ксант фыркнул. Губы сами собой растянулись в ехидной улыбке. Он ещё не решил, сообщит ли про неожиданное умение полного благородного негодования щенка и про наличие на самой границе скрытного сторожевого поселения левых. Но вот об этом — сообщит обязательно. Хотя бы для удовольствия посмотреть потом на кислую рожу Бетрикс. Кастрировать ей вздумалось. Ха! А вот накося выкушай, не подавившись да не обляпавшись!

Последние испытания были последними для всех. Вот это новость так новость!

И собаки ищут виновных.

Среди своих...

* * *

— Да я вообще сомневаюсь, что они имеют право называть себя людьми! Если станцию прикроют — колонией их всё равно не признают, зуб даю! В лучшем случае, зону объявят в бессрочный карантин. Военные наверняка потребуют тотальной зачистки, они же параноики! Вспомни, как плотоядно на нас посматривал тот боров в погонах на последней комиссии!

— Не говори глупостей. У нас гражданское начальство.

— Милтонс работал на военных! Об этом все знают. А военные всегда уничтожают результаты неудачных экспериментов. Ещё и нас зачистят — за то, что слишком много знаем, но так ничего и не добились. А чего мы можем добиться, когда они сами уничтожили все носители?! И всех носителей, кстати, тоже. Узнаю наших милых армейских чинуш — сначала устраивают ксеноцид, уничтожают модификантов до последнего, а потом задают вопросы и требуют результатов. Нет, ну ты скажи! Ведь любому придурку понятно, что человека под планету перестроить куда проще, чем планету под человека. И выгоднее! Но разве наши вояки считать умеют? Если бы не твой Милтонс — так бы до сих пор и носились с идеей повсеместного терраформирования, хотя любому придурку... А теперь вынь и положи им модификантов-полиморфов, вот так прямо сразу вынь и положи! А нету их, полиморфов этих! Есть только одичавшие оборотни, пёсики-котики, и непонятно, что с ними делать. А отвечать — кому? Отвечать нам, а не твоему любимому Милтонсу! Тоже мне, святоша... Ах, извините, я тут немножко нагадил, но вы же уберёте, да?! Ах, я и тут нагадил? И там тоже?! О, какой я плохой, пока-пока!

— Не смешно. И неубедительно. А вот сравнительный анализ — очень даже.. Милтонсу почти удалось. Непонятно только, зачем могла понадобиться столь жёсткая фиксированность вторичных форм...

— Ну да. Почти. В том-то всё и дело, что почти. Как с предразумными Земли Анники. Сколько они там топчутся на пороге разума? Два или три тысячелетия? И протопчутся ещё столько же, зуб

даю! Так и с нашими туземцам будет, помяни моё слово! Генетически они, конечно, почти что настоящие моди-полиформы, да только вот в том-то и дело, что почти! Вояки увидели, что Милтонс сумел обойти закон сохранения массы, вот губёшки-то и пораскатывали! Да только как раскатали — так и закатают, потому что местные — не моди. Моди! Ха! Настоящие модификанты могли становиться кем и чем угодно! Зелёным камнем, синим цветом, музыкой, электромагнитными колебаниями, даже пьезо-волной! А эти... Они, конечно, не люди уже, но и до моди им срать да срать!

— Не хаами. Тебе не идет.

— Да и кому оно нужно, это твоё доказательство?! Нет, ну вот ты просто представь — допустим, случится чудо, и мы доделаем эту милтонсовскую хрень. Пусть всё это бесперспективно совершенно и у нас нет на то ни малейших шансов, но... Допустим! Доделали. Доказали. Ура-ура. Моди — такие же люди, как мы. Ну или когда-то такими же были. Мы все немножко моди — ну или когда-нибудь можем такими стать. И — что? Кому-то что, будет приятнее оттого, что полвека назад мы уничтожили не жутких монстров-захватчиков, а всего лишь слишком продвинутых двоюродных братишек, заглянувших на огонёк? Или что — это кого-то ужаснёт? Да люди всю свою историю уничтожали себе подобных! Что молчишь? Впрочем, ты прав — никто и не узнает. Эти, в погонах, они же параноики. Они не позволяют. Они же помешаны на контроле! А как можно проконтролировать того, кто может стать пьезо-волной или синим цветом? Засекретят так, что не раскопать... И нас тоже — в лучшем случае засекретят!

— Мешаешь работать.

— Ой, не надо, а?! Всё уже тысячу раз проверено. Мною лично проверено! Ближайшая перспективная пара в подходящий возраст войдёт года через три, не раньше, да и перспективка там так себе. Охота гонять порожняк? Ну, так пора дуй туземцев, возобнови испытания. Хотя при нынешнем финансировании...

— Я перепроверяю начальные расчёты. Если ошибка где и допущена, то в самой основе.

— В основе был Милтонс! А у него — никаких расчётов, только заметки на полях и эта сволочная поэма! Как ты надеешься проверить стихи? Подсчитаешь количество букв?! Сравнишь рифмы? Смоделируешь ритм?!

— Проанализирую изначальную коррекцию генофонда. Сложно, но определимо.

— А на фига? И так понятно, что он сделал, — нашпиговал одичавших разведчиков по уши всякой адаптивной дрянью! Он ведь не мыслил мелочами, наш Милтонс, ему вселенский размах подавай! Непонятно другое — зачем ему понадобилось загонять их в поведенческие стереотипы? Да ещё и в столь жёсткие! Зачем ему нужны были все эти дикарские ритуалы, в которых только сами дикари и способны разобраться? И магия эта дурацкая — зачем?

— Не путай термины. Не магия — нанотехнология.

— Нда? А ты берёшься различить модифицированную до черты какого уровня нанотехнологию -- и магию бытовую обыкновенную? Я не берусь, я же не гений. Гением у нас был Милтонс...

— Сарказм неуместен. Милтонс действительно был гением. Это неоспоримо.

— Сволочью был твой Милтонс! Как и Ферма! Полей ему не хватило, скотине! А мы — расхлёбывай!

Совести ему не хватило, а не полей! Эта его «Поэма о крыльях» — это же издевательство форменное! Почему он не мог написать просто отчёт, как все приличные люди? Почему он не мог просто вести, допустим, тот же рабочий дневник, как любой нормальный лаборант-исследователь?! Зачем потребовалась эта рифмованная занудная хрень?!

— «Поэма о крыльях» удостоена двадцати четырёх межсистемных литературных премий. В том числе — шести пангалактических. И — «личного одобрения» Сеарха.

— Во-во! Литератор, твою мать. Оставил след. Может, он просто пошутить хотел, а? А что, вполне в его духе! Этакая изысканная посмертная издёвка, хохот за крышкой гроба! Прикололся, а мы головы ломаем над глубинным смыслом. Нет, подумай, а? Чем не версия? Тогда понятно, почему оба этих местных вида на «поэму» так молятся! Нет, ты подумай! Чтобы два настолько различных мировоззрения признавали священным один и тот же текст и одно и то же место?! Это же нонсенс!!!

— Почему? В человеческой истории такое уже было. И не раз. А с островом мы им сами помогли.

— Ладно, пусть! Но — поэма?! Что скажешь? Они же чтят один и тот же текст!?! Дословно! Добуквенно! Тютелька в тютельку! О чём это говорит?

— О наличии у них вкуса. Не забывай — двадцать четыре премии. И — «личное одобрение»...

* * *

Настроение было таким же безоблачным, как и вступающее в свои права утро. Ксант не удержался и даже совершил короткую пробежку вдоль знакомой поляны, а потом долго кувыркался в высокой траве. Трава была влажной, одежда моментально

промокла, но это тоже было приятно. На обкатанной гальке берега или мягкой травке Общей площадки он предпочёл бы кувыркаться голышом, но тутошняя поляна была дикой, в траве попадались сучки и даже камни, а лёгкая ткань майки и шорт была прочна и защищала неплохо. Никаких тебе царапин! Порядочный кот всегда должен беречь свою шкурку, он же не собака, чтобы было ему наплевать на собственный внешний вид.

К берегу Ксант вышел, изрядно подустав. Прыжки и кувырки — это всё ерунда, это только в радость и никакой усталости, а вот бег — совсем другое дело. У тех, кто ведёт преимущественно лазательный образ жизни, суставы вывернуты несколько иначе и для пробежек не предназначены. Да и вообще — не кошачье это дело! Так рассуждали все ксантовские соплеменники.

И, возможно, именно потому Ксант бегать любил. И умел — по кошачьим меркам, конечно. Во всяком случае, на правом берегу не было никого, кто бы смог от него убежать. Или — догнать, что иногда бывает куда важнее...

Нет, не то, чтобы он скрывался — упаси Пилот и Лоранты-Следователи, конечно же нет! Он просто пережидал, давая этим дурам из Комитета возможность перебеситься и осознать, какую же глупость совершить они собирались. Не его вина, что они так долго успокоиться не могут — Базилей вчера сказал, что в ближайшие дни на это рассчитывать не приходится. Даже раздобытая Ксантом информация их не успокоила. Ну что ж, это всего лишь значит, что драным кошкам тоже не стоит рассчитывать в ближайшие дни увидеть перед собой светлый лик Ксанта. Не дурак же он, чтобы добровольно отдать своё тело на расправу их отравленным когтям?

Ничего, вот подумают пару дней — и сообразят, что в своём требовании искупительной жертвы до смешного повторяют глупые претензии лево-бережных Вожаков.

Хвостами, так сказать, в такт виляют.

И когда дойдёт до них это — вот тогда и пойдут они на попятный, моментально потеряв к Ксанту всяческий интерес. Ещё бы! Кому же охота хоть в чём-то быть похожим на собак?! Да над ними же тогда даже самые дальние лукошки смеяться будут! Базилий — кот учёный, он тоже считает, что торопиться следует лишь при отлове блох или расстройстве желудка. Вот пусть и бесятся. А мы подождём. По берегу погуляем. Искупаемся. Может быть...

На берегу его ждал сюрприз.

На том берегу, что за рекой. Приятно-забавный такой сюрприз. В чёрных шортах и жёлтой майке...

* * *

Пришёл-таки.

Мвау!

Какая приятная неожиданность. Красавчик Вит собственной неотразимой персоной. Ну кто бы мог подумать!..

Ксант потянулся и широко зевнул, чтобы скрыть улыбку. Неторопливо стянул через голову майку, уронил на камни. Снова потянулся — картинно, всем телом. Смотрел он при этом в сторону водопада, делая вид, что совершенно не замечает сидящего в сотне прыжков щенка. Пришёл посмотреть? Ну так смотри. Может, и расхочется тебе тявкать и лапу задирать на порядочных котов.

Ксант приоткрыл сквот чуть ли не на половину и выбрал для показухи «драку без правил с шестью противниками». Руки-ноги-лапы слились в полупрозрачную стремительную тень, жалобно пискнул исполосованный острыми когтями воздух, где-то высоко над головой мелькнул водопад, близкая галька и далёкая фигурка в жёлтой майке — и всё кончилось. Драка с шестью противниками тем и хороша, что кончается быстро. Если не сумел справиться с ними за один-два вдоха, можешь уже и не трепыхаться — поздно. Кончать с ними надо первым же ударом.

Сейчас, например, Ксант не был собой особо доволен — второго своего предполагаемого противника он убить явно не смог, так, по касательной зацепил. А пятого вообще даже и не задел — на какой-то момент его слегка занесло, и когти ушли в сторону, свистнув по воздуху хотя и весьма эффектно, но совершенно бессмысленно. Но со стороны эти ошибки заметить не смог бы даже и профессионал — не то что щенок-недотёпа с противоположного берега. Ну что ж, с зарядкой покончено. Теперь очередь водных процедур...

Развалистой кошачьей походочкой направляясь к своему любимому какбыдубу, Ксант почти полностью закрыл сквот. Оставил так, самую малость для облегчения подъема по стволу — при нырянии естественные реакции сквота могли существенно помешать. И в итоге испортить всё впечатление. А это никуда не годится — если уж собрался показушничать, то делать это надо красиво...

Он взлетел по дереву буквально одним движением, едва касаясь ствола когтями. Двумя слегка растянутыми картинными прыжками преодолел толстую ветку, служившую трамплином. На четверть вдоха замер на краю — и прыгнул. Красиво

так прыгнул, прогнувшись рыбкой, и в воду вошёл идеально, без всплесков. У самого дна развернулся и, отчаянно работая всем телом, вынырнуть сумел тоже красиво — набранной скоростью его буквально вышвырнуло в воздух. Тут главное — успеть перевернуться, чтобы и второй раз уйти под воду вниз головой.

Он успел.

Второй раз вынырнул уже неспешно, с ленивой грацией перевернулся на спину. И завис, распластавшись по поверхности и позволяя течению себя нести. Он давно уже изучил это озеро, как собственный хвост. И отлично знал, в каком именно месте нужно вынырнуть, чтобы течение принесло тебя именно туда, куда надо. Ксант еле слышно фыркнул и расслабился, очень довольный собой...

— Ты здорово плаваешь.

Сердце, кажется, пропустило удар. А потом неприятно дёрнулось где-то в желудке. От хорошего настроения не осталось и следа. Когда уши твои под водой, голоса с поверхности доносятся искажённо. Но всё же не настолько, чтобы была возможность ошибиться.

Ксант открыл глаза, перевернулся и сел на колени в позе ученика. Вообще-то, он встать собирался, но дно оказалось неожиданно близко.

— И прыгаешь тоже здорово...

Ксант встал, чувствуя себя донельзя глупо. И какого милтонса ей потребовалось цеплять эту жёлтую майку? Развязной улыбкой прикрыл то ли раздражение, то ли растерянность:

— Да, я такой!

Отряхнулся, передёрнув всем телом и решительно выходя из воды.

— Пошли наверх, там солнышко.

— А нас тогда сразу же в посёлок перевели. Меня даже за вещами не пустили, Вит позже всё сам принёс. На заставе в сторожевую будку загнали, там и продержали почти полдня, расспрашивали — как, да что, да почему... А потом сразу и отправили. Прямо в посёлок...

А забавно всё-таки иметь дело с собачкой. Там, внизу, он ведь почти нарывался. Любая уважающая себя юная Леди, услышав подобный нагло-повелительный тон и такую усмешку увидав, моментально бы фыркнула, хвостом вильнула — и только бы её саму и видели. А этой — хоть бы что. Разулыбалась, следом чуть ли не вприпрыжку побежала, довольная — как же! Позвали! Теперь вот рядом сидит. Болтает, постоянно норовя заглянуть в глаза. Словно спрашивает взглядом одобрения каждому сказанному слову. Ксант не мог сказать, чтобы ему это нравилось. Но и активной неприязни тоже не было. Так просто — забавно.

И непривычно.

— Наверное, это правильно. Мы ведь действительно виноваты. Очень сильно виноваты... Нет, не в том, что сбежали, это так, глупость детская, за это даже почти и не ругают, так, накажут слегка, и всё, сразу же прощают. Все хотя бы раз срываются с поводка, это нормальная болезнь роста, нам вожак-наставник объяснял. Мы провинились гораздо сильнее. И раньше...

Ксант фыркнул, закусив тонкую травинку. Спросил сквозь зубы:

— Испытания, что ли?

— Да, — теперь она смотрела на собственные исцарапанные коленки и выглядела несчастной. — Мы ведь их провалили.

Ксант фыркнул громче. Сплюнул изжѣванную травинку.

— Подумаешь, новость! Их все проваливают.

Она упрямо покачала головой, по-прежнему не отрывая взгляда от коленок. словно хотела рассмотреть там что-то важное.

— Ты не понимаешь. Мы были последними. Бобби, Пит, Сьюсси, Большой Рекс и Хинки. И — мы с Витом. Пит был из прошлогоднего помета, но проболел тогда. Я была самой младшей и очень мелкой, меня даже сперва хотели на следующий год оставить. Но у меня были хорошие показатели. У нас у всех были просто невероятно хорошие данные. Но у меня — самые лучшие. Лучше даже, чем у Вита, хоть он и куда крупнее был. Нами так гордились, так готовили... Мы должны были пройти Испытания, понимаешь?! Если не мы — то вообще никто! Мы ведь лучшими были... И всё-таки мы не смогли. Мы виноваты, мы всех подвели. Даже Лорантов-Следователей — они ведь тоже на нас надеялись. Они тоже понимали — если не мы, то никто, потому и перестали проводить Испытания. Какой смысл, если уж даже мы — не смогли?.. Мы последними были. Мы все виноваты. А я... я была самой последней. Значит, и виновата больше всех.

Ргмвау!

В голосе трагические подвывания, губки поджаты, бровки домиком. Как же они все в этом своём горделивом самоуничижении похожи. Похожи и... забавны.

Ксант фыркнул в третий раз:

— Подумаешь! Ну и я был последним. Так что ж мне из-за этого теперь — топиться, что ли? Глупая ты — этим гордиться надо! Сами Лоранты-Следователи обломали об нас свои драгоценные

зубы — и ничего не смогли выжать! Так долго готовились, так были уверены — и обломались. Об меня. Маленького такого и скромненького котёночка — я в том помёте вообще один был. Нет, правда же, действительно — есть чем гордиться!

Ну вот, так-то лучше — она наконец-то отвлеклась от своих коленок и смотрела на него во все глаза. Довольно-таки округлившиеся глаза, надо отметить.

— У вас... у вас что — тоже?.. У вас тоже нет Исытаний?

— Ну да.

Он откровенно наслаждался её реакцией. При этом ни малейших угрызений совести по поводу выдачи собакам ценной информации не испытывал. Вот ещё! Эти старые твари из Комитета сами во всём виноваты. Если бы они вовремя признали свою ошибку, он не болтался бы тут и не трепал языком. Да и сучку эту глупую жалко. Мается ведь, дурочка. Так пусть порадуется, доставив начальству столь лакомую новость. Ксант вон, благодаря ей, очень даже порадовался два дня назад. Теперь сучкина очередь.

— И д-давно? Когда... когда у вас были последние?

— Полагаю, тогда же, когда и у вас — У Ксанта было два дня на раздумья. — Пятнадцать сезонов назад, так?

Она кивнула — несколько раз, словно забыв вовремя остановиться.

— Ужас какой. Мы-то думали... Хотя бы у вас... злились, конечно, но понимали, что сами виноваты... надеялись снова заслужить право... всё это время...

— Не переживай! Как видишь, не ты одна виновата, — Ксант успокаивающе потрепал ее

по плечу, стараясь сдержать улыбку. Торопливо поднялся. — Передавай привет братишке. И... знаешь что? Приходите вечером, если захотите поболтать. Тут на закате красиво, я часто бываю...

Дольше тянуть не следовало — сопение и торопливые шаги Вита приближались довольно быстро, и нужно быть окончательно спятившей на своей вине сучкой, чтобы их не слышать. Ветви его любимого какбыдуба нависали над водопадом в обманчивой близости — пара прыжков до ближайшей, не больше, только вот мало кому удаётся оттолкнуться от воздуха.

Он прыгнул почти без разбега, приоткрыв сквот на треть. Вцепился когтями левой руки в толстую ветку намертво, по инерции крутанул тело, обхватил ногами следующую ветку — ту, что повыше. И успел вовремя втянуть когти — иначе его просто бы сдёгнуло обратно за руку.

Прежде, чем гордо удалиться, он позволил себе пару мгновений полюбоваться её прелестным братишкой во всём его грозно-негодующем великолепии — и даже послать им обоим на прощание по воздушному поцелую.

И даже услышать за спиной такое знакомо-подозрительное:

— Чего он опять от тебя хотел?!

* * *

— Ты помнишь свое Испытание?

Сегодня она была одна. И поэтому Ксант устроился рядом, подставив спину ярким солнечным лучам и грея пузо о тёплый камень. Вчера вечером он отменно развлекся, лежа почти в такой же позе и разглядывая сквозь прищуренные глаза эту славную парочку. Юную сучку, которая опять

чувствовала себя несчастной и во всём виноватой. И её прелестного братика, так умильно хмурившего свои белёсые бровки. Он, вероятно, предполагал, что хмурит их очень даже грозно. Такой весь из себя супербдительный и готовый мгновенно встать на защиту глупой сестры. Такой весь из себя...

Щенок.

Старшенький, стало быть. Значит, односезонник с Ксантом. А по личику и не скажешь. Впрочем, это котята взрослеют рано, а собаки в большинстве своём так до старости щенками и остаются. Им всегда нужен поводок — и тот, кто этот поводок держит твёрдой рукой. И поэтому с ними так часто скучно. Но пока что Ксанту скучно не было. Этот молочнотубый красавчик, так усиленно пытающийся изобразить из себя гордого жожака стаи, его забавлял.

Перепрыгивать на левый берег Ксант вчера не рискнул, лежал на своей любимой ветке и наслаждался, самым вежливым тоном отпуская довольно рискованные шуточки и тем выводя несчастного пёсика из себя. Довольно долго так наслаждался. Пока не заметил, что неудачливая утопленница молча плачет.

Она старалась делать это как можно незаметнее, глотала слёзы и запрокидывала голову, старательно моргая, чтобы они стекали по вискам, теряясь в светлой путанице волос. Но всё равно настроение было испорчено. Вот же глупая дура! И что ей втемяшилось? Ксант ушёл, не прощаясь.

Да что там, не ушёл — сбежал. Даже в полноценный сквот сверзился, так хотелось отхлестать себя по бокам длинным хвостом.

С придушенным мявом вывернулся из мешающей одежды, злобной фурией пронёсся по толстым

широким веткам, распугивая птичью идиллию. Одна крылатая дура заполошно порхнула прямо из-под лап — прыгнул, но не поймал, да, впрочем, не особо и хотелось, и прыгнул-то так, от злости больше, мол разлетались тут! Порядочным котам не пройти!

Поорал немного для порядка, подрал кору и таки хлестнул себя хвостом. Полноценного удара по бокам не получилось — всё время под хвост попадались какие-то мелкие ветки. И почему-то от этого вдруг стало смешно.

Злость испарилась.

Он вернулся по веткам неторопливой уверенной пробежкой, всё ещё помякивая и делая хвостом непристойные жесты — но уже больше так, для порядка. Настоящая злость ушла. Надо же, как далеко шархануться успел, не на шутку достало, видать. Хорошо, что без майки, из шорт вывернуться несложно, а вот майку бы точно порвал, и хранительница Миурика, ставшая недавно младшей из Старших матерей, ни за что не дала бы новую — одежда драгоценна, её выдают лишь взрослым, беречь умеющим. Не умеешь беречь — значит, не достоин, ходи голым, как в сквоте. Или сам себе делай кожаную. Как у охотниц. Они утверждают, что гордятся этими грубыми самодельными шмотками. Да только вот почему-то заядлые охотницы проводят большую часть жизни в сквоте — может, как раз потому, что в сквоте можно бегать голышом? Вряд ли им на самом деле нравится эта грубая и жёсткая гадость — Ксант попробовал как-то, и полдня не проносил, как стёр себе всё, что только мог. Нет уж!

Мрявкнув от неприятного воспоминания, Ксант передёрнулся всей кожей — так, что густая рыжая шерсть прошла волнами от ушей и до самого кончика

хвоста, последний раз недовольно мотнувшегося из стороны в сторону. Спрыгнул с дерева, уже на земле вышел из сквота, торопливо натянул брошенные шорты. Огляделся — не видел ли кто?

Хоть в этом повезло — зрителей не наблюдалось. Никто не видел, как он только что самым постыдным образом потерял лицо, ушёл в сквот не по собственной воле, а просто свалился, как маленький.

Короче, не очень приятно вчера всё кончилось.

А всё она, сучка эта, чтоб ей!

И вот — явилась как ни в чём ни бывало. Сидит себе, улыбается, болтает ногами над пропастью. Словно вовсе и не она тут вчера рыдала, кусая губы, вся из себя такая разнесчастная. Впрочем, такая пусть сидит себе. Она тоже забавная. По-своему. Ну вот кто, например, добровольно захочет вспоминать о собственном Испытании?..

— Вит говорит, что вообще ничего не помнит. Странно, он же меня даже старше, хотя и на чуть всего, но всё время это подчёркивает. Я, мол, старший, а ты — так, мелочь пузатая. И вдруг — не помнит. Не понимаю. Я-то ведь помню, значит, и он должен! Правда, я плохо помню... так, кусками всё. Помню боль. Очень больно было, больно и страшно. Словно куда-то падаешь. Как в плохом сне. И нужно что-то сделать, а ты никак не можешь понять — что... Просто падаешь — и никак не можешь проснуться...

— Красиво говоришь. — Ксант передёрнул плечами, чувствуя, как кожу на спине стянуло ознобом, несмотря на жаркое солнце. — Похоже на начало «Поэмы...».

— Ну... да. Извини... Знаешь что? Я думаю, она как раз об этом. Об Испытаниях. И о том, что нам надо сделать, чтобы их выдержать.

— Вырастить крылья? — ехидный смешок замер на заледеневших губах. Откуда она знает? Откуда вообще кто-нибудь может знать?!

— Не знаю. Извини, но мне кажется, что крылья — это не на самом деле крылья. Это иносказание такое, загадка для нас. Мне, например, тогда казалось, что у меня в животе растёт черная квазироза. Тонкий стебель тянется вверх, через грудь к горлу, распускает вокруг шипы, они рвут меня изнутри, потому-то и больно так... Но эта боль почти приятна, потому что под самым горлом уже появился чёрный бутон. И лепестки дрожат, разворачиваясь... А когда он раскроется — я всё узнаю и всё смогу сделать, как надо... Но Испытание кончилось раньше, чем я успела понять. Цветок так и не раскрылся. А ты? Извини, конечно, что я спрашиваю, но... Ты что-нибудь помнишь?

Она — пёсик.

Просто пёсик.

Маленький глупенький пёсик-девочка. Она, наверное, даже и не догадывается, насколько неприлично спрашивать о таком. И насколько невозможно на это ответить... Ксант пожал плечами, пытаясь выглядеть равнодушно-нейтральным и не топорщить шерсть на загривке. Но всё-таки не удержался:

— Не знаю. Во всяком случае, я не помню ничего такого, из-за чего мне вдруг захотелось бы умирать.

— А я и не хотела, — она снова улыбалась, склонив голову к плечу и поглядывая на него из-под светлой чёлки. — Я просто подумала — а вдруг, если я прыгну с этой ужасной скалы и как следует испугаюсь — всё получится? Ну, понимаешь, тот чёрный бутон... это очень похоже на открытие сквота. Я не знаю, как туда ходишь ты, или кто другой, а у меня — очень похоже. Такое же

лёгкое шевеление раскрывающихся лепестков под самым горлом... Вот я и подумала — а что, если это и есть цель Испытаний? Открытие двери в новый и совершенно неожиданный сквот! А мы испуганно замираем на пороге... потому что малы, перепуганы и ничего не понимаем. Но теперь-то я взрослая и всё понимаю! Главное — суметь как следует испугаться. Первый раз — это всегда очень трудно, мы выросли и не помним, но я видела, как мучаются малыши. И ты тоже, наверное, видел, да? Но если есть смертельная угроза — то всё сразу становится намного проще! Срабатывает автопилот — оп, и ты уже на четвереньках! Ну что ты улыбаешься? Думаешь — глупости? А вот и нет! Все детские игры на страшилках почему основаны? Да потому же самому! Чтобы переход облегчить! И на Испытаниях нас наверняка именно поэтому так пугают! Вот! Всё сходится, понимаешь! Не улыбайся, я же всё равно вижу, что понимаешь. С нашими об этом невозможно говорить, они не понимают, а ты — понимаешь. Даже Вит, хотя мне кажется, что он-то как раз всё отлично помнит. Просто не хочет — ни помнить, ни понимать. Ведь тогда нужно будет что-то делать, понимаешь? Нельзя же понимать — и ничего не делать... Ну что ты молчишь? Считаешь, что я не права?

В этом тоже они все — вечно им хочется что-то менять и куда-то бежать. Интересно, все сучки столько болтают — или это ему персонально так повезло? Не то чтобы её нескончаемая трескотня особо раздражала, но какое-то время он серьёз обдумывал — а не вернуться ли на любимую ветку? Впрочем, лень победила.

Он неопределенно дёрнул ухом — думай что хочешь. То ли согласен, то ли нет, то ли просто муху прогнал.

— А ты хороший, — сказала она вдруг, — Вит не хотел меня одну пускать, он глупый и всего боится. Считает, что все коты — извращенцы, только об одном и думают. А ты меня и не трогал ни разу даже! Это потому, что я для тебя слишком старая, да? Если ты тоже с Последнего Испытания — то мы ведь односезонники, да? — она хихикнула, — Почти однопометники. Наши парни предпочитают помоложе, хотя бы на два сезона. Но я слышала, что у вас всё наоборот, и коты очень любят старых женщин. Может, я как раз-таки недостаточно старая для тебя?

Кажется, она раньше сидела чуть дальше. И этот тон... она что — кокетничает?

Ксанту стало смешно.

Странные они всё же, эти собаки. И с чего они так уверены, что сопливая малолетка может быть привлекательнее зрелой и опытной шлюхи? От зрелой и опытной всегда знаешь, чего ждать. При должном умении можно даже удовольствие получить. Зрелая любовница умна и предприимчива, она думает не только о себе и своих желаниях. Она научилась не только брать всё, что можно, она умеет и отдавать. С истеричной же малолетней перворазкой, которой и хочется и колется — никакого удовольствия, кроме потрёпанных нервов. А можно и когтями по морде получить — у Тима, вон, на всю жизнь шрам остался. Нет, неспециалисту к таким лучше и близко не подходить...

Хотя... Если уж говорить начистоту, Ксант как раз таки и был таким специалистом. Потому-то и не боялся он драных стерв из Комитета.

Кастрировать?

Ха!

Лапы коротки!

Да стоит им хотя бы раз заикнуться о подобном не в своей тесной вонючей компашке, а на

Большом Кругу — как весь Совет Матерей взвоят дурными голосами и выпустит когти на защиту своего лучшего инициатора. Любая мать, в помёте которой имелись незрелые котята женского пола, была с Ксантом приторно вежлива и предупредительна. Четырнадцать благополучно проведенных инициаций говорили сами за себя. Плюс десятка два вполне приличных котят — и это в его-то годы! Впрочем, кто их считает, котят этих...

Короче, обращаться с девицами Ксант умел. Но кто же путает работу и удовольствие?..

— Вит хороший, но глупый. Он бы меня не пустил, если бы не Сьюсси...

Она хихикнула, слегка розовея. Пояснила, придвинувшись ещё ближе:

— У Сьюсси свадьба сегодня. Первая. А Вит такой красавчик — вот она его в женихи и затребовала. Весь посёлок с утра на ушах стоит, и ещё дня три гулять будут, а то и больше — первая свадьба обычно надолго затягивается.

Она была слишком близко. Ксант осторожно сел, стараясь, чтоб это не выглядело слишком невежливо — всё-таки дама, хоть и сучка. Всё вроде вышло естественно, теперь между ними снова не меньше шага — вполне комфортное расстояние.

— Вит женится?

Бедный красавчик Вит. Впрочем, дело житейское...

— Да нет, ты не понял, свадьба у Сьюсси! Она наверняка Тресса выберет, она к нему всегда неровно дышала. А Вит ей просто в женихи нужен, потому что он самый красивый в посёлке. Там и так-то парней немного, она почти всех выбрала, но Вита — первым! А вообще-то, несправедливо, что её с нами изолировали. Могли бы

позволить сначала свадьбу отгулять, а потом уж... а то первая свадьба, память на всю жизнь — и всего одиннадцать женихов, обидно...

— Всего одиннадцать? — Ксант хмыкнул. — Действительно, бедная Сьюсси. А... зачем? Зачем они ей, эти одиннадцать, если она всё равно своего Тресса выберет?

— Ну как ты не понимаешь?! — Ну вот. Опять трагически заломленные ручки и бровки домиком. — Именно для того, чтобы была возможность выбрать! Они все будут бегать вокруг неё, выполнять малейшие желания, доказывать, что они лучше всех! И — кто знает? Может быть, она даже и передумает, случилось и такое... иногда.

У неё хватило совести при последних словах покраснеть. Или это просто закат? А глазёнки уже снова заинтересованно блестят — как же быстро она переходит от трагедии к любопытству!

— А... у вас? Извини, что спрашиваю, но... у вас свадьбы что — не такие?

Ксант представил себе десяток ополоумевших от гормонов соплеменников, с высунутыми языками нарезающих круги вокруг какой-нибудь из Старых Леди. И содрогнулся.

— Нет, — ответил он осторожно, тщательно подбирая слова. В конце концов — она просто маленькая глупая сучка, она не виновата в том, что ничего не понимает. — У нас выбирает кот. Видишь ли, кошке... ей, как правило, всё равно — кто. Поэтому именно кот решает, будет ли он с этой кошкой. Или уступит её... товарищу и подождёт другую.

— Что, на самом деле? — у неё обиженно вытянулось личико, — А я думала, что наставник врёт... Как же это может быть, чтобы совсем всё равно? Не представляю... Ужас какой! А если

вдруг никто не захочет? Или сразу двое?! Тогда что — она сразу с обоими, что ли?!

— Это опять же решают коты — уже между собою. Иногда дерутся, иногда — договариваются. Бывает, что и оба становятся мужьями на какой-то срок. А что: если они друзья и их вполне устраивает — кому какое дело? Главное, чтобы разобрались со всем этим побыстрее — кошки, они ведь ждать... не любят.

— Жуть какая!

Она прижала ладошки к щекам. Что-то непохоже по её восторженной мордахе, что её так уж испугали кошачьи нравы. Или это свойственно всем правильным пёсикам — так восторгаться всем, что ужасает? Только вот братишка её, помнится, что-то не очень-то восторгался. Может, это свойственно только правильным сучкам?..

— У нас рассказывали историю о Леди-Кошке и трёх её Крон-принцах, но я всегда думала, что это просто красивая сказка...

Она снова каким-то неведомым образом оказалась рядом. Ведь вроде же не двигалась — и вот, почти вплотную. На этот раз Ксант не стал отодвигаться — в начале лета сумерки короткие, а ночи холодные. Вот и сейчас вечерняя прохлада уже вступала в свои права, утепляться же, сползая в сквот в присутствии... хм... — всё-таки девочки, пусть даже и пёсика — было как-то не очень. А у неё горячее тело. Если перейти на ночное зрение — наверняка будет пылать, что твой костёр. Горячая гладкая кожа... Это приятно.

Мвау!

— Ну почему же... Я был с ней знаком, хотя и не очень близко. Она умерла всего два сезона назад. Сильная женщина...

Он слегка потёрся ухом о её горячее плечо. Но мурлыкать не стал — обойдётся. Хотя и... ну да.

Приятно.

Ну и что такого? Ну и подумаешь!

Просто приятно в холодных сумерках прижаться боком к такому горячему телу. Просто слишком давно не было такого, чтобы просто тепло, а не работа... почти двухсезонный траур — пожалуй, этого вполне достаточно даже для такой неординарной личности, как Миу. И так уже все вокруг хихикают втихаря...

— А ты хороший, — в голосе истовая убежденность. Нью-нью. Забавно слышать такое от сучки. И даже немного — вот ведь странно! — приятно. Так же приятно, как холодным вечером прижиматься к её пусть даже и костляво-нескладному, но такому горячему боку. Голос у неё приятный, а лица в темноте не видать. Вот и славно...

— Ты хороший и всё-всё-всё понимаешь. Ты слушаешь, а не просто делаешь вид. А это такая редкость... Будь ты из наших — я бы, наверное, тебя выбрала. Не в женихи, а по-настоящему.

Уррф...

Вот же... с-сучка!

Словно ведром холодной воды — да против шерсти, когда только-только в сквоте пригрелся да расслабился... Это хорошо ещё, что у Ксанта выдержка из морёного какбыдуба, другой бы на его месте...

Короткая паника — она же просто ничего не понимает! Она же уверена, что комплимент ему отвесила — а она и отвесила, по ихним сучьим законам. Нда. Увесистый такой комплимент, слышали бы её Старые Матроны — вот бы обхихикались! Промолчать — обидится, а начнёшь объяснять — обидится тем более. Вот же вяпался!

Пригрелся у гладенького да тёпленького, расслабился... и даже не отстраниться теперь — тогда уж точно обидится.

Она отстранилась сама. Можно даже сказать — отшатнулась. Попыталась заглянуть ему в лицо — встревоженно и напуганно.

— Я что-то не то сказала? Ты так напрягся... Извини, я совсем не хотела! Я думала — ты посмеёшься! Извини!

Уррф!

А объяснить, похоже, всё-таки придется. Может, тогда она и обидится, но иначе — заизвиняет ведь до смерти!

— Послушай... я же объяснял тебе — у нас всё иначе. Кошки не выбирают. Но даже не в этом дело...

— Да-да-да, я помню! — закивала она радостно, думая, что поняла основную проблему. Заулыбалась, в темноте сверкнули белые зубы — Я потому и думала, что тебя развеселит, если я...

— У нас нет сворок — решительно перебил Ксант. — И связи, как правило, не делятся дольше Периода. Ну, четверть сезона, отсилы, да и то редко. Тебе наверняка наставники говорили, что коты не умеют любить, только трахаться... ну так вот — это правда. Это не байки, это способ защиты, пойми. Никто из нас просто физически не способен на глубокие чувства — иначе мы бы все давно попереубивали бы друг друга. Кошку — её ведь нельзя любить и оставаться при этом в здравом рассудке. Ни один рассудок не выдержит. Ею можно восхищаться, перед ней можно трепетать, её можно опасаться или ненавидеть, но любить — упаси тебя Лоранты-Следователи! Нельзя любить шлюху, которой всё равно — с кем. Нельзя любить того, кто каждый сезон по

два раза надолго уходит в сквот, причём уходит не телом, а разумом... О, они ужасно разумны и рациональны — в любое другое время, но когда наступает их пора... и наше счастье, что мы давно уже не относимся к ним серьёзно. Правда, иногда случаются... атавизмы...

— Во-во. Наши кобели такие же! Вам хоть повезло, у вас дважды в сезон, а наши разумные да верные только до свадьбы! А чьей свадьбы — им не важно, лишь бы поближе была. Стоит унюхать — и всё. У них от любой, самой завалящей свадьбы просто напрочь рубку сносит. И как их любить — таких?!

Она сочувственно вздохнула. И, кажется, снова пододвинулась. Хм. Это была не совсем та реакция, на которую он рассчитывал. Может, следовало быть ещё чуть пооткровеннее? Какое-то время он раздумывал, а она молчала. А потом вдруг спросила очень тихо:

— Как её звали? Ну, эту, которую ты... атавизму твою? И что с ней случилось? Ведь случилось же что-то, да?

— Не понимаю, что ты имеешь в виду...

Даже он сам слышал, насколько фальшиво звучит его голос. Фальшиво и жалко. Ознобом продёруло по позвоночнику. Ей неоткуда знать. И догадаться не с чего. Он ведь почти ничего не сказал, она не могла...

— Ты ведь тоже из этих, которые неправильные, правда? Я сразу поняла, когда ты заговорил про защиту и про то, что вы не умеете всерьёз... У тебя стал такой уверенный голос! Вит тоже всегда говорит таким голосом, когда начинает врать... У нас говорят, что любопытство сгубило кошку, но я же не кошка, правда? Значит, мне ничего не грозит и можно быть любопытной. Как её звали?

— Не важно.

Ксант передёрнул плечами.

От воды явственно тянуло сыростью, наверное, именно от этого его всё сильнее знобило. Конечно, от этого, от чего же ещё? Внезапный поворот темы перестал ему нравиться. Захотелось уйти. И он сам не понял, почему вместо того, чтобы встать и разом оставить неприятный разговор за спиной, вдруг сказал:

— Это было давно.

— Она... умерла?

Наверное, слух у собак настроен как-то иначе. Во всяком случае, сам Ксант не слышал в своём голосе ничего особенного. Уйти, оборвав слишком странный и ставший чересчур опасным разговор, хотелось всё острее. Но почти так же остро — вот ведь странность! — хотелось продолжить эту щекочущую нервы игру в вопросы и ответы. За последнее время он неплохо наловчился избегать таких игр — слишком уж высоки были в них ставки. Но сейчас-то ситуация несколько иная. Она — с другого берега, и у неё совсем иные понятия о том, что правильно, а что — нет. Она не отшатнётся в ужасе, не покрутит пальцем у виска, не посмотрит с брезгливой жалостью, даже если узнает...

— Да. Давно. Ещё в позапрошлом сезоне.

— А всё-таки — как её звали?

Уррф!

А она упрямая.

Ксант замешкался не больше, чем на пару вдохов. Да ладно! Она всё равно не общается ни с кем из правобережных, кроме него, и некому ей нашептать. Это имя не скажет ей ни о чём, она ничего не поймёт. А, значит, и врать незачем. А он так давно не доставлял себе

удовольствия произносить его вслух, это короткое имя...

— Миу.

— Красивое имя... И ты до сих пор её любишь?

О лоранты, она же совсем щенок! И ей так хочется сказки. Извини, детка, но сказки сегодня не будет. А то ведь ты ещё и счастливого конца потребуешь...

— Вряд ли.

— Ты был ей верен?

— Нет конечно. У меня восемь признанных плановых котят только в последнем сезоне, и это не считая всякой мелочи. Верность — это такая смешная штука... от неё никому никакого толка. Верность — это для вас. Вместо поводка и ошейника, чтобы удобнее управлять. А коты слишком любят свободу, чтобы быть такими... хм... верными.

Даже в темноте было видно, как разочарованно вытянулась её мордашка. И она больше не делала попыток придвинуться ближе.

Вот так, девочка. Именно так. А чего ты ожидала от кота? Романтики? Ха!

Фан-та-зёр-ка...

* * *

— А вот эти, пожалуй, вполне перспективная пара.

— Которые?

— Зонд девять, третий экран. Те, что у водопада.

— Ну-ка, дай глянуть... Ничего себе! Ты в своем уме?! Они же с разных берегов! Ты на ауры посмотри!!!

— Я и смотрю. А ещё я смотрю на генетические коды и дерево вероятностей.

— Бред! Милтонс не зря разогнал их по разным песочницам! Если бы он хотел их скрещивать — зачем вводить столь строгие ограничения и запреты?! Зачем забивать поведенческие табу в самый базис, чуть ли не на генетический уровень?!

— Запретный плод сладок. И песок в чужой песочнице всегда более привлекателен.

— Ты думаешь? Хм... но так переусложнять...

— Я не думаю. Я считаю. И мои расчёты показывают, что у этой славной парочки будут очень интересные дети. Интересные и... перспективные.

— Но кошка с собакой?! Бред...

— Ты лучше посмотри на линию этой малышки.

— Ну-ка, ну-ка... Что-то знакомое... Милтонс свидетель! Это же та самая!!! Зря ты тогда так, надо было дожать! Но... собака и кот?..

— У девочки редкая линия. Именно эту ветвь сам Милтонс называл наиболее...

— Милтонс в своём гребаном недоотчёте называл целых три ветви!!!

— Именно. И представителей двух из них ты сейчас видишь на третьем экране девятого зонда.

— Ты полагаешь, что и он — тоже?.. Нда, действительно, а я как-то даже... Слушай, а ведь это идея! Нет, действительно! Гибрид. Полукровка. Полукровки зачастую куда сильнее родительских пород, тех же мулов вспомнить! Или эль-габриусов! С Милтонса станется запрятать две части пазла на разных берегах. И почему мы раньше не додумались! Но кот и собака... ты думаешь, у них хоть что-то получится?

— Почему бы и нет? При достаточно сильной мотивации...

— Ха! Ну, уж мотивацию мы им обеспечим!..

* * *

Она опаздывала.

Днём до посёлка — рукой подать, даже согреться как следует не успеваешь. Днём она, пожалуй, не сумела бы опоздать, даже сильно постаравшись. Но так ведь это — днём. Днём не цепляют за ноги нахальные ветки, не подворачиваются камни, предательски невидимые в обманчивой пляске теней Малой луны. Днём она бы бежала, а не плелась, через шаг спотыкаясь, и чуть ли не падая через каждое третье спотыканье!

Впрочем, нет.

Днём бы она тоже не успела.

— Где тебя милтонс носит?!

Странно.

Руки у Вита злые, в плечи вцепились грубо, словно намекая на близкое уже наказание. А вот в голосе — больше облегчения, чем праведного негодования. Да и вообще — что он делает тут, в двух шагах от её личного тайного отнорка, о котором, как она полагала, не знает никто? Откуда он вообще тут взялся, злой и вполне вменяемый, когда ему ещё дня два, как минимум, на съюссинной свадьбе гулять полагается.

— Извини...

Он не дал ей договорить, впихнул в отнорок, да ещё и наподдал как следует по заднице — для придачи должного ускорения. Перестарался — она не успела стормозить руками и зарылась лицом в землю. Крутанулась, вывинчиваясь на поверхность уже по внутреннюю сторону забора. Обычно она пролезала тут в сквоте. Но не при Вите же! Поднялась, отплёвываясь и ожидая, пока пролезет и сам Вит. Он сопел, шипел и ругался шёпотом, протискиваясь, и от этого она вдруг ощутила странное злорадное удовлетворение. А

правильно! Нечего по чужим отноркам шастать, не под твои габариты рылось!

А то, что толкнул он её так сильно — это даже и хорошо. С полным ртом земли извиняться очень трудно. А ей почему-то совсем не хотелось сегодня извиняться.

Впрочем, вёл себя Вит настолько странно, что оправдания сами собою завязли бы у неё в зубах, даже имей она желание их озвучить.

Вместо того, чтобы наградить затрепиной — так, для порядка и в преддверии настоящего наказания — он выволок её к освещённой узкими лунами стене патрульной конуры и начал лихорадочно отряхивать! Даже на корточки присел, чтобы удобнее было обтирать какой-то грязной тряпкой её перепачканные в земле ноги. Присмотревшись, она узнала в этой тряпке парадную форму самого Вита. И настолько растерялась, что даже не попыталась сопротивляться.

— Наградил же милтонс сестричкой! — шипел Вит сквозь зубы, слегка подскуливая, — Носит её вечно где-то, а изгваздалась-то, лоранты-следователи, просто ходячий ужас, как же я тебя такую людям-то показывать буду?!

И ещё много чего шипел он, судорожно приводя в порядок её одежду и оттирая грязь с исцарапанных коленок. Но от этого странное его поведение понятнее не становилось.

Внезапно стало светло, над низкими крышами заметались оранжевые всполохи, отодвигая ночь далеко за пределы посёлка. Стенка конуры, к которой прижимались её лопатки от грубой заботливости Вита, внезапно оказалась в глубокой тени — свет шёл с Центрального Выгула. И оттуда же поплыл звон — низкий, тягучий.

В тон ему завыл Вит — тихонечко, сквозь зубы.
— Искра! Они уже дали Искру и Стартовый Сигнал! Скоро топливо подадут и начнут обратный отсчёт! А потом и «Поехали!» прокричат... А мы с тобой ещё не под дюзами!!!

Он схватил её за руку и потащил к центру посёлка, крича на бегу:

— Ты хоть понимаешь, дура, какое тебе счастье выпало! Сами Лоранты-Следователи, да будет вечно стабильной их орбита, выбрали тебя испугательной жертвой!!!

* * *

И любопытная ночь, уже было подкравшаяся в желании разузнать, отчего не спится этим странным двуногим, испуганно отшатнулась от рванувшегося к небесам ревущего пламени...

* * *

Ночь лениво жмурилась обеими лунами — узкими, словно глаза засыпающей кошки. Она и не пыталась разглядеть то, что происходило внизу, под плотным прикрытием глянцево поблёскивающей листвы. Оттуда, сверху, слитные кроны деревьев казались гладью безбрежного моря, спокойной и непроницаемой. Даже если где-то у самого дна и начинались какие-то бурления и суета, до безмятежной поверхности не долетало даже отдалённого намека. Так, зачастую, и сильнейшие глубинные течения не вызывают на поверхности океана даже лёгкой ряби.

Река с высоты казалась серебряной лентой. Огромный и уже почти прогоревший костёр по ту сторону, где не было леса, выглядел самоцветом,

подвешенным на этой ленте. Драгоценным камнем цвета гаснущего пламени...

— Я что-то не совсем понял. У меня что — больше нет Права На Выбор? Священного права? Ты собираешься мне... я не расслышал... кажется — при-ка-зать? Мне, *коту*?..

Непроницаемой листва казалась только сверху. Внизу же света вполне хватало, чтобы как следует разглядеть высоко вздёрнутые брови Ксанта и его широко раскрытые в почти не наигранном удивлении глаза. Всем разглядеть, кому могло бы быть любопытно. Только вот праздно любопытствующих посторонних в Круге не было.

В этот Круг и так-то старались не заходить без особой на то нужды. Сейчас же у всех нашлись срочные дела где-то поодаль. И Ксант сколько угодно мог поднимать свои брови — оценить было некому. Кроме, разве что, Леди Мьяуриссии. Старшей Леди. Самой Старшей. И — вот уже почти два сезона — Старшей Матери. Страшноватое сочетание. Такую вряд ли проймёшь вздёрнутыми бровками и наивно округлёнными глазками.

Ну, ладно, ладно, но попробовать-то стоило?!

— Ну что ты, лапушка... приказать я тебе, конечно же, не могу...

Леди Мьяуриссия ехидно оскалила острые белые зубы. Эти зубы разгрызли с хрустом и писком вот уже шестой десяток сезонов — и, надо отметить, сделали это без малейшего для себя ущерба.

— Как же я могу нарушить Священное Право Кота? Ваше единственное, можно сказать, право... Никак я не могу его нарушить...

Голос у Старшей Леди был мягок и нежен. С такой же мягкой нежностью скользит по обнаженной коже бархатистое пузико Быстрой Смерти. Говорят, у той твари действительно очень

мягкое и нежное брюшко. Ксант не видел — они водятся далеко, где сухо, нет рек и почти совсем нет деревьев. Да и мало кто из тех, кто действительно видел Быструю Смерть и ощущал бархатистость её брюшка на собственной коже, может потом рассказать об увиденном.

— Но кое-что я всё же могу. В том числе — сделать твою дальнейшую жизнь достаточно неприятной. Надеюсь, ты не сомневаешься, что я знаю массу пакостей, которые умная леди может устроить зарвавшемуся котёнку на вполне законных основаниях?

Стоять и дальше с вытаращенными глазами было попросту глупо. Тем более, что зрителей нет. Ксант вздохнул, скривился и отрицательно мотнул головой. В способностях Леди Мьяуриссии он не сомневался.

— Вот и умничка. Так что никаких приказов. Что ты?! Священное право священно, и выбирать будешь только ты сам. Просто предлагаемый тебе выбор несколько... необычен, вот и всё. Но решать всё равно тебе. Ну и так что же ты выберешь и решишь?

Ксант фыркнул. Старшая Леди правильно оценила тон этого фыркканья и заговорила уже совсем с другой интонацией — без нажима и почти как с равным. Насколько, конечно, может быть равней простому коту Старшая Леди.

— Сам подумай — ну что в этом такого? Подумаешь! Просто ещё один Обряд Инициации! Сколько их на твоём счету? Вот-вот, ты же у нас мастер, выдающийся специалист, вести о твоей доблести достигают звёзд, и даже сами Лоранты — и те оценили твоё мастерство по заслугам. Великая честь. Не кого-то потребовали, а именно тебя, сам понимать должен... Впрочем, мы и

без небесного подтверждения всё равно бы тебя выбрали, ты ведь из молодняка самый лучший, кого же посылать, как не тебя? Сам подумай — кому ещё могли бы мы поручить такое ответственное дело?

Ксант фыркнул снова. Вздёрнул подбородок. Он не собирався соглашаться. Во всяком случае — не так быстро. Хотя и знал, что в конце концов придётся. Даже самый маленький и глупый котёнок отлично знает, с какой стороны у птички острый клюв, а с какой — вкусное мягкое пузичко. Но именно потому, что соглашаться всё равно придётся и единственное, что осталось — это как следует выламываться напоследок, то уж выламываться следует как за себя, а не за кого постороннего. Вот и будем выламываться, а они пусть уговаривают. Таковы правила игры.

— Леди, не надо смешить мой хвост! Специалистов полно. И куда более опытных. Тим, например. Или тот же Базилий. Вы, конечно, можете и не знать, но это именно он меня научил всему, что я умею. Но далеко не всему, что умеет он сам.

— Тимур стар. — Леди Мьяуриссия одобрительно улыбулась — она тоже чтит ритуал и не любила слишком быстрых побед. — Вот уже четыре сезона он не провёл ни одной удачной инициации. Да и до этого его обряды были не слишком успешны. Его время прошло. Беда же Базилия в том, что он слишком умён и опытен. Он много знает о прошлом, но эти знания сейчас ему бы только мешали. Тебе предстоит такое, о чём он знал бы не больше тебя. А он — в отличии от тебя — уже привык к тому, что знает и умеет всё. Нет. Будь Базилий единственным котом подходящего возраста — я и тогда не рекомендовала бы поручать этот обряд ему. Здесь нужен вчерашний котёнок.

Умный — да. Опытный — да, но молодой и нахальный. Такой, как ты.

— Леди, если вам нужны сосунки, то Маркисс даст мне фору в два световых по части нахальства и молодости.

Снова сверкнули под луной белоснежные зубы. Показалось или нет, что клыки действительно удлинились и стали более острыми?

— Маркисс — глуупый мальчишка. Он на всю жизнь останется котёонкоум. По части оупыта оун тебе и в подхвоустье не гоудится, да ты и сам это знааешь, ты веедь у наас уумница.

Не показалось. В голосе тоже проступают мурлыкающие интонации. Материнские такие, убаюкивающие. Последний довод — довод Матери. Таким тоном говорят со слепыми котятами. Шалунишка, ты опять вёл себя плохо, но это ничего, ведь мамочка тебя всё равно любит. И слепые котята искренне верят этим словам, а, главное — этому тону. Правда, с возрастом они перестают быть слепыми.

Только вот всё равно почему-то каждый раз так хочется поверить...

— Малыш, послушай, священное право — оно, конечно... но ведь слово Лорантов-Следователей священно не менее! Пятнадцать сезонов они нас игнорировали, пятнадцать сезонов не было никакой надежды на Гуманитарную Благодать... тебе нравится Рацион? Ну так вот, их почти не осталось, этих вкусных маленьких плиток. Что ты так на меня смотришь? Да, именно, они тоже часть Благодати, каждый раз, после Испытаний.... Только вот Испытаний нет уже пятнадцать сезонов. Впрочем, Рацион — ерунда, охотницы нас прокормят, но вот одежда... тебе нравятся кожаные штаны? Грубые, плохо выделанные и

скверно пахнувшие... Впрочем, что я тебе рассказываю, ты же видел охотниц. И нюхал. А скоро всем придётся носить такое — шорты не растут на деревьях. А посуда из глины тебе нравится? Она прелестна, пока остается котячьей забавой, но вот готовить в ней... Зачем? Куда проще уйти в сквот. Надолго. Может быть навсегда. В сквоте не нужна одежда, и еда годится сырая... Ты знаешь, что число охотниц растёт с каждым сезоном? И они всё больше времени проводят в сквоте. Они дичают, Ксант. Мы дичаем. Возобновление Испытаний — наша единственная надежда, иначе очень скоро мы все уйдём в сквот — и уже не захотим возвращаться... как ты думаешь, зачем мы Пятнадцать сезонов мы зажигали Сигнальный Маяк и отправляли дежурных к Лестнице-в-Небо? В некоторых лукошках даже стали поговаривать, что орбита давно пуста. И никто больше не наблюдает за нами свыше. Думаешь, я не знала про эти мерзкие разговорчики? Знала. Но — верила, что это неправда и когда-нибудь неверящие будут посрамлены. И оказалась права. Они не случайно выбрали тебя, у тебя полтора десятка удачных обрядов. Полтора десятка инициаций — и полтора десятка пропущенных сезонов, словно по обряду на каждый, думаешь, это случайно? Нет. Это знак.

— Четырнадцать.

— Ну, пусть пока четырнадцать... это не важно. Пятнадцатый, значит, станет самым важным. Это ещё больший знак, — голос Старшей Леди стал совсем ласковым, — Главное — такая честь... Ты не бойся, подумаешь — сучка, велика важность? Все мы внутри одинаковые, что Леди, что сучки, чего тут бояться? Некоторые леди — те ещё сучки, тебе ли не знать? Просто делай своё

дело, держи покрепче да суй поглубже, делов-то! А если действительно чего опасаясь... — тут её тон стал настолько доверительным, что Ксанта затошнило, — то у меня настоечка есть. Вот, держи. Хорошая такая настоечка, как раз для таких случаев. После неё ты не то что на сучку — на любое дерево с дуплом кидаться начнёшь...

Теперь его брали на «слабо». По ритуалу следовало оскорбиться. И сделать вид, что уходит. Как же — тут сомневаются не только в его храбрости, но и в мужской силе! Он не останется там, где... да он никому не позволит... да он никогда... да ищите другого...

У края круга его, конечно же, остановят. Потом будет ещё два-три взаимных полу-извинений, полу-угроз — и можно соглашаться, не потеряв лица.

Ксанти дёрнул ухом. Ему внезапно стало скучно и противно.

— Ладно. Считаю, что уболтала, языкастая...

* * *

— Кошки его не устраивали! Ну так получай сучку, засранец! Будешь теперь скакать на задних лапках через кольцо! Аппорт, Тузик! К ноге!

Ксанти передёрнул затылком в мягкое серебро плечами, словно сгоняя муху, но оборачиваться на злобное шипенье из кустов не стал.

Много чести.

Дёрнув плечами ещё раз, словно и первый это было только от утренней промозглости, он вышел на берег. Ему не было холодно, ритуальный плащ жениха на поверку оказался штукой достаточно тёплой, хотя и выглядел так, словно пошили его из рыбьей чешуи. И был он плотно застёгнут на горле, плащ этот. Слово ошейник.

Жутко неудобный и издалека видимый всем символ его нынешнего статуса. Чтобы случайно не ошибся никто. Даже не знающий Ксанта в лицо. Даже вообще ничего не знающий.

Вот и сейчас, на берегу, перед ним все почтительно расступались. Впрочем, может, и не перед ним — шестеро молодых Леди-охранниц, накачанных, бдительных и очень не любящих шутить, заставят, пожалуй, почтительно расступиться любую толпу. Этакий то ли почётный эскорт, то ли действительно стража, следить призванная. Чтобы самими Лорантами выбранный жених в последний момент не попытался удрать от предписанного Обряда. Леди Мьяуриссия каждую из них попросила лично — ей очень не понравилось то, как Ксант скомкал конец разговора в Круге.

Тот, кто так легко нарушил один ритуал, будет ли сомневаться, нарушая другой?..

Обряд пришлось отложить почти на трое суток. Сначала Старшая Леди-Мать никак не могла договориться с Держателем Поводка о месте проведения Инициации (или просто Свадьбы — на таком названии настаивали левобережные). Ни та, ни другая сторона не желали соглашаться на проведение столь важной церемонии на противоположном берегу. Сошлись на нейтральной территории, островке на самой середине реки. Такой остров на реке рядом с водопадом и озером был один.

Тот самый, Храмовый, с Лестницей-В-Небо.

Сколько Ксант себя помнил — этот остров был под запретом. Неслабым таким запретом, вполне себе вещественным: стоило только сунуться — и от тебя долго потом так воняло палёной шерстью, что даже пернатые морщили свои клювы. Вот и не совался почти никто. Только дежурные, зажигая

на берегу прямо напротив острова Сигнальный Маяк, каждый раз по несколько дней ждали ответа. А потом кто-нибудь, так и не поверив, всё-таки плыл к острову. И убеждался на собственной шкуре, что и в этом сезоне Лестница так и осталась на Орбите, да будет она вовеки стабильной.

Но вот уже трое суток над рекою не было ночи — малая Луна спустилась с небес и теперь висела над храмом. Правда, пока это был только символ. Знак того, что эти тупицы там, наверху, признали-таки свою ошибку и поняли, что никого лучше Ксанта им всё равно не найти. И Лестница-В-Небо лежала теперь перед ним, покорная и на всё готовая, словно заждавшаяся кошка. И будет лежать и терпеливо ждать столько, сколько Ксанту захочется. Потому что только от него теперь зависит, как скоро родятся те малыши, для которых она предназначена. Да и родятся ли они вообще...

* * *

От дыма слипались глаза и слегка подташнивало. И очень хотелось спать. Глаза она старалась не закрывать, потому что тогда голова начинала кружиться всё сильнее, так сильно, что подкашивались ноги, а падать было нельзя. Никак нельзя падать, если на тебе Лунная Шкурка, священный наряд Искупительной Невесты.

— Эй, кто-нибудь там, скорее воды! Она совсем сомлела!

Узкий носик поильника стучит о зубы. Вода холодная и кислая. Наверняка в ней развели двойную дозу Витаминыистимулятров. Шум в ушах отступает.

— Из-вините... Спасибо. Со мною всё в порядке. Правда. Не надо меня держать.

Лайма, старшая сука коренной сворки, глядит с сомнением. Она не очень хорошо помнит эту полудохлую соплячку. И не понимает, на кой ляд Лорантам потребовалось именно её потомство. Помнится, были даже какие-то сомнения, стоит ли вообще допускать её к Испытаниям. Было там что-то, сейчас, правда, уже и не вспомнить, что именно. То ли слишком долго тянули, то ли, наоборот, слишком маленькая она была, не упомнить, но осадочек остался.

Впрочем, оно и к лучшему. Любую другую было бы жаль отдавать на растерзание извращенцу с правого берега, а эту — пускай себе. Не жалко.

Лайма еще раз осмотрела затянутую в живое мерцающее серебро нескладную фигурку. И снова пожалела, что нельзя ограничиться просто Свадебным нарядом. И даже не потому, что очень жалко тратить на эту недоделанную почти новую Шкурку — мало их осталось. Все наперечёт. И не вернут ведь потом. Но даже не в этом дело.

Просто церемониальная одежда облипала тело будущей Искупительной Невесты, как вторая кожа, подчёркивая все его недостатки. Порода неплохая, её однопометник не зря берёт каждый второй приз в забегах. Но — слишком молода и нескладна. По-хорошему, ей бы ещё пару сезонов погулять, нарастить чего на эти мослы — а там и Свадьба сама собой подоспела бы. А сейчас ей рано ещё, это только слепой не увидит. Как бы правобережники не подумали, что их хотят оскорбить, подсовывая вместо затребованного Лорантами идеала прошлогоднюю тухлую кость. С них ведь станется под этим предлогом сорвать обряд... как они его там у себя называют? Инициации, кажется...

Нет уж.

Этого им позволить нельзя. Не сейчас, когда после стольких сезонов безгранично добрые Лоранты-Следователи наконец-то простили своих неблагодарных заблудших питомцев, и знаком их великодушия светится малая луна над храмовым островом. И Лестница-В-Небо спущена, словно высшая милость, словно обещание, и на стабильной орбите возобновленные Испытания уже ждут детей, которых эта дуреха ещё даже и не готова зачать.

Нельзя заставляя Лорантов-Следователей ждать слишком долго.

А, значит — Свадьба будет. И такая Свадьба, чтобы ни один кот не сумел пойти на попятный. И родит она как миленькая. С первого же раза и родит, есть средства это дело ускорить и обеспечить с гарантией. Верные средства, а вовсе не та ерунда, что жгут сейчас в очаге по тайному приказу Вожака Тарса. Лайма чуть вздёрнула верхнюю губу, приняхиваясь. Ну да, так и есть: камыш и жёлтая метёлка. Детские забавки, да и действуют большей частью на кобелей, то-то они все на взводе с утра. Откуда мужчинам, пусть даже и Вожакам, знать про настоящие женские травки?

Например, про кожицу синего мухомора.

Тут главное — правильно высушить, иначе можно и насмерть отравиться. Многие и травятся по глупости — особенно, если сырыми жрут. Или просто так сушат. А плёночку эту со шкурки перед сушкой ещё и выварить надо, в этом весь и секрет. Зато потом, ежели настоять её на меду и выпить — уже через день можно Свадьбу гулять. Ну, через два, если девчонка такая вот, недокормленная да дохлая. И Свадьбы всегда после такой настойки бывают великолепные, без осечек. И

щенки рождаются здоровенькие и с первого же захода. Хорошее деревце этот синий мухомор. И лишь два у него недостатка — растёт уж больно далеко, несколько дней бегать приходится, чтобы запасы пополнить. И на вкус ужасно горький, даже мёдом до конца не отбить этой горечи.

Хотя последнее свойство, пожалуй, даже и полезное. Иначе бы каждая соплячка захотела раньше положенного Свадьбу закрутить. Нет уж. Свадебный Мёд — напиток не для каждой дуры, уже вообразившей себя ну совсем-совсем взрослой, он лишь на крайний случай. Такой вот, например, как сейчас... Лайма ещё раз неодобрительно оглядела тощую неразвитую фигурку, почти неразличимую за спинами плакальщиц, и окончательно решила.

Подошёл Тарс, посопел над ухом. Спросил осторожно:

— Кого коренные планируют дать в женихи?

Лайма скрыла улыбку. Умный мальчик он, этот Тарс-Вожак, первым спросил.

— Джерри и Тобби Загонщиков, Чёрного Лиса и Остроглазого.

Вот так.

Все ещё молоды, но уже неоднократные победители. Все — только лучшие. Достойны украсить собой любую свадьбу. Пусть немного, но зато каждый — как на подбор, без единого изъяна. Коренная Сворка не собиралась экономить на Свадьбе Искупительной Жертвы и подсовывать всякий мусор. А пристяжным оставалось только правильно понять намёк.

— Я их пока отправила в лагерь у моста, велела ждать. А ты уже решил, кого выделит левая пристяжная?..

Плакальщицы пели в полный голос, от души.

Перед Свадьбой отпевают любую девушку. Ведь для того чтобы родилась женщина, девушка должна умереть. Но сегодня плакальщицы старались как никогда, от их искренних завываний узлом скручивался желудок и щипало глаза. Они отпевали не просто девушку, но — Жертву. Они ведь не знали, глупые, кому именно она предназначена. А она — знала.

Ещё вчера вдруг поняла, под Дюзами, не успев ещё толком и испугаться-то даже. А когда поняла — уже глупо было бояться. Действительно, сами подумайте — чего бояться, если рушится мир? И то, о чём ещё вчера совершенно невозможно было даже и мечтать, вдруг становится не только возможным, но и единственно правильным?

Щенки щедро кормили хворостом пламя на верхних костровых площадках, двигали зеркала, и было непривычно стоять в узком конусе падающего света одной, обычно сюда набивались всей своркой, да и Дюзу делали куда шире. А чаще так и не одну зажигали, две-три, а то и больше, чтобы всем места хватило, площадки большие, на каждой можно по три Дюзы зажечь, а самих площадок пять, как раз по углам выгула.

Но сейчас костёр горел лишь один и лишь на одной площадке, и щенки суетились вокруг зеркал, держали Дюзу — для неё одной. И свет надёжной стеной отгораживал её от прячущихся в темноте соплеменников.

Она больше не с ними.

Она одна под Дюзой, Искупительная Жертва, Невеста для затребованной Лорантами Свадьбы — невиданной, небывалой, противоестественной.

Единственно правильной.

Она загадала на падающей звезде, а потом сказала, делая вид, что всё это не больше, чем

просто шутка. Но ведь звезда была настоящей! Настоящие звёзды всегда выполняют загаданное, надо только его произнести вслух, чтобы кто-то услышал. Пусть даже вид деля, что это — просто шутка...

От Главного Выгула её несли на руках — ноги Искупительной Невесты не должны касаться дорожной пыли. Плакальщицы шли рядом и выли. Они выли, наряжая её в лунную шкурку — то ли костюм, то ли целое жилище. Он мог облипать тебя, словно змеиная кожа, а мог расширяться до размеров чуть ли не конуры вожака. Стоило лишь захотеть. И проговорить желание. Как со звездой. Только и всей разницы, что с лунной шкуркой проговорить желаемое можно было и про себя, не обязательно вслух. А ещё этот странный костюм был способен пропустить внутрь одного человека. Того, которого она выберет. Когда-то все свадьбы на левобережье справлялись именно так, но лунные шкурки не вечны, хотя и ужасно прочны. Но даже они со временем портятся. Их становится всё меньше и меньше с каждым сезоном, а невест меньше не становится, вот и выдают их теперь лишь для особенных случаев...

Пару раз она видела Вита — он мелькал где-то за непрекращающимся хороводом плакальщиц, смотрел тревожно. Появлялась какая-то старая женщина, смотрела неодобрительно. У неё были злые глаза и очень твёрдый подбородок. Костры горели, дым стлался по кругу, и по кругу же ходили плакальщицы, мешая думать. Она стояла на плетёном из толстых разноцветных верёвок ковре — ноги Искупительной Жертвы-Невесты не должны касаться дорожной пыли. Иногда всё начинало видаться отчётливей, и тогда она понимала, что уже наступил вечер. А то и следующая

ночь. Потом всё снова расплывалось в дыму и непрерывном кружении. Хорошо ещё, что лунная шкурка могла по желанию частично твердеть — она отвердила её до самых подмышек, и теперь просто обвисала внутри, незаметно для окружающих, временами уплывая куда-то, временами снова приходя в себя.

Время от времени ей давали воды с чем-то кислым. А потом чья-то рука протянула дымящуюся кружку — прямо сквозь липкий нескончаемый хоровод.

— Вот, лапушка, выпей-ка мёду! Он с травками. Тебе оно сейчас самое то будет.

— Спасибо

Она взяла протянутую кружку, послушно глотнула. Поморщилась.

Мед был горьким.

* * *

Трое суток понадобились ещё и для того, чтобы навести мосты.

Нет, не переговорные иносказательные, хотя и такие потребовали немало сил и времени. Самые обычные деревянные мостки до острова. Действительно, это дежурные могут добираться вплавь или там верхом на коротком бревне, а Жениху такое поведение не подобает. Несolidно как-то. С левого берега тоже навели мост — очевидно, они были такого же мнения о том, что подобает, а что не подобает Невесте.

Тем временем потихоньку светало. Небо приобрело отчётливый перламутровый оттенок, словно чешуя на рыбьем брюшке. И чёрные ветки деревьев щекотали это нежное брюшко, заставляя огромную рыбину ночи подниматься всё выше и

выше. Звёзды гасли одна за другой. Малая луна над островом тоже слегка поблекла.

Пора.

Ксант поморщился. Немножко приоткрыл сквот и запел весеннюю песнь.

Ему было скучно и противно.

Всё шло не так, как надо.

Весеннюю песнь не поют на рассвете и на открытом месте — её поют глубокой ночью, под мягким пологом леса. Весеннюю песнь никогда не поют в одиночку — даже если нет соперника, всегда откликается кошка, которой эта песнь предназначена. И, наконец, весеннюю песнь никогда не поют, не видя избранницы. И плащ ещё этот дурацкий мешается, движения сковывает, да и видок, наверное...

Но Свадьбы левобережных никогда не устраивают ночью — ночью они слепы. Их всегда гуляют в полдень, и потому рассвет был компромиссом, одинаково неудобным для обеих сторон. Только это и утешало.

Петь придётся одному — на Свадьбах левобережников не поют. А без песни совсем обойтись невозможно — без неё не войти в нужное настроение, что бы там ни шептала про свою настоечку Леди Мьяуриссия.

Впрочем, с этим тоже будут проблемы — в первый день Свадьбы у этих придурочных собак дело до инициации редко доходит. Наверняка придётся выполнять какие-нибудь капризы невесты. Остаётся только надеяться, что будет их не слишком много. Хотя с этой дурёхи станется...

Он шёл по мосту, продолжая петь. С другой стороны реки отзывались нестройным восторженным воем — похоже, им нравилась его песнь. Тоже противно.

Мост был сплетен из веток и слегка пружинил под ногами. Если закрыть глаза, может показаться, что ты на дереве. Охранницы слегка приотстояли, и Ксант спиной чувствовал их неодобрительные взгляды. Ещё бы! Они-то слышали, что пел он не больше, чем в четверть силы, ни одна Леди такое пение не оценит, ни один нормальный соперник не купится. Но этим придуркам на том берегу, похоже, нравилось и такое — вон как воют! Так зачем особо напрягаться, если и так — всем всё нравится?

Деревья на острове не росли, только кусты. Высокие, правда. И густые. Когда-то прямо напротив берега был лаз, ведущий к срединной поляне, на которую опускали Лестницу-В-Небо Лоранты-Следователи. Но это было давно. Вот уже пятнадцать сезонов, как не прокладывалась дорожка-по-воде для испытуемых, и ничья рука не касалась обнаглевших веток. Во всяком случае, Ксант не видел ни малейшего просвета в сплошной стене кустарника.

На фоне этой сплошной стены переплетённых веток они и стояли.

Все — рослые, длинноногие, как на подбор. Все страшно гордые возложенной на них миссией. Все суровые и настроенные жутко решительно сделать всё возможное и невозможное для успешного этой миссии выполнения. Все из себя такие ...

...пёсики.

И на плечах у каждого — ритуальный плащ, отливающий рыбьей чешуей...

Почему-то Ксант не был удивлен. Интересно — а действительно, почему бы? Что-то подсказывало заранее, что будет именно так, не это конкретное паскудство даже если, то другое какое, не менее пакостное, но — обязательно. Жизнь бывает очень

убедительна и настойчива, пытаюсь доказать свою повсеместную паскудность... В ней ничего не случается чуть-чуть, и если уж не везёт, то по полной...

Кривая улыбка ломала губы изнутри, Ксанту стоило огромных усилий не выпускать её на лицо. Это ведь могло бы нарушить торжественность момента Явления Невесты. Ага, именно так, с больших буковок, не зря же эти придурки строим почётным замерли. Вот через этот строй они Невесту-то и пропустят. Вместе с ним самим, если не повезёт. Милый обычай. А чего ты хотел? Они же собаки. У них всё напоказ и никаких секретов друг от друга...

Удлинившиеся когти впились в ладони. Боль отрезвила.

Спокойно.

Переживём. Раз уж явился на собачью свадьбу — изволь тявкать. Как положено. Противно, но несмертельно.

Всё в порядке.

Похоже, тело не было согласно с приказами сверху — втянуть когти и плотно закрыть сквот Ксанту удалось лишь с огромным усилием. За спиной треск и шорохи возвестили о начале разборки временного моста. Наверняка со стороны левого берега мост тоже разбирают, если уже не разобрали. Краем глаза он отметил отсутствие почётных охранниц — те наверняка поспешили перебраться на берег, пока мост ещё существует. Обе стороны жутко торопились оставить жертвенную парочку наедине друг с другом. Ну, если, конечно, не учитывать доброй дюжины женихов, но кто из собак всерьёз учитывает женихов на свадьбе или придает им хоть какое-то значение? Впрочем, эти собаки вообще уверены, что на настоящей свадьбе значение имеет только НЕВЕСТА.

А вот, кстати, и она...

По серебряному строю прошла рябь, женихи напряглись ещё больше, хотя это казалось Ксанту уже совершенно невозможным. И замерли, ещё более решительные и суровые. Ксант нахмурился, и песнь потихоньку свернулась, перейдя в глухое недоуменное урчание. Странно, что леди Мьяуриссия не предупредила его об этой части обряда. Может, она и сама не знала? Или не придавала значения?

Невеста не шла — её несли на руках двое. И живое серебро её костюма сливалось с переливчатым мерцанием их плащей. Ещё два жениха. Подумаешь? Парочкой больше, парочкой меньше, кто вообще обращает на них внимание? Этих, похоже, подобрали за экстерьер и окрас — оба светловолосые, как и сама невеста, редкий оттенок на том берегу. Смотрятся хорошо.

Красиво.

Хотя тот, что справа, староват. В отличной форме, правда, иначе его бы не выбрали, но всё равно видно, что давно уже не юноша. И волосы у него столь светлые не от природы, а от снега прожитых зим. Зато тот, что слева...

Ну да.

Конечно.

Как же могли они обойтись без славного красавчика Вита, такого симпатичного и породистого, да к тому же оказавшегося под рукой? Никак не могли они без него обойтись. Да и сам Вит — как мог он обидеть отказом свою сестрёнку, проявить такое неуважение? Никак он не мог...

Ксант зашипел, дёрнув головой. Воротник плаща был ужасно неудобен. Это только собаки могут получать удовольствие оттого, что им сдавливает горло и мешает дышать. От недостатка воздуха у Ксанта кружилась голова.

А самое неприятное — они что-то сделали с невестой. Она не могла быть такой... красивой. Она никогда такую не была. Очень белое лицо — и очень чёрные глаза со зрачком во всю радужку. У юных Леди перед инициацией никогда не бывает таких глаз. И такой белизны лица — тоже. Такие лица бывают лишь у мёртвых.

Подняв непослушную руку, он рванул тугую застёжку, что мешала дышать. Плащ тяжело скользнул по плечам и спине, опадая на серую гальку. Утренний ветер тронул голую кожу на лопатках, покрывая её мурашками. По контрасту с побелевшим лицом глаза у невесты слишком резкие, в них невозможно смотреть.

Ксант отвёл взгляд. Передёрнул плечами. Перекатился пару раз с пятки на носок и обратно, разминая сведённые мышцы ног.

И прыгнул в воду.

* * *

— Взять его.

Ксант усмехнулся, но не сделал ни малейшей попытки подняться. Сами пусть. Так и лежал на изрытом ногами прибрежном песке, куда отбросил его страшный удар в грудь, пытался протолкнуть воздух сквозь ставшее непослушным горло и усмехался, видя, как постепенно затягивает зелёным маревом всё вокруг. Так бывает на глубине, под водой ведь тоже нечем дышать.

А ещё он думал — думал как-то отвлечённо, словно о постороннем и никакого отношения к нему самому не имеющем. О том, как много зависит от мелочей. Вот, например, умей он плавать хоть немножко быстрее... или выбери другое место... или даже другой берег...

Впрочем, нет — там бы его догнали точно. И очень быстро. Это здесь он самый шустрый бегун, а левобережники над такой скоростью только похихикают. Это только здесь был ещё какой-то шанс, если бы удалось ему хотя бы на дюжину вдохов опередить охранниц, посланных по берегу наперерез...

Не повезло.

Странно, что они не торопятся — он уже почти потерял сознание, когда сильные руки настоящих Леди грубо схватили его за плечи и вздёрнули на ноги. Он сразу же обвис, но дышать стало легче, и зеленоватая мгла отступила. Кажется, кто-то ударил его по лицу — на распухших губах явственный привкус крови. Наверное, это тоже помогло прийти в себя.

Что ж, спасибо и на том.

— Щенок!

Ругательство из самых грязных, а в голосе нет даже сильного раздражения — так, самую малость. И куда больше удовлетворённо-мурлыкающих ноток. Приятно, когда твои предположения сбываются. Пусть даже это были и не самые хорошие предположения.

— Так и знала, ты что-нибудь да выкинешь. Что-нибудь этакое. Ты ведь не можешь без фокусов. Тебе обязательно больше всех надо.

Приятно чувствовать себя самой умной. Даже когда ты Старшая Леди. Даже когда — Самая Старшая...

Леди Мьяуриссия подошла ближе, разглядывая обвисшего на руках охранниц Ксанта с неприятной дотошностью — так хозяйка рассматривает незнакомое мясо, раздумывая, стоит ли его ошипывать перед приготовлением или и так сойдёт.

— И на что ты надеялся? — спросила она почти участливо. — У тебя ведь не было ни малейшего шанса.

Ксант сплюнул кровью, улыбнулся — ну, во всяком случае, он очень надеялся, что это выглядело именно как улыбка:

— Знаю. Но попытаться-то стоило?..

Леди Мьяуриссия фыркнула. Задумчиво постучала длинным когтем по желтоватому клыкку. Произнесла негромко, ни к кому не обращаясь. Скорее просто рассуждая вслух:

— Что ж, всё к лучшему. Эти суки слишком зазнались. Лоранты же ясно сказали, так нет... сами виноваты. Впрочем, сами Лоранты тоже хороши... опомнились! Столько времени жили без них прекрасно — и дальше проживем не хуже. Мы вам не собачки, чтобы по первому зову... — тут её бесцельно блуждающий по окрестностям взгляд снова остановился на Ксанте. Стал осмысленным. И его выражение очень не понравилось объекту разглядывания.

— Что же касается тебя... Леди Вивьерра была права. Ты слишком высоко прыгаешь. Так и разбиться недолго. А это было бы неприятно, ты слишком важен. Ты был достаточно ценен и раньше, но сейчас... Сейчас ты просто *бесценен*. Что ты о себе вообразил, мальчик? Думал, если хорошо научился трахаться — так эти глупые старые сучки тебе всё простят? Сучки, может, и простили бы. На то они и сучки. А мы — Леди, мальчик. Ты напрасно забыл об этом.

— И теперь меня накажут за забывчивость? — Ксант растянул саднящие губы в усмешке так широко, что стало больно. Но Старшая Леди-мать шутки не приняла.

— Нет. Наказывают щенков. А ты... Ты просто послужишь примером. Роскошным примером

того, как не надо себя вести молодым котяткам, если они хотят сохранить при себе свои яйца.

Когда такое решение принимает Комитет Защиты нравов, ещё есть какая-то надежда. Да что там — вполне реальная надежда! Подумаешь, Комитет! Да кто вообще будет слушать этих старых шлюх, если любая Мать...

Если решение принимает Совет Матерей...

Ну, тогда тоже остаётся надежда на то, что его всё же не утвердит Старшая Мать, а без её слова...

Если такое решение принимает сама Старшая Мать, надежды нет.

Никакой.

Впрочем, нет. Кое-какие надежды остаются даже и в этом случае.

Ксантик, например, очень надеялся, что его улыбка осталась по-прежнему наглой и высокомерно-непрошибаемой. Он очень на это надеялся.

* * *

Она знала, что виновата. Страшно виновата. И будет наказана.

Пусть.

Это даже хорошо. Ещё одно доказательство, что она старалась не зря. А уж как она старалась!!! Её визг, наверное, был хорошо слышен не только на обоих берегах, но и далеко вглубь степи и леса. В посёлке наверняка слышали. Она умела очень громко визжать, если требовалось. Даже Вит ошалел немного и всё старался втянуть голову в плечи.

Она никогда не думала, что форма ритуального отказа ей когда-нибудь пригодится, это ведь только для элиты, для Вожаков, не для неё, она не думала даже, что помнит эту форму, ведь прошло

уже не менее четырёх сезонов с тех занятий, никому не нужных, скучных и, казалось, забытых на следующий же день. А вот поди ж ты — даже не сбилась ни разу. Даже ритм не нарушила. Добавила, правда, кое-что от себя — но это так, для пушшего эффекта и чтобы не думали, что есть хотя бы малейшая возможность хоть что-то исправить.

Она визжала им прямо в лица, а они только прижимали уши и шипели в ответ с полуразобранного моста. Не будь мост разобран, она, наверное, вцепилась бы в них — руками, ногами, зубами, всем, чем смогла бы. Потому что это уж наверняка отвлекло бы их внимание. Но между целой секцией моста и островом оставалась широкая полоса воды, и ей оставалось только визжать и надеяться, что этого достаточно. И что никто из них, ошарашенных её визгом, не обращает внимание на такую необычную вещь, как плывущий кот. И не бежит по берегу наперерез...

Это было единственное, чем она могла искупить свою настоящую вину — ту, за которую её никогда не смогут наказать ни Вожаки, ни даже Вит. Просто потому, что не догадаются.

Вину в том, что оказалась такой ничего не понимающей душой...

Он был готов, она видела это. И слышала — он даже петь уже начал. Всё, как у них положено. Он ведь согласился уже, а он честный, и, значит, всё бы сделал как надо. Если бы только она сама не настояла, как последняя дура... Ну да, конечно — какая же свадьба без красавчика Вита?

И кто за язык тянул идиотку?!!

Он же всё объяснял, столько раз объяснял... Да, конечно, он не говорил ничего прямо, только намёками, чтобы тебя же, дуру, не обидеть

случайно! Он же вежливый, он же кот, это только глупые псы лают всё, что думают, и даже многое из того, чего и не думают совершенно. Так ведь на то они и псы, пустобрёхи, им бы только полаять. Коты — они не такие. Вот и он никогда не говорил ничего, не обдумав заранее. Он всегда так долго молчал, перед тем, как сказать хоть что-то. Ему же и в голову придти не могло, что она так ничего и не поняла.

О, Лоранты, как же это, наверное, страшно — вдруг понять, что та, кому ты доверял, считая всё понимающим умным и хорошим человеком и даже уже почти что своим другом, на самом деле просто полная и совершенно ничего не понимающая дура. Или же наоборот — очень умная дрянь, которая как раз таки всё очень хорошо понимает.

И не понятно даже, что хуже.

А ещё этот взгляд...

Взглядом можно куда больше сказать иногда, чем любыми словами. Говорят, Лоранты умели общаться без слов. И на таких расстояниях, которые глушат самые громкие крики. Наверное, это правда, если даже у их глупых питомцев до сих пор такое иногда получается. Всего один взгляд — и ты всё понимаешь. И цепенеешь от ужаса, потому что исправить хоть что-то уже невозможно. Поздно. О, Лоранты, как же многое можно понять по случайно перехваченному взгляду!

Особенно, когда предназначен он не тебе...

Она глубоко вздохнула. Вскинула голову. И вышла из глубокой тени между конурами на ярко освещенный пламенем Дюз центральный выгул. При её появлении возбужденный гул стих, словно кипящий котёл накрыли крышкой. Слышно было только потрескивание поленьев высоко над

головой. Сегодня были задействованы четыре дюзовые площадки, и четыре световых конуса сходились на центре выгула. Земля тут утрамбована ногами до звона, ярко освещённый круг похож на бубен, в который беззвучно бьют сверху четыре светопода. И лишь шаги разносятся гулко — её шаги. Сегодня круг маленький, — и она по-прежнему одна под безжалостным светом пламени Дюз. Свет бил со сторон, от него невозможно отвернуться, и нету тени, в которой можно было бы спрятать лицо. Свет бил наотмашь, выжимая из глаз слёзы. Она зажмурилась и выдавила:

— Я виновата.

Разводить Дюзы нелегко, гораздо сложнее, чем любые другие ритуальные костры, те же Сигнальные, например. Это вам любой зритель скажет. Мало того, что нужно затащить всё, для костра необходимое, на высокую площадку. Так ещё и экраны следует выстроить так, чтобы свет падал на выгул конусом. Или двумя-тремя конусами, как того обстановка требует. Во время самой длинной ночи конусов зажигали десятка полтора, чтобы под Дюзами могли уместиться все и никто не остался бы в темноте.

Сейчас свет Дюзы не казался спасением — он ослеплял, отделяя её ото всех остальных сородичей. Тех, что молча смотрели из темноты, сами оставаясь невидимыми.

Что ж, так даже проще.

— Я виновата. Не сдержалась. Я подвела всех. Не исполнила приказ Лорантов-Следователей. Я признаю свою вину и готова понести заслуженное наказание.

— Ты — молодец!

Голос Вожака утонул в восторженном реве. Со всех сторон под Дюзу рванулись люди — знакомые

и незнакомые, они хватали её за плечи, жали руку, радостно хлопали по спине. Они вообще, наверное, разорвали бы её в своем восторге, если бы не вожак.

Он первым оказался рядом, его сильная рука крепко держала её за плечи, а голос гремел, перекрывая радостные вопли остальных:

— Посмотрите на неё! Перед вами — настоящая сука, достойная своей сворки! Да что там — это сворка должна гордиться такой дочерью! Она своими клыками вырвала победу из пасти поражения! Она могла бы возгордиться, но нет — она смиренно вручает свой поводок в руки наставников, доверяя более опытным решение своей судьбы и даже оценку собственных действий! Она не гордится своим подвигом, пока ей этого не разрешили! Славу нашей героине! — и тише, уже совсем другим тоном, ей одной, — А как, кстати, тебя зовут?..

* * *

— Что такое «дракон», как ты думаешь?

— Крупная ящерица семейства варановых. Земной эндемик, вымерла ещё до Второго взрыва. Некрупная хлородышащая амфибия, автохтон Земли Янсена. Мифический персонаж, упоминаемый в разного рода эпосах и легендах. Какое именно значение тебя интересует?

— Меня интересует Милтонс! Почему он не мог просто написать, чего хочет? Зачем было прибегать к символикке?! Да и что означают его символы? Что такое дракон в его понимании? Крылатая огнедышащая тварь, ворующая девственниц и собирающая в пещере драгоценности?

— Дракон свободен лететь, куда хочет. Дракон. Крылья. Свобода. Символ полета. По-моему, очень даже прозрачная символика для планеты,

всё население которой помечено синдромом аста ксоны. Чего же тут непонятного?

— Ха!.. Куда он улетит от своего награбленного богатства?!.. Хотя... Возможно. Когда имеешь дело с Милтонсом — возможно все. Но я другого не пойму — почему он не мог загнать свою лечилку прямо, зачем эти ветви понадобились? Не мог? И это с его-то умениями? Ха! Знаешь, был бы он жив... Не долго был бы таковым, ей-богу! По поводу дракона этого же... «велика вероятность. Вернусь лет через двадцать — проверю». За такие коментсы на полях расстреливать надо! Без суда и следствия, как за особо тяжкие. И кой хрен его понёс в ту мясорубку, идиота?.. Да и тут... кто его за руку тянул?! Ну, поголовная ксона, ну, нонсенс. Мало ли их в освоенном пространстве? Да куча! Стоит лишь копнуть. Кто его просил вмешиваться?

— Они — геномодификанты, Эри.

— Ну и что?

— Как и сам Милтонс.

— И что с того? В те времена модиков было — как собак!

— В те времена их и резали. Как собак.

— Ха! Все равно — неубедительно. Где Милтонс — и где эти? Милтонс мог становиться чем угодно! И кем угодно. А у этих недоумков — лишь их жалкие сквоты.

— Они дети. Тупые ущербные дети. Возможности в них заложены те же, просто они не умеют. Да им пока и не нужно. Они и сквотами-то не пользовались, пока он не подтолкнул веками проверенными мотиваторами. Слишком мирная и благополучная планета для первопоселенцев — беда куда более страшная, чем любая самая агрессивная среда. Милтонс не смог пройти мимо попавших в беду детей своей породы. К тому же — больных детей.

— Ладно. Допустим. Не создал, а лишь обнаружил и подтолкнул. Хотя... но — ладно! Допустим. Больные детишки — и добрый дяденька-доктор в погонах. Он работал на военных, не забывай! Ты догадываешься, зачем им это лекарство так понадобилось? Я — догадываюсь. И мне это не нравится. От противоядия один шаг до яда. Если они научатся вызывать аста ксону — это будет самое страшное оружие массового поражения. Один разок применить — и никакой тебе цивилизации! Все снова рассыпались по своим отдельным миркам. До тех пор, пока не вырастет новое поколение. Если оно, конечно, здоровым родится и не одичает в изоляции.

— Точка зрения параноика.

— Точка зрения реалиста.

— Все параноики считают себя реалистами.

— Ха! Ладно. Допустим. Я все равно останусь при своём мнении, что бы ты там... Но вернёмся к нашим баранам... собако-кошкам, то есть. Вот ты ответь — чем твоего гениального придурка классические вервольфы не устраивали? Если, конечно, твоё позавчерашнее предположение было правильным, и этот извращенец действительно межвидовуху планировал. Волки и собаки — почти что родственники, у них и в реальной жизни нормальное потомство выходит, а уж с помощью геномодификантора... Чем плохо?

— Мало данных для анализа. Возможно, плохо как раз то, что они слишком похожи. Нет конфликта.

— Чушь! Ещё какой конфликт! Ты хотя бы их взаимоотношения в природе вспомни! У них разное социальное поведение. Мораль разная. Одни — одомашненные служаки, помешанные на желании угодить хозяину, другие — вольные

дети природы. Практически то, что мы и сейчас имеем с кошками, то же самое противостояние. Зато — никаких непоняток и случайностей! Потому что вся знаковая система — одинаковая! Никакой неразберихи из-за неправильно понятого жеста. А кошки с собаками... их вражда, она ведь из-за чего? Из-за того, что у них все значения невербальной системы общения диаметрально противоположны! Все! Абсолютно! Представляешь?! Собака, виляя хвостом, выражает дружелюбие и мирные намерения. У кошачьих же горизонтальные движения хвоста из стороны в сторону — признак крайней ярости, готовности к нападению. Опущенный хвост у кошки, наоборот, означает спокойствие, а у собаки сдерживаемую агрессию или даже болезнь. Собака падает на спину, демонстрируя покорность и незащитность, кошка делает это, готовясь ударить противника всеми лапами. В знак покорности кошка пригибает голову к земле и прижимает уши, собаки так поступают, когда готовятся напасть. Рычание у собаки похоже на мурлыканье кошки, но выражают они опять-таки противоположные эмоции. И так во всем! Кошкам с собаками невозможно договориться — они говорят на диаметрально противоположных языках!

— Есть немало примеров того, как представители этих видов прекрасно уживаются друг с другом. И даже дружат.

— Ха! Так это же только подтверждает! Такие, которые дружат, они же с детства вместе воспитываются. Понимаешь? И усваивают чуждую невербальную систему. Кто-то из них просто говорит не на своём языке. Помнишь историю про котёнка, выращенного в питомнике фокстерьеров? Его ещё слепым к кормящей сучке

подложили, ну, он и вырос. Так он вообще не воспринимал себя котом! Научился бегать со стаей, охранять территорию, даже тявкать! Делал стойку на дичь, гонял случайно забредающих кошек. Язык формирует личность, пусть даже язык этот невербальный! Тот кот был собакой, понимаешь?

— Понимаю. Но не понимаю, какое это имеет отношение к нашей проблеме.

— Зануда. Да никакого! Интересно просто. Тебе не понять.

— Куда уж мне. Кстати, об интересном... датчик девять-бис, запись за последние два часа. Можешь также просмотреть и датчики четыре и восемь — для всестороннего анализа.

— Знаю. Думаешь, почему я так бешусь? Потому самому и бешусь... Идиоты! Чего им не хватило?! Они ведь всё уже утрясли, всё было прекрасно — и вдруг, ни с того ни с сего... Шестой раз запись по кругу гоняю, всё пытаюсь понять. Хотя чё там понимать?! Типичный пример, кошка с собакой. Даже самая сильная побудительная причина не способна это сломать. Обломался Милтонс. И мы обломались вместе с ним, за компанию. И ты, кстати, в первую очередь. Вот завтра поутру охостят твоего любимчика — и всё. Не будет тебе никаких детишек, интересненьких да перспективненьких.

— Не думаю.

— Знаю, что не думаешь! Ты вообще не думаешь, ты — считаешь! Но считай не считай — а одну из самых перспективных милтоновских линий завтра обрежут под корень. Ха! Забавный каламбур получился, правда?

— Может, и забавный. Но неверный. В корне.

— Почему это?

— Кастрации не будет.

— Ну-ка, ну-ка, а с этого момента поподробней, пожалуйста! Как это не будет? Внизу шутить не настроены, ты на лица их посмотри! Меня и то дрожь пробрала... шесть раз. Нет, без вмешательства свыше они ничего не отменяют! Значит, ты хочешь вмешаться, да, так что ли? Активно и сознательно? Похерить свои же обожаемые принципы?

— В этом нет необходимости.

— Полагаешь?.. Хм... Да нет, чушь все это! Не сумеет он удрать без посторонней помощи, его же в сквоте связали! И верёвки этой дрянью пропитаны, ну, знаешь, с мятой да местным аналогом валерьянки. Ему не выбраться самому. Даже из сквота не выйти. Ты блефуешь!

— Я никогда не искажаю информацию. И всё учитываю, ни о чём не забывая. А ты — забываешь.

— Ха! Не забывая, как же! А кто поймал тебя на прошлой декаде с пропущенными знаками, а?!? Молчишь?! Вот и молчи! Ладно бы один, но ведь целых три подряд!!! А потом еще удивляется, почему результат не сходится! А я — живое существо! И я не скрываю своего несовершенства! Даже горжусь им. Отчасти. Ты ведь даже не представляешь, какое это благо — умение забывать! Где уж тебе... Ну так и? Что ты молчишь? Про что такое жутко важное мне посчастливилось забыть на этот раз?

— Про девочку.

* * *

Славу провыли три раза.

Подряд.

Она не верила. До самого третьего раза — не верила. Потом — пришлось.

Три раза подряд Славу выли только самому Держателю Поводка. Ну и Вожакам — редко. По особо торжественным случаям.

Вожаков не наказывают.

Во всяком случае, она про такое не слышала.

А даже если и случается такое, то вряд ли они будут слишком серьёзно наказывать ту, которую только что три раза подряд СЛАВИЛИ. Можно расслабиться.

И вот тут-то она сама чуть было всё не испортила. Когда поняла. Задрожали ноги, словно варёные, стало вдруг очень-очень жарко, зашумело в ушах. У Туза, который выполнял роль Держателя в их сворке, рука тяжёлая. Раза два ей довелось испытать наказание по полной программе — потом долго отлёживаться пришлось. Туз, он старательный. Она очень хорошо об этом помнила, когда выходила под Дюзы. Она была готова. А вот к тому, что наказания не будет, готова она не была...

Справилась.

Отдышалась. Проморгалась. Сделала несколько судорожных глотательных движений. Облизала губы пересохшим языком. А что рожа при этом была, наверное, глупая донельзя, так это дело последнее. Кто же будет требовать умного лица от героини? Главное, что не упала посреди третьей СЛАВЫ, опозорив вконец и себя саму, и всю свою сворку заодно...

Она сидела на почётном месте — на верхней ступеньке высокого крыльца у конуры местного вожака. На одной с ним ступеньке. Выше любой женщины племени, даже его жён. Выше даже самой старшей суки коренной сворки. Рядом был только он, вожак, который даже не помнил

её имени. Да и зачем ему помнить имя какой-то глупой молоденькой сучки, пусть даже и произведённой им в героини? Смешно, но ей почему-то было обидно. Хотя обижаться-то не за что, ну, в самом-то деле — кто она, и кто ОН? Какое может быть сравнение? Но почему-то мысль о том, что она тоже не помнит его имени, доставляла ей тайное и ни с чем не сравнимое удовольствие. Маленькая и никому не видимая месть.

А вот сидеть на верхней ступеньке удовольствия не доставляло.

Совсем.

Подходили мужчины и женщины, улыбались, кланялись, протягивали еду и напитки. Сегодня каждый старался принести самое лучшее. И каждый ждал, что она это лучшее обязательно попробует и похвалит. Она уже давно перестала различать вкус и только надеялась, что её похвалы звучат не слишком фальшиво. Несколько раз она поймала на себе взгляд то одной, то другой из жён вожака. Они смотрели одинаково встревожено, но откровенно ненавидеть боялись — всё шло к тому, что после праздника вожак пригласит новенькую героиню присоединиться к его сворке. И тут уж не надо гадать, кто именно станет её первым мужем.

Но почему-то и это тоже совсем не радовало.

* * *

Он сидел, они стояли напротив, эта глупая юная сучка со своим братишкой-красавчиком. На ней снова была жёлтая маечка и чёрные шорты. На них обоих. Одинаковые майки, одинаковые светлые волосы, одинаковые лица и даже одна на двоих манера склонять головы к левому плечу.

Они были настолько похожи, что приходилось страшно напрягаться, чтобы понять — кто из них кто. И потом удержать понятное в памяти. Вит — он слева стоит, а она — та из двоих, которая справа. От напряжения кружилась голова.

Их снова разделяла река.

Голова кружилась всё сильнее, два одинаковых лица то сливались в одно, то снова расходились в стороны, словно отражения. У одного из них шевелились губы. У того, что справа. Тот, что слева — Вит. Надо помнить. Вит молчал, улыбался только. А она что-то говорила, но слов не было слышно — всё заглушал гул водопада.

Просто мечта. Красивые губы на красивом лице. Когда губы шевелятся — это тоже красиво. И — тишина. Слов не слышно, и это прекрасно. Потому что она опять извиняется. Наверняка. Она всегда извиняется. Почему? Не понятно. Лучше уж тишина. И только шум на реке. Шум водопада. А что такое водопад? Почему он так шумит? Или это шумит в голове? В ушах?

А что такое уши?

Это так прекрасно, когда нет лишних слов.

Просто нет слов.

Нет... чего?

* * *

— Ты мне pomoжешь.

С большим трудом удалось сказать это так, чтобы не прозвучало просительно-вопросительно. И чтобы не дрогнул голос.

Понятно же, что не поможет.

Хорошо ещё, если не развопится на весь посёлок. Хотя, сейчас — вряд ли. Сейчас он слишком неуверен. Ни в чём не уверен — ни в себе, ни в

ней, ни в том, что же тут происходит. Система иерархии рухнула — она ведь сидела на одной ступеньке с местным вожаком, вожаком коренной, это делает её выше не только Вита, но, пожалуй, любого из их родной сворки. Кроме, разве что, Тарса. Но кто такой Тарс — и кто такой Вит по сравнению с ним?! Нет, не будет он сейчас на неё кричать.

Но и поможет — вряд ли.

Старое распределение ролей, где он был выше, сломано, но новое пока еще не стало привычкой. Он будет обдумывать, тянуть время, пока не станет слишком поздно. Значит, придется самой.

У неё заныло под рёбрами — она слишком хорошо помнила чёрный провал обрушивающейся вниз реки и нависшее над ним дерево. До веток было так далеко. Так безнадежно далеко. Она неплохо прыгала, но понимала — шансов нет.

Об этом нельзя думать!

Прыгать всё равно придется. И она допрыгнет. Обязательно! Надо только как следует разбежаться. Вит сколько раз прыгал — и ничего! Значит, и она сможет. Всё равно ведь нет другого способа, раз уж плавать не научилась, как последняя дура... Все левобережники умеют, а она нет, ну не дура ли? Дура. Значит, сама виновата — самой и прыгать...

Она сбежала с высокого крыльца при первой же возможности, как только начались танцы. На первый танец вожак хотел пригласить её, но она покачала головой со смущённой улыбкой. И сказала, что слишком много съела сегодня, и ей от танцев наверняка станет плохо. Вожак был не слишком-то доволен, но лишь морду скривил. Поделаться-то всё равно ничего не мог. И ушёл на

центр выгула — по традиции первые три танца открывал он, а потом уже народ начинал веселиться, кто во что горазд.

Она выждала один танец и ушла в пересменке.

Чувство собственной вины было настолько острым, что она боялась разрыдаться прямо там, на верхней ступеньке. Хотелось забиться в самый темный угол и как следует выплакаться. Хотелось убежать куда-то далеко-далеко, чтобы никогда не нашли. Хотелось разгрызть камень или сделать ещё какую-нибудь глупость.

Уже к концу второго танца она поняла, что все укромные уголки в посёлке заняты. И вообще, народу было как-то несообразно много! Видя то столпотворение, что творилось на выгуле, она могла ожидать, что остальная территория просто вымерла, но как бы не так! Люди попадались на пути все время, словно специально выслеживали, знакомые и незнакомые, они все были страшно рады видеть её, поздравить с победой. Обменяться хотя бы парой слов, похлопать по плечу...

После четырнадцатого поздравления её стало трясти так сильно, что пришлось сцепить руки за спиной. И просто молча улыбаться всем встречным, скаля удлинившиеся зубы — говорить она больше не рисковала, опасаясь зарычать или взвыть. Сквот подступил слишком близко, ей с трудом удавалось удержаться на самом краю. Хорошо, что отнорок её тоже был недалеко. И что рядом с ним на удивление никого не было. А то ещё немного — и она, пожалуй, стала бы кусаться.

Как маленькая.

Долгая пробежка — вот что ей сейчас нужно. Луны светили достаточно ярко, она действительно могла бежать, а не плестись наощупь, проверяя ногой буквально каждый последующий шаг. К тому же

она выбрала длинную дорогу, хорошо утоптанную и ведущую в обход, между пологими холмами, а не ту извилистую и плохо проходимую тропку напрямик, по которой возвращалась обычно.

Бег успокаивал.

Размеренные движения. Размеренное дыхание. Через некоторое время и мысли перестают скакать, как шершнем укушенные. А плакать на бегу так даже и удобнее — встречным ветром и без того из глаз вышибает слёзы. Размазывает по щекам. Сушит. Это привычно.

Ночь была прохладной, но бег согревал неслабо. Впрочем, окажись ночь жутко холодной и не согрей её движение — она бы всё равно полезла купаться. Потому и бежала к берегу. Хорошая штука — проточная вода. Вместе с грязью она уносит все неприятности.

Она долго стояла под водопадом — сбоку, где еще достаточно мелко, по пояс, и ещё вполне возможно устоять. Водопад — это сильно. Вода обрушивается на тебя всей массой — и в то же время сотнями мелких струек, бьющих с силой пущенного из пращи камня. Она бьёт по макушке, словно сдирая с головы волосы вместе с кожей, она стегает по плечам с отяжкой, словно поводок в тяжёлой руке Туза. А если наклониться, для устойчивости уперевшись руками в колени, она вышибает воздух из груди, а по лопаткам и позвоночнику лупит так, что на глазах снова выступают слёзы. Лучше подставить голову, голове не так больно, она твёрдая.

Когда она, шатаясь, выползла на берег, ей было горячо. Даже, пожалуй, горячее, чем после бега. Хотя вода в озере ледяная, это всем известно.

Зато плакать совсем не хотелось. И чувство вины больше не царапало горло изнутри.

Наверное, всё дело было в том, что её так и не наказали. Она была готова, она чувствовала себя виноватой — а наказания не было. Она была виновата не в том, в чём признавалась под Дюзами, она пыталась обмануть всех, и это тоже её вина... Вины слишком много, а наказания всё не было и не было. И это плохо. Просто отвратительно.

Потому что там, где нет наказания, нет и прощения.

Её не наказали — а значит, и не простили. И пусть о настоящей вине на этом берегу знала она одна — этого было вполне достаточно.

Водопад помог.

Ёжась и слегка постанывая, она натянула на избитое тело скользкую шкурку. Пожалела, что не взяла плащ. Шкурка изнутри была такой же холодной и скользкой, как и снаружи, она специально попросила её сделать похолоднее днём. Нет, пока что ей было жарко, излупцованная падающими струями кожа горела, но ощущение это довольно обманчиво, а от воды явственно тянуло холодом. Вряд ли самым умным решением станет задерживаться тут и мёрзнуть. Но возвращаться совсем не хотелось. И кто сказал, что она — умная? Ха!

Так что решение переночевать на берегу она приняла ещё до того, как появился Вит с двумя плащами.

* * *

А потом Вит, улыбаясь, сообщил ей последние новости.

С того берега.

Он, глупенький, порадовать её хотел. Думал, ей приятно будет...

* * *

— Ты мне поможешь. — Повторила она решительно, вскидывая подбородок.

Вит вздохнул. Глубоко так и неторопливо. То ли время тянул уже, то ли воздуха для решительного отпора в грудь набирал. Обернулся.

Улыбка от уха до уха.

— Конечно! Что я должен сделать?

Ничего себе косточка...

— Переправить меня на тот берег. И проводить, куда скажу. Ты... сделаешь это?

Не удержалась, спросила. Слишком уж неожиданным было его согласие. Это что — и есть столь ценимое кобелями доминирование? Когда с тобой соглашаются, не споря, когда не смотрят снисходительно, когда... когда вскакивают по первому слову, сияя восторженной улыбкой от возможности сделать тебе приятное и спрашивают только:

— Когда? Прямо сейчас? Мне это легко! Я сильный!

Приятно, однако.

Вит даже на месте слегка пританцовывал от нетерпения. Внезапно крутанулся вокруг себя, подпрыгнул и сделал кувырок в воздухе. Приземлился на четвереньки, задрал голову, заглядывая ей в глаза.

— Я самый ловкий! И самый сильный! Я всё могу! Хочешь, я тебя до воды на руках отнесу? Хочешь? И на том берегу — тоже! Я сильный!

В его голосе явственно проскальзывали взлаивающие интонации, глаза сверкали, улыбка стала совсем безумной. И она, шалея от ужаса и восторга, вдруг поняла — это не доминирование.

Это свадьба.

А Вит просто первым почувствовал, вот сразу же и влип в женихи. И теперь он выполнит любой

её каприз и любое самое безумное задание с такой же вот широкой счастливой улыбкой. И любой другой кобель — тоже. Даже вожак. Стоит ей только подойти и дать себя понюхать. Можно не напрягаться. Просто вернуться в посёлок и просто попросить...

Нет.

Времени слишком мало.

— Это потом. А сначала найди мне кошачью лапку. Нарви листьев. Двух горстей хватит. Принеси. Быстро.

— Я мигом!! Я самый быстрый!!!

Женихам всё нужно объяснять очень подробно. Иначе Вит попытался бы притащить целое поле...

* * *

— Спасибо. Дальше я вполне справлюсь и сама.

Ксант молчал, растирая только что развязанные запястья. Все последние дни он пребывал в состоянии лёгкого ступора, и последствия долгого пребывания в сквоте были вовсе не главной тому причиной. И даже усталость от изнуряюще долгой пробежки по лесу — тоже.

Они шли — шли?! Куда там! Почти бежали!!! — всю ночь, день, и ещё большую часть следующей ночи. На короткие привалы останавливались всего три раза. Ксант считал себя отличным бегуном, но после таких переходов он просто падал с ног, моментально проваливаясь в полусон-полубморок. Его расталкивали слишком быстро, не дав толком отдохнуть. Грубо поднимали на ноги, всовывали в зубы полтаблетки священного Рациона — и тут же волокли дальше. Рацион он дожёвывал уже на бегу и даже не мог толком почувствовать вкус настоящей пищи Лорантов.

Он никогда не бывал так далеко. Он даже не знал, что тут может быть жильё — пусть и такое довольно заброшенное, но всё же вполне пригодное, если подлатать крышу над лазом. А ещё он никак не мог понять, как такую гонку выдерживают четыре охранницы. А тем более — леди Маурика, Старшая Мать. Хоть она, конечно, и самая младшая из них, но всё-таки...

Но чего он не мог понять вообще, так это того, с какого такого перепугу так долго считал несмышлёным пёсиком-девочкой, такой наивной и маленькой, эту стервозную матерую суку в чёрных шортиках и жёлтой маечке. Суку, полуслову которой — да что там полуслову?! Полужесту! Полувзгляду!! — беспрекословно подчиняются нахальные и дерзкие охранницы, и даже сама леди Маурика, Старшая Мать, пусть даже и самая младшая из них, но всё-таки, всё-таки...

— Ты уверена, детка? — с грубоватой фамильярностью, но очень участливо спросила Леди Маурика, младшая из Старших Матерей. И подозрительно покосилась на Ксанта. Похоже, будь её воля, он так и остался бы связанным. По рукам и ногам. Да ещё и посаженным на крепкую цепь. Старая и хорошо знающая себе цену сука в теле голенастого подростка лишь фыркнула, не снизойдя до ответа. Ксанти более не обманывался этим юным телом. Возможно, кобели действительно до самой старости остаются щенками. А вот сучки, похоже, не бывают щенками даже во младенчестве. Они так и рождаются такими вот, зрелыми и опытными стервами, хорошо знающими себе цену.

— Ну, тогда удачи.

Очень хотелось сесть — что там сесть! Упасть! — прямо на пол, устланный пересохшей травой. Но

Ксант продолжал упрямо стоять на дрожащих ногах. Только спиной к стене привалился. Он ничего не понимал, а когда не понимаешь ничего, лучше не сидеть, если все остальные стоят.

Впрочем, через пару ударов сердца из остальных в лукошке осталась только эта сучка — возглавляемые леди Маурикой охранницы ушли сразу же, даже не передохнув. И с изрядным облегчением. Словно как можно быстрее хотели оказаться как можно дальше от опального сородича и этой странной сучки. Ксант усмехнулся — уж в этом-то он был с ними согласен полностью и целиком!

Выждал, пока их шаги окончательно стихнут в глубине леса. Спросил, стараясь, чтобы голос звучал как можно более равнодушно:

— Ну и что все это значит?

Она пожала плечом. Посмотрела сверху вниз, снисходительно. Показалось даже — с лёгким высокомерием и издёвкой. Конечно же — показалось, не могла же эта маленькая глупая сучка всерьёз позволить себе...

— Это значит, что ваши Матери куда разумнее наших Вожаков. Требования лорантов-следователей должны исполняться, и Матери это понимают. Они предоставили нам тайное укрытие. И были настолько любезны, что сами нас сюда проводили.

Ксант смотрел на неё во все глаза — и не узнавал. Этот уверенно-насмешливый голос, этот нагло вздёрнутый подбородок, эта ухмылка — чисто собачья, слегка обнажающая клыки... Он не видел её всего три дня — те самые три дня перед свадьбой. Не такой срок, чтобы забыть. Но и она никак не могла за эти три дня стать выше на целую голову! Не могла.

Однако стала.

Такая, пожалуй, действительно могла говорить с Советом Матерей на равных. И даже заставить себя выслушать. Но — убедить? Причём настолько, чтобы они сами... но, однако же, он своим глазами только что видел... Ксант потряс головой.

— Что ты им наплела?

— Правду, — её усмешка напоминала оскал. — В некоторых случаях, знаешь ли, нет ничего действеннее правды. Я сказала им, что приказ Лорантов-следователей священен. И наш священный долг — его исполнить. В частности — мой долг. Что бы там ни вопили на том берегу мои глупые соплеменники. И что бы там ни провозглашал на этом берегу один не менее глупый кот...

— А ещё я сказала им — продолжила она скучным нейтральным голосом, как будто сообщая, что на улице идёт дождь, — что мои соплеменницы никогда не позволяли мужчинам решать вопрос о зачатии потомства. Иначе мы давно бы уже вымерли. Но, слава Лорантам, мы не кошки. Нам не надо просить и умолять, как о милости, нам достаточно просто захотеть — и любой самец на расстоянии трёх полётов стрелы будет счастлив оказать нам такую услугу... Да он на коленях ползает будет и из шкуры выпрыгивать, умоляя, чтобы это мы оказали ему такую честь!

Ксант фыркнул, нагловатой развязностью тона прикрывая лёгкую панику.

— Неплохой блеф! Рад, что эти старые дуры поверили.

— Это не блеф. И Матери знали. Потому и поверили.

У Ксанта пересохло горло.

— Не смешно. Ты ничего не забыла? Мы на другом берегу! Я тебе не какой-то драный ополоумевший кобель! Коты не теряют голову, мне ли не

знать... Ха! Мы слишком разные, вы даже пахнете иначе!

Она молчала. Присела в углу, развязала дорожный мешок, теперь копошилась в его внутренностях и была полностью поглощена этим важным занятием. Из кожаного мешочка с бахромой достала какой-то подвявший листик, пожевала задумчиво, разглядывая стенку перед собой. Словно на ней, обитой заплесневевшими деревянными плашками и закруглённой кверху, обнаружила вдруг что-то невероятно интересное. Ксант ещё раз фыркнул. Добавил решительно

— Я уверен, что на котов это не действует!

— Действует. — Она слотнула. Царапнула ногтем плесень на стене. Поморщилась. — Проверено. Нас потому и отвели так далеко, чтобы даже случайно никого не задело. Ваши Матери мне хоть и доверяют, но не настолько. И предпочитают не рисковать.

Она помолчала, а потом вдруг взглянула в упор (Ксант даже вздрогнул) и спросила:

— Ты не задумывался, почему ваши так не любят бывать вблизи реки? И так не хотят говорить о причине такой нелюбви...

— Ерунда. Я люблю.

— Ты просто молод. И тебе везло — наверное, во время свадеб ветер ни разу не дул в твою сторону. Иначе бы ты понял. На собственной шкуре. И тоже бы... разлюбил.

Она говорила так равнодушно, что Ксант поверил. Самым убедительным как раз и оказалось её нежелание убеждать.

Жильё было сплетено кем-то из предков отлично, со множеством всех необходимых щелей, он даже и сейчас ощущал сквозняк, тянущий по спине.

Но почему-то в нём стало вдруг душно.

— И когда ты... планируешь?

Несколько пугающе долгих секунд она мерила его оценивающим взглядом. Потом пожала плечами, снова возвращаясь к разглядыванию стены.

— Было бы заманчиво, пожалуй... но нет времени. Есть такие травки, чаёк из них отбивает любые хотения. Можно и сырыми... пожевать. Так что не бойся. У нас слишком много дел, чтобы отвлекаться на всякие... пустяки.

— Каких ещё дел?

Она обернулась. Улыбнулась светло и радостно. Так светло и радостно, что Ксант отшатнулся, оцарапав плечи о шершавое дерево.

— Ну, для начала нам надо добраться до Лорантов-Следователей.

— Ты сумасшедшая! — Ксант охнул и осел прямо на пол — ноги уже не держали. — Видят Лоранты, ты сумасшедшая...

— Почему? — кажется, она действительно удивилась. Так притворятся невозможно. Никакая она не старая стерва, умудрённая и опытная. Просто юная глупая сучка, которой пару раз повезло, вот она и возомнила... Конечно, попасть в лапы самоуверенной дуры — тоже не лакомство в перьях, но всё-таки есть некоторый шанс. Если объяснить этой дуре так, чтобы она поняла...

— Они — Лоранты, — он старался говорить короткими и ясными фразами, как разговаривают с совсем маленькими. — Они всё могут. Всё знают. Они на орбите живут. Как ты до них доберёшься?

— А! — она расплылась в счастливой улыбке, закивала радостно. — Так это же совсем просто! По Лестнице-В-Небо! Они же её спустили.

Ксант зашипел.

В её словах была логика. Конечно, это логика бреда и кошмарного сна, но всё-таки — логика. Попробуй оспорь.

— Да ты не бойся! — по-своему поняла она его нежелание. — Мы же там уже были, чего бояться-то? Совсем ведь маленькими были — и то с нами ничего не случилось, живы остались. Так что и сейчас всё будет в полном порядке!

Лучше бы не напоминала.

Ксант содрогнулся, вспомнив, как рвалась из груди наружу чёрная бабочка с бритвенно-острыми лезвиями на кончиках крыльев, судорожными их взмахами превращая внутренности в кровавое месиво.

Ну уж нет.

— Ну уж нет. Я в этом не участвую.

— Почему? — она растерялась. — Ты что — обиделся, да? Извини. Я больше не буду. Только, пожалуйста, объясни — на что ты обиделся, ладно? Чтобы я точно уже никогда, а то вдруг снова случайно...

И матери поверили этой дуре?..

О, Лоранты, пути ваши воистину неисповедимы...

— Они — Лоранты, милая. И я не хочу их злить. И хочу быть как можно дальше от того — или той — на кого обрушится их гнев.

Её глаза раскрылись так широко, что стали чуть ли не вертикальными. Точно так же, как и рот.

— Ты думаешь, они разгневаются? Но почему? Я ведь тоже совсем не хочу их злить! Я хочу только спросить, для чего им вдруг так понадобились наши дети. И именно наши, и вообще... Только спросить. На что тут злиться?

Бесполезно.

Ей не объяснить. Она искренне не в состоянии понять, как можно обидеться на придурка,

который незванным припрётся в твоё жилище и с наглой мордой начнёт задавать вопросы. Она бы, наверное, такому придурку действительно бы просто всё объяснила. С радостной улыбкой и очень собою довольная. Ей не понять, что среди орбитожителей может и не оказаться таких вот благостных и на всё готовых... дур.

— Как-нибудь без меня.

— Но почему? — губки трубочкой, бровки домиком, глаза несчастные, вот-вот заплачет. — Послушай! Даже если бы это были и не наши дети, но всё-таки... Мы же там не были! В смысле — взрослыми не были. И никто из других взрослых тоже ни разу...

— Вот именно! — не сдержался. Хотя и понимал уже, что разговаривать бесполезно, мотать надо. — Никто из взрослых! Никогда. Может, для взрослых это попросту невозможно. Может, та лестница слишком тонкая. Или она как лаз в детском городке, узкий, только для малышек, и взрослому просто не пролезть. Об этом ты не подумала?

Снова улыбка до ушей. Убить хочется за одну такую улыбку.

— Ну, вот тогда и будем думать, чего заранее-то переживать? И потом — лаз ведь всегда расширить можно!

Ксант осторожно встал на четвереньки. Потряс головой. Поднялся, цепляясь за стену. Она следила за ним настороженно, словно догадывалась. Заговорила быстро и путанно, всё ещё пытаюсь улыбаться:

— Послушай, но ведь так же нельзя, понимаешь? Нельзя посылать малышек туда, куда сами ни разу... Ни своих, ни вообще, это неправильно! Я не знаю, как там у вас принято... может, тебе и плевать на твоих... Мне — не плевать. Даже если они будут... — она попыталась улыбнуться, — котятами.

Улыбка вышла кривой и жалкой.

Ксант осторожно двинулся к выходу. Так же, по стеночке, стараясь держаться от этой в голову клюнутой сучки на как можно более дальнем расстоянии. Автопилот давно уже подсказывал, что настало самое время это расстояние увеличить. Как минимум — до нескольких полетов стрелы.

— Жаль тебя разочаровывать. Но — без меня. Я с тобой никуда не пойду.

— А со мной — пойдешь? — спросил Вит, словно бы случайно перекрывая выход.

Это же надо так расклеиться — не заметить.

Не услышать, как подходит.

И — кого?!..

Непростительно. Удивляться и вопить «откуда он тут взялся?» — ещё глупее и непростительнее. Понятно откуда — из леса. Стоит теперь. Совсем рядом, рукой дотянуться можно. Красавчик, хотя и несколько помятый — ему пришлось куда сложнее в этом лесу, он ведь не знает тайных троп Матерей. А лицо... он и раньше-то не особо соображалкой блистал, а теперь совсем щенок, молочнотубый и глупый, одна счастливая улыбка чего стоит. Страшное это дело — собачья свадьба...

— Ты с нею лучше не спорь. — добавил Вит доверительным громким шёпотом, продолжая улыбаться. — Она ведь такая, ежели что в башку втемяшилось — ни за что не передумает! Я свою сестру знаю. Проще согласиться...

* * *

— А перевод Брайтона они за основу взяли всё-таки зря. Там, конечно, хорошие лингвисты, но это всё же Ирланд, что накладывает... геноформисты все имели усиленную склонность к

языкам, особенно ксено, Милтонс не исключение. Насколько я помню его досье — не меньше полутора дюжин, не считая всяких там диалектов. И каждый для него был как родной. Поэтому нельзя считать случайностью то, что языком своей Поэмы он выбрал именно иджик-лонг.

— Иджик очень мелодичен. Как и любые лонгообразуемые.

— Да нет, я сейчас не о том. Вот, послушай этот фрагмент...

— Умоляю.

— Да нет же, это действительно интересно. И важно. Вот как это звучит в переводе брайтонцев: «У свободы есть два крыла — праведное и неправедное. Свобода не может быть только правой или только неправой, она всегда одинаково опирается на правду и ложь, иначе она перестает быть свободой. Но правда и ложь всегда остаются самими собою — иначе свобода рождает дракона». Это же Ирланд, понимаешь? Там все помешаны на праведном и неправедном, вот и суют их, куда ни попадя! А на самом деле у иджангов синонима праведности как такового нет вообще! Их философской системе незнакомо понятие греха, самая близкая по смыслу замена — «неоправданные преднамеренные поступки, ведущие к уменьшению сообразности мира».

— Концепция интересная. Но пока что я никак не пойму, к чему ты клонишь.

— Ошибка перевода! Она не в отдельных словах кроется, она глубже... да вот, хотя бы это самое «глубже»! По нашим понятиям истина всегда в корнях, в глубине. Ирландцы же ищут истину в небе. Если мы говорим о ком-то «витают в облаках» — значит, он фантазёр и мечтатель, не знающий жизни, а у них так говорят о самых выдающихся

учёных. У иджангов же истина всегда находится за твоей спиной. Поэтому, чтобы найти истину, у нас нужно глубоко копать, на Ирланде — высоко взлететь, а на Джангер-ру — просто обернуться. Теперь понимаешь? Эта фраза на иджике звучит куда проще и короче — просто два крыла, правое и левое. И если поменять их местами — то ты обернёшься и увидишь истину! Вот и всё! Гениально, правда? И ничерта интересного не родилось бы у твоей межвидовой парочки. Милтонс совсем о другом писал!

— ...

— Хм... Ты что — думаешь, что я ошибаюсь? Почему?!

— Я не думаю. Я считаю. И пока никак не могу просчитать вероятность того, что это твоё гениальное лингвистическое открытие принесёт нам какую-либо конкретную пользу в текущей ситуации. Слишком большое количество нулей после запятой.

— Хм... о пользе я, признаться, как-то совсем... Но ведь не пользой же единой! Да и, в конце концов, — что такое страшное случилось? Ты же у нас вообще не совершаешь поступков, уменьшающих сообразность мира! Ты у нас — всегда!

— Это сарказм?

— Просто обидно. Ну почему?! И непонятно. Вот скажи — что тебя теперь не устраивает?! Я же вижу, что не устраивает!

— Мы поторопились. И выбрали не ту пару.

— В каком это смысле «не ту»?! У них же лучшие показатели! И линии те самые, милтонсовские! Че тебе еще надо?

— Они не единственные представители тех линий. Вот посмотри хотя бы на эту пару. У неё показатели ничуть не хуже.

— Если честно — не вижу особой разницы! Те же самые кошка с собакой.

— Разница есть. В первом случае — кот и сучка. Во втором — кошка и пёс.

— Ну и что?

— Видишь ли, гибриды первого типа уже случались ранее. Редко, но было, можешь глянуть статистику. Просто мы не обращали на них внимания. Потому что они ничем не отличались от общей массы. А раз так — значит, где-то в мои расчёты вкралась ошибка. Я пока не могу её обнаружить, но это вовсе не значит, что её нет.

— Они там всё ещё пытаются провести свой дикарский обряд... Сказать, чтобы прекратили?

— Пусть развлекаются. Мне они уже не интересны. А вот за второй парой стоит и последить. Я сведу их ещё в этом сезоне. Сразу, как только обнаружу ошибку в расчётах. А пока портал можно и выключить, он свою роль сыграл.

* * *

— Я свободен!

— Ты одинок.

Ксант фыркнул, пожимая плечами:

— Это одно и то же. Я ни от кого не завишу и никому не обязан. Я могу делать, что захочу. Идти, куда хочу. Или не идти — если не хочется. Я — свободен.

Они снова стояли на разных берегах. И опять между ними шумела вода. Но теперь он отчётливо слышал каждое произносимое ею слово. И уже успел понять, что вовсе не рад этому.

— Ты пленник. Пленник своего одиночества. Своей... свободы. Если хочешь называть это так.

Странно, но теперь, когда она почти не извинялась, слова её почему-то злили его куда больше, чем

раньше. Вот и сейчас он за какую-то пару вдохов дошел чуть ли не до бешенства — так хотелось доказать этой дуре всю очевидную глупость ее суждений.

— Да что ты вообще можешь знать о свободе?! Ты её хоть раз в глаза-то видела? Нюхала её? Тоже мне, великая специалистка выискалась! Ты сама никогда не была свободной, что ты можешь понимать? Не одна сворка — так другая. Не один хозяин — так другой. Ты всегда на поводке. Дёрнули — и ты побежала! Каждый из вас. Всегда. Ты ведь даже сейчас не можешь не уйти — потому что с той стороны вас сильнее дёрнули!

Вы оба уйдёте...

Они качают головами синхронно, такие одинаковые. Но отвечает опять она:

— Я иду именно потому, что могу и не идти. Точно так же, как мы шли с тобой. Мы сами решаем это, понимаешь? Это — добровольный выбор. Мой. Наш. А вот можешь ли ты пойти гулять не один, а в компании? Вдвоём, втроём, с кем-то из тех, кто тебе нравится — если они, конечно, есть. Молчишь?

— Я — кот! — фыркнул он резко. — Мне не нужна сворка! Я гуляю сам по себе!

Может быть — излишне резко. Но её слова неожиданно сильно задели — так, словно была она в чём-то права. Бред, конечно! Любому ясно, что прав именно он! Не может быть не прав! Захотелось оборвать её глупые речи — и немедленно, вот и вырвалось. А получилось только хуже — она говорила искренне, пусть даже и заблуждаясь, а он ответил не своими словами. Цитатой из инструкции он ответил. Глупой и напыщенной до отвращения.

Она могла рассмеяться — и была бы права. Но она не стала. Вместо этого вскинула руки над головой. И он внезапно понял, что это не руки, а крылья. Большие чёрно-жёлтые крылья. Так вот

как она собирается добраться до орбитожителей! Значит, нет никакой лестницы, есть только крылья, и они с Витом с самого начала это знали, и только Ксант как последний дурак...

С почти незаметной задержкой вскинул руки крылья и Вит. Его крылья отливали рыбьей чешуей. Словно плащ жениха. Наверное, из него и сделаны. Теперь понятно, что они прятали в своих мешках и почему так ими дорожили, ни разу за всю дорогу даже понести не дали.

— Там наши дети — она смотрела вверх, ноги её уже не касались земли, крылья вибрировали за спиной.

Дети.

Ну да. Их забрали, и теперь их надо вернуть, обязательно вернуть!

Как он мог забыть об этом?!

— А ты оставайся, — она качнула головой, — У тебя ведь нет крыльев. Да и потом — это же наши с Витом дети.

Нет!

Не может быть! Он же помнит, отлично помнит! Три очаровательных котёнка, такие милые и странные, такие непохожие на других, со светлыми головёнками и немного иначе вывернутыми суставами. Но — именно котёнка! Он же проверил сразу, как только смог. Они не могли быть детьми Вита! Только не Вита...

Зачем она врёт?!

— Нет! — крикнул он, запрокидывая голову, — Они наши! Наши, слышишь! Лоранты же сами сказали!

— Они передумали. И потом — у тебя всё равно нет крыльев!

Кто-то из них двоих там, наверху, рассмеялся — Ксант так и не понял, кто именно. У них даже голоса стали одинаковыми. Это несправедливо! Как же он теперь разберет, кто из них — кто?

— Я сделаю! Я сделаю крылья! У меня тоже был плащ!

— Ты его потерял.

— Я помню, где он остался! Я сейчас!

Он бросился бежать. Как хорошо, что он умеет быстро бегать

Плащ!

Он помнил, где его бросил. Вот же он, так и лежит на гальке, никем не тронутый...

Ксант рухнул на колени рядом с плащом, задыхаясь от быстрого бега. Он никогда не бегал так быстро. Он даже и не думал никогда, что умеет так быстро бегать. Но теперь всё будет в порядке. Вот он, плащ! Из него выйдут отличные крылья! Он догонит этих, наверно, он покажет им, кто смеётся лучше! Главное — правильно растянуть ткань, чтобы вышло два крыла, плащ-то ведь довольно короткий...

Ксант попытался расправить плащ на камнях и обмер — серебристая ткань расползлась под пальцами, распадаясь на отдельные чешуйки. Ну да. Этот плащ ведь склеен был из рыбьей чешуи, в этом всё дело. Он долго лежал на камнях, под открытым небом. Были дожди. Они размочили и вымыли клей, теперь остались только чешуйки, сохранявшие форму плаща, пока он их не потревожил. Теперь они рассыпались бесформенной кучкой, ветер гнал их по берегу, бросал в воду лепестками странных цветов...

* * *

Ксант рывком сел. Перевёл дыхание.

Сон.

Всего лишь сон. Причём ужасно глупый. Всё не так. И даже не просто «не так», а вывернуто наизнанку, поставлено с ног на голову.

Он ведь давно уже решил, что не полезет с этими, башкой ударенными. Проводить — проводит, ладно уж. Но дальше — нет. Даже если эти лоранты такие придурки, что не догадались втянуть лестницу обратно. Он там был уже один раз, и он помнил, как это. И не хотел больше.

А вот чего он хотел, так это есть — как всегда после нескольких входов-выходов. Ну конечно, ведь засыпал он в сквоте, чтобы теплее было, и проснулся вроде как тоже ещё с хвостом, но ночью наверняка вываливался — сон был явно несквотный. Человеческий такой сон, со всеми человеческими запутками, в сквоте сны простые и ясные — про охоту, про кошек, про драки с соперниками и про ловлю всякой вкусной пернато-хвостатой мелочи или рыбы.

Кстати, о рыбе...

Ксант снова вернулся в сквот и пробежался по берегу до большого плоского камня, что глубоко вдавался одним своим боком в тело реки. Камень — не дерево, конечно, когтями цепляться куда сложнее, но бревно искать некогда, жрать уж больно охота. Ничего, камень тоже сгодится. Верхняя грань у него удобная, плоская, и от воды возвышается всего на ладонь. О лучшем и мечтать не приходится.

Ксант распластался всем телом на краю холодного с ночи камня, поёрзал, устраиваясь поудобнее, опустил лапу с заранее выпущенными когтями к самой воде и приготовился ждать. В рыбалке, как и в любой охоте, самое главное — не шевельнуться невовремя.

Первого подцепленного малька он проглотил, не жуя, с потрохами и чешуёй. Впрочем, какая там чешуя у малька-то? Вторая покрупнее оказалась, её Ксант разделявал осторожно, прижав

дёргающееся тело лапой к камню. Острым когтем вспорол брюшко и выдернул внутренности вместе с колючками — у взрослых рыб колючки выделяли яд, делая царапины довольно болезненными и долго не заживающими. Третью поймал больше из азарта, чем от голода, есть уже особо не хотелось. Разделявал медленно, со вкусом, высасывал сок из отгрызенной головы, выгрызал вкусенькую спинку.

Всё-таки сквот — штука выгодная. Съел пару рыбёшек, которых в человеческом состоянии тебе и на закуску бы не хватило — и сыт. И что самое приятное — выйдя из сквота сытым же и остаёшься. Словно съеденные рыбы в тебе тоже увеличились, как и ты сам.

Куда неприятнее то, что с выходом из сквота мысли тоже... увеличиваются. Пока котом по камням скакал, мысли были простые — поймал-не поймал, вкусно-невкусно, сытый-голодный. Остальное всё не то чтобы исчезло, а словно бы отступило, маячило где-то вдалеке, почти неразличимое.

Теперь же это далекое подступило вплотную и навалилось всей своей тяжестью.

А ещё — Вит.

Ксанта передёрнуло.

Нет, ну это ж надо! Расскажи кому — не поверят. Ксант хихикнул, хотя было ему не смешно. Совсем не смешно! Когда эта, понимаешь, дура открывает свой прелестный ротик и выдаёт: «Ксантик, милый, я теперь всё-всё знаю, тебе ведь с самого начала Вит понравился, да? Ну, так бери, чего ты! Он будет рад, я с ним поговорила!»

И ещё улыбается при этом, довольная такая.

Дура.

Урф!!!

Ну, может, и не так она тогда сказала. Не теми словами. Но смысл-то этот самый был! И морда довольная-довольная — она же искренне полагала, что делает ему приятное. Подарочек, так сказать. Берите и пользуйтесь. Вит будет только рад.

Ха! Ещё бы он не был рад!

Бедный Вит...

Она тогда так и не поняла, почему он отверг столь щедрый подарок. Очень категорично и наотрез. Она, кажется, обиделась даже. Во всяком случае — огорчилась. Но Ксант был слишком разъярён и объяснять ничего не стал, боясь наговорить лишнего.

Нет, это же надо, а?!

Вот так, самым что ни на есть наглым образом, из-под самого носа, отобрать вожака и ужжасно лакомую добычу! Потому что добыча, которую просто так отдают в подарок, причём отдают с такой вот довольной и радостной рожей — да кому она вообще нужна, такая добыча?! Сплошное не-мяу. И кто её только просил, дуру?!

Так что слишком радостного и на всё готового Вита тоже пришлось... того.

Огорчить.

* * *

Он нашёл их быстро. Да и трудно было бы не найти — они со вчерашнего вечера никуда не ушли, так и сидели, прижавшись друг к другу. Ночь была довольно прохладная, а костра они развести не решились, помня о береговых дозорах с обеих сторон. Ксант так и думал, что никуда они не уйдут и не станут искать прохода на срединную поляну до тех пор, пока как следует не рассветёт — собаки слишком плохо видят ночью. Но всё равно поморщился.

Он последние дни не мог смотреть на Вита, не морщась.

В его сне эта жуткая парочка всегда двигалась синхронно. Здесь же голову повернул только Вит. Разулыбался, заморгал, кивая приглашающе. Говорить ничего не стал — сестра сидела с закрытыми глазами, положив голову ему на плечо. Она явно не спала, но Вит всё равно предпочитал не рисковать. Ксанта передёрнуло.

Надо же — и вот этот услужливый слизняк когда-то был ему настолько симпатичен, что показался достойной заменой... Спрашивается — с чего бы это? Вроде как на бесптичье и рыбка — ничего себе чирикалка? Это же надо так опуститься-то было!

— Я передумал, — сказал он, не понижая голоса. И с удовлетворением отметил, как вздрогнул и покосился на якобы спящую Вит. — Я с вами.

* * *

— Эри.

— ...Хр-р...

— Эри, не притворяйся более живым, чем ты есть на самом деле. И можешь отключить похрапывание — оно неубедительно.

— Ну, знаешь! По-моему — так очень даже. И мне вполне подходит! Это, между прочим, твоё собственное похрапывание, снятое и зафиксированное не более декады назад. В точности. Мне даже не пришлось менять тембр!

— Эри, что случилось?

— Ничего! Просто сплю. Имею право! Я личность и существо, в конце концов!

— Эри, я тебя слишком хорошо знаю. Так ты ведёшь себя только в тех случаях, когда очень не хочешь чего-то делать.

Пауза.

Довольно долгая.

Потом, почти спокойно:

— Я не хочу писать отчёт.

— Почему?

— Потому что не хочу писать правду. А соврать не смогу. Вернее, смогу, но... понимаешь, я теперь знаю ответ. Тот самый. Но это не тот ответ, который нужен.

— Кому нужен?

— Им. Нам. Всем. Дикарям этим долбаным. Нет никакого лекарства от ксоны. Нет его, понимаешь? Не изобретал твой чёртов Милтонс тут никакой грёбаной панацеи! Он развлекался, просто развлекался, писал эссе на отвлечённые морально-этические темы. Конструктами лингвистическими забавлялся. Играл, понимаешь. А мы все уши развесили. И какого хрена мне приспичило проводить этот хренов сравнительный анализ всех пятьсот сорока шести известных переводов?!

Пауза.

На этот раз — очень короткая.

— Дракон?

— Умничка. Ты всегда все правильно... считаешь. И быстро. Помнишь про символику правого и левого крыла и истину за спиной? Я ведь ещё тогда... Иджангам знакомо понятие дракона. Только дракон у них не летает. У него есть крылья, но он не летает, понимаешь? Ему это просто не нужно. Дракон на Джанге — символ свободы выбора и справедливости, символ закона и невмешательства. Этакий манифест совершенно осознанного и добровольного ничегонеделанья. Для иджангов все эти понятия означают одно и то же и даже выражаются одним словом. Вот так. Не лекарство от аста ксоны здесь Милтонс искал. Он же гений был, и знал, что нет никакого лекарства. Это только законченные

придурки вроде нас могут думать и надеяться... А Милтонс просто пытался помочь больным детям. Не вылечить, нет... убедить, что никакой болезни нет и в помине. Вернее, что болезнь — это норма. Сделать их всех нелетающими драконами.

— Вероятность... не высока.

— Брось. Я тоже умею считать. Когда хочу. Вероятность куда выше критической. Выхода нет, сообщать придётся. Представляешь, как обрадуются все эти наши погононосные козлы, когда обнаружат, что столько денег и времени вбухали в исследование философско-поэтических изысков?

— Извините...

* * *

Когда за спиной раздаётся незнакомый голос, ты, как правило, оборачиваешься. Привычка такая. Почти что рефлекс. Мало ли.

Когда же этот голос раздаётся у тебя за спиной во вспомогательной рубке орбитальной, автономной и совершенно автоматической исследовательской станции, в многочисленных перепутанных коридорах и отсеках которой вот уже четвёртый год, кроме тебя, нет ни одного живого человека, ты оборачиваешься тем более.

И куда быстрее.

— Извините пожалуйста, а вы случайно не знаете...

Она висела у самого входа в рубку. Хорошо так висела. Правильно. Индивидуально-командный кокон повышенной защиты облегал тоненькое почти детское тело, словно вторая кожа — надо же, древность какая, а всё ещё вполне себе в

рабочем состоянии. Добротню предки делали, не то что сейчас, когда хоть каждый сезон меняй. Фигурка стандартная-фем, вполне пропорциональная, голова одна, опять-таки фем-евростандарт, лишних конечностей и выступов не наблюдается, но вот за спиной...

Больше всего это было похоже на крылья.

Два больших и словно бы даже живых полотнища, находящихся в непрерывном движении. Они шли двумя серебряными лепестками от плеч, изгибаясь и слегка расширяясь по краям. Их вибрирующая кромка напоминала находящуюся в непрерывном движении бахрому глубоководных медуз. Очень, кстати, удобная вещь при отключенной гравитации. Можно даже сказать — идеальная. Именно их непрерывное шевеление и позволяет ей висеть так ровно и правильно, а затрата усилий при этом минимальна.

Вероятность того, что крылья — всего лишь вспомогательная функция древнего защитного одеяния, была просчитана ещё до того, как окончательно оформилась мыслью-вопросом. И отброшена.

Крылья были слишком живыми.

— Я ищущу Лорантов-Следователей. Извините... У меня к ним вопрос.

Вероятность галлюцинации была немного выше. На три-четыре сотых доли процента. Значит, тоже неверное решение. Также просчитано и отброшено.

Да и не случайно вовсе Эри молчит так смущённо-пристыженно.

Ох, не случайно...

* * *

Орбита разочаровывала.

Она была похожа на детский норный городок, Ксант говорил, что котята такие не роют, а вот

щенки — часто. Просто детский городок. Увеличенный в сотни раз и давно заброшенный.

Тёмные закоулки. Пыль. И ни одного живого существа.

Это, разговаривающее с пустотой, было первым, кого они встретили.

Поначалу показалось, что оно одето во что-то типа плаща с капюшоном из той же странной материи, что и её собственная лунная шкурка, только цвет немного другой, с тёплым желтоватым отливом. Но когда оно обернулось, стало ясно, что это вовсе не капюшон, а волосы. Странные, не рассыпающиеся, как её собственные, по отдельному волоску, а словно бы склеенные, живым плащом опускающиеся до самых колен.

Существо (мужчина? женщина? не понять) вряд ли было Лорантом-Следователем — слишком уж много весёлого недоумения в его светло-зелёных глазах, а Лоранты — всеведущи, они видят и знают всё, их ничем не удивишь. Но Ксант ошибался — оно явно не злилось. И не собиралось гневаться. Правда, отвечать оно пока тоже не собиралось. Глядело в упор и насмешливо, но разговаривало по-прежнему с пустотой.

— Эри, дорогая, не объяснишь ли ты мне появление здесь этой особы? Ведь я же, кажется, прошил тебя отключить портал.

— Я живое существо!!! Ну, подумаешь, ну забыла... с кем не бывает?!

А вот у пустоты голос был явно женским. Красивым — ну просто заслушаться можно! Только очень уж скандальным. И шёл он, казалось, отовсюду. Но это-то как раз понятно — пустота, она ведь может быть где угодно!

— *Извините. Я всё-таки хотела бы... Лоранты-Следователи — это вы?*

Золотоволосый фыркнул. Покачал головой. Так она и думала — волосы волосами, а он слишком похож на человека, чтобы оказаться главным среди орбитожителей.

— Нет. Лаборантом-исследователем у нас числится Эри. Этот слишком заигравшийся в блондинку компьютер, чьим биокристаллическим мозгам давно требуется перезагрузка. А я — всего лишь техник. Правда — системный техник.

— Ха! Не посмеешь! Я личность! И на тридцать восемь процентов живое существо! Да ты же сам потом от скуки сдохнешь здесь, если посмеешь...

— *Извините. Но я всё-таки хотела бы уточнить...*

* * *

Позже Ксант долго пытался понять, когда же именно это случилось?

И не мог.

Может быть, в тот день, на болоте? Когда их уже вконец достал зарядивший которые сутки подряд какой-то совершенно не летний дождь. Дождь то слегка стихал, превращаясь в унылую морось, то лил сплошной стеной, за которой и в пяти шагах не было видно деревьев. Они давно промокли насквозь, земля превратилась в болото, остановиться на отдых попросту негде. Даже деревья не спасали — кора стала скользкой, по такой трудно и залезть, а уж удержаться во сне и не мечтай. Бежать по раскисшей земле было невозможно, они еле брели, покорно переставляя ноги и ни о чём не думая.

И вот тут-то она и стала плакать и извиняться. Извиняться за дождь.

Потому что решила, что это её вина. Наверное, Ксант действительно прав, а она ошибалась, и вот теперь Лоранты на неё прогневались и послали этот жуткий дождь. И он теперь будет лить до тех пор, пока она не исправится и не попросит прощения. И она, конечно же, просит прощения! Она ужасно извиняется и просит прощения, но всё-таки считает, что они неправы!

Она сидела в грязи, просила прощения и плакала, размазывая по щекам ту же грязь.

А он смотрел на неё сверху вниз в полном ступоре. И думал о том, что, похоже, нет ни малейшей разницы между безграничным самоуничижением — и такой же безграничной манией величия. И это плачущее и всегда готовое извиняться существо — наглее любой самой наглой леди. Потому что ни одной леди даже в голову не придёт посчитать себя настолько важной персоной, чтобы сами лоранты-следователи...

Нет.

На такое ни у одной леди наглости не хватит.

А у этой сучки — хватило.

А, может быть, это было потом. Во время бесконечного жуткого взлёта-падения, когда снова рвалась наружу чёрная бабочка с острыми крыльями и прорастала шипами сквозь тело квази-роза. Ксант выл, Вита рвало, а она...

Она вдруг попросила его рассказать про Миу.

Нашла время!

— Что тебе рассказать?! — кричал он, стараясь заглушить боль. — Есть правила! А он... Он нарушителем был. Колебателем основ! Он, не я! Младший из принцев-консорттов! И он действительно любил её, эту хитрую дрянью, свою Леди.

Настолько сильно любил, что не захотел потом жить. Вот и всё!

Боль рвалась наружу, раздирая горло, билась нарастающим звоном в ушах. Он скорее угадал по губам, чем услышал:

— А ты?

— А я... Что я?! — снова кричал он в ответ, не замечая, что крылья прорвали кожу. — Я просто... он ведь таким был! Такого невозможно не... Это как раз таки не атавизм, не нарушение, это у нас общепринято.

Ей неоткуда было узнать. Вряд ли Матери были с ней слишком уж откровенны. Общепринято. Ха! Конечно.

Но только в том случае, если избранник твой — не колебатель основ. Смешно и нелепо любить того, кто не только не любит тебя сейчас, но и не сможет вообще никогда, просто не сможет... никогда.

Жалко, смешно и нелепо.

Над колебателями основ не смеются. К ним относятся с уважением. А вот над такими...

— Ну вот и всё... кажется. Извини...

Он вдруг понял, что слышит её голос. И свой — тоже. Хотя уже не кричит...

Вит, правда, свалился тогда в довольно таки странный сквот с шестью лапами, крыльями как у ночного зубастика и длинной змеей вместо хвоста, но довольно быстро взял себя в руки. И оставил только крылья.

Или, может, ещё позже, когда она просто вытолкнула их с Витом. И бросила — разбирайтесь, мол, между собою сами? Они подрались тогда. Не вспомнить уже — из-за чего. А она не стала даже предупреждать — просто сузила шкуру.

И они остались беспомощно вращаться посреди какой-то здешней норы, а она полетела себе спокойноненько дальше.

Нагло так.

А может быть, это случилось намного раньше. Ещё в тот момент, когда первый раз попытался он сравнить её с леди.

И не смог.

Как бы то ни было, но тогда, когда с неотвратимостью бревна на излёте лезла она в спор орбитожителей, он уже знал это. И с каким-то почти суеверным то ли ужасом, то ли восторгом понимал — она не отступит. Так и будет долбить, пока не добьётся. Потому что она наглее, чем тридцать три леди, вместе взятые.

Может быть, даже наглее самих Лорантов-Следователей.

Она не стала менее наглой и потом, когда перестали эти лоранты-не-лоранты спорить и тот из них, кто не был бесплотным духом, вдруг страшно засуетился, интересуясь их крыльями и всеми обстоятельствами появления у них этих самых крыльев. Вспоминать об ужасах взлёта-падения не хотелось. Ксант шипел сквозь зубы, отделяясь односложными фразами, Вит явственно позеленел и сглатывал, но тоже цедил что-то сквозь зубы, а она...

Какое-то время она просто молчала. Хмурила бровки, поглядывала на них с Витом и молчала. А потом вдруг сказала, что отвечать сейчас не станет. Потому что слишком устала. И друзьям своим (им то есть!) тоже не позволит. Потому что они все слишком устали. И отправляются спать.

А отвечать будут завтра. И пусть Лоранты-Следователи покажут им место, где они могут расположиться на отдых.

Вот так вот просто. Взяла и сказала. Вит даже охнул, позабыв слатывать и позеленев ещё больше. А лорант...

Лорант послушался.

* * *

Теперь Ксант смотрел из своей подвесной койки, как она умывается. Здесь умывались по-кошачьи, без воды, при помощи влажных салфеток. Пустячок, а приятно.

Были и другие приятные пустячки. Например — койки. Подвесные. Значит, всё-таки лукошко, а не конура, там койки не подвешивают, а стелят прямо на полу. В конуре было бы неудобно. А тут он чувствовал себя почти как дома. А ещё — этих коек в жилом отсеке было только две. И потому Вит, помаячив какое-то время на пороге и повздыхав горестно, отправился в соседней... соседнюю... ладно, пусть у него там окажется конура. Хоть что-то и ему приятное.

А главное — запах...

Ксант принялся и еле удержался от довольного мурканья. Словно маленький котёнок, которому мама почесала пузико. Несолидно как-то.

Она умывалась долго. Ксант даже успел слегка разозлиться на лоранта — не надо было объяснять про эти салфетки и мусороприемник. Он подозревал, что ей просто нравится кидать использованный мокрый комочек в округлую мишень-мембранку и смотреть, как он исчезает.

— Ты всё ещё жуешь свою травку? — спросил он как бы невзначай, когда очередная

использованная салфетка исчезла-растворилась за чёрной пленкой.

Она моргнула. Улыбнулась виновато.

— Они кончились. Извини.

Ксант знал, что это — враньё. Причём наглое. Но губы его уже сами расплывались в ответной улыбке:

— Вот и хорошо...

* * *

— Эри, запомни — я никогда не ошибаюсь в своих расчётах. Я же всё-таки с Эридана. Хотя и Нового.

— Достал уже. Ты не человек, а машина! Самодовольная тупая машина! Способная только считать!

— Это в тебе говорит зависть, Эри. А у них всё-таки будут дети. Просто таки чудные дети...

2008 — авторская редакция 2012

ОТСУТСТВИЕ ПРИЧИН

РАССКАЗ

«Я дерусь, потому что дерусь!»

Светящиеся буквы на фоне темного неба вспыхивали пронзительно-синим, постепенно выгорали до багрового, и снова ярко-синяя вспышка — каждые три минуты, своеобразный таймер Деринга.

Отсюда, с балкона оракул его знает какого этажа, лазерный слоган над стадионом скорее угадывался, чем читался на самом деле. Впрочем, высота не при чем, просто ракурс неудачный — со стороны космопорта надпись была видна четко и сверху, Стась обратила на нее внимание еще в отстойнике, пока Бэт и остальная команда проходили таможенную. Сама она освободилась раньше — рабы шли через особый терминал, вместе с домашними любимцами, да и проверяли их куда менее дотошно. Забавно. Меньше прав — больше свободы. Например, свободы любоваться припортовыми пейзажами этой самой... кстати, а действительно, как она называется, эта планета? Спросить у кого, что ли? Помнится, ее тогда восхитила еще одна грань свободы — можно спросить, а можно и не спрашивать, выбор только за ней самой. Пустячок, а приятно...

* * *

— Извини.

— А-а, пустяки! — Бэт умел скрывать огорчения. Когда хотел. — Давай-ка я тебя лучше просканирую.

Она не стала возражать, все еще чувствуя себя виноватой. Хотя и была уверена, что поврежденных на этот раз особых нет. Ключица — это ерунда, две минуты в рекамере.

— Как я и думал. Быстро в камеру, пока отек не начался! Потом отдыхай, а через сорок минут опять спарингнешься с Медведем. Не торопись, время удвоено. Сделай вид, что испугалась, он поверит, теперь-то как раз и поверит. Видишь, как все удачно складывается? Но не переигрывай. А если будешь падать — не залеживайся, он любит добывать лежащих ногами. И помни про его стимулятор. Он обречен.

Бэт не предложил отменить встречу. И Стась не была уверена в причине этого — действительно ли он верит в нее, или просто хочет, чтобы она сама верила. Интересно, сколько он потерял? Даже спрашивать страшно, Чемпионат Деринга — это вам не хилые полулегальные стычки по праздникам, здесь счет на световые.

Если немного повезет, можно протиснуться в призовую десятку. Один проигрыш на шесть побед и две продленки — шансы весьма неплохие.

А призовая десятка — это полуэра.

И пусть даже восемьдесят пять процентов принадлежат Бэту как хозяину — все равно можно запросто выходить из игры и больше ни о чем не беспокоиться...

* * *

Стоять было сложно, ноги дрожали и подкашивались. Да и шея ныла. Стась немного подумала, и легла на перила грудью, уперевшись в полированный камень локтями и уложив тугой жгут огненно-красных волос змейкой перед собой, благо

ширины перил как раз хватало. И ногам, и шее сразу стало легче. Конечно, можно было бы сесть в стоящий за углом шезлонг, но до него ведь еще тащиться. Да и поставлен он так, чтобы наблюдать за стартами, а Стась не хотелось смотреть в сторону космопорта. Ее уже тошнило от перелетов.

Камень балконных перил оказался неожиданно теплым. Интересно — просто накопитель или внутренний подогрев, как у пола в бассейне? Скорее всего, накопитель — какой резон отапливать улицу, а дни тут жаркие. Наверное. На стадионе, конечно, климат искусственный, но сейчас уже ночь, а все равно не холодно, и ветер теплый.

Она пропустила кончик косы между пальцами, хмыкнула — волосы были скользкими. Очень скользкими.

Еще одна безумная идея Бэта. Сработавшая, как и все прочие его идеи, тоже казавшиеся поначалу безумными. Иногда она думала — а бывают ли у него вообще несработавшие идеи?

* * *

— С этим не церемонься — он маньяк. Сразу вырубай, не дай себя схватить. У него руки — как челюсти у питбульгиены! Не вырвешься. Даже ты.

— Да ясно мне, ясно...

Влажное полотенце мажет по лицу, свисток режет уши и тут же сильным толчком Стась буквально швыряет вперед, в центр ярко освещенного круга. Видимого ограждения у ринга нет, лишь управляемые силовые поля, что эффективнее.

И эффективнее.

Или надо говорить не «ринг» а «татами»? Впрочем, нет — татами вроде бы квадратная... или квадратный? Черт его знает, восток — дело тонкое...

Стась еще не успела устать — «маньяк» был только третьим. Руки у него работали как поршни, и он стремился вперед, о защите не думая. Стась вырубила его чистенько, на восьмой секунде. Вырубил жестоко и наверняка — убийц она не переносила органически, сказывалось тсенское воспитание.

Расслабилась, обвиснув в силовом коконе. Она еще не устала, но зачем без нужды выпендриваться? Закрыла глаза.

— С этим не спеши, помотай на длинной. У него — капоэйра, выглядит красиво, но выдохнется быстро. Он не опасен, так что устрой спектакль, пусть народ порадуется. Играй на ускользание, ясно?

— Да ясно мне, ясно...

Акробатика — штука красивая, кто же спорит? Прыжочки, кувырочки, ножнички-мортальчики там всякие. Зрелищно. Гораздо более зрелищно, чем Стойка-тени-за-спиной. Да только вот имеется два «но», как же без них...

Первое — сил забирает уйму. А Стойку тени можно сутками держать — и ничего. А второе «но» — время. Зрелище будет восхищать первые минуты две. Ну три, отсилы. Потом вызовет скуку. Потом начнет раздражать...

Стась потянула почти шесть минут, прислушиваясь к реакции зала, потом решила — можно.

Имидж нужно каждый день вдалбливать публике, если хочешь выжить. Твой главный соперник не на ринге, а там, в креслах за силовыми полями. Так сказал Бэт, и кто она такая, чтобы спорить?

* * *

— Я не умею драться, Бэт...

Она сама ему это сказала, еще тогда, при почти что первой встрече, когда он предложил стать ее

хозяйном. Поначалу она вообще ничего говорить не хотела, но продемонстрированный кубик тсенки не произвел ожидаемого впечатления. Вот и пришлось объяснять. А он только смеялся и качал головой, сожалея не о том, что она оказалась тсенкой, а лишь о том, что сам он не знал этого заранее, до начала уличных соревнований, и не смог сделать нужную ставку. Начинаящие — они же убивают пачками, так было всегда, надо же с чего-то начинать? Знай он заранее, что Стась — тсенка...

* * *

— ...В атаку не лезь, пусть сам нарываться начнет, и помни — он левша. А шея слабая. Попытайся сама поймать, если справа подставится...

— Да помню я, помню...

Свисток. Пружинящий мат под ногами, шипение рассеяемого воздуха. Левша он там или не левша — это кто его там знает, а вот ноги у мальчика — о-го-го!

Опасные ноги...

Первая минута. Вторая... Глухая защита, шаг вперед, шаг вправо — и все. Блок, нырок под удар, разворот от другого.

Перерыв тридцать секунд. Время для желающих сделать дополнительные ставки. И как только они успевают — эти несчастные секунды пролетают одним коротким вдохом...

Блок. Разворот. Нырок. Шаг влево. Шаг вправо. Словно парный балет. Без музыки, на цыпочках. Третья минута. Четвертая. Пятая...

Двенадцать раз она пыталась пробить его защиту. В среднем — каждые двадцать-тридцать секунд, вложив в атаку все, что только могла, все, чему учили в корпусе Амазонок и в чем

последнюю неделю натаскивал ее Бэт — беспрерывно, даже во время сна. Красиво, грамотно — и безрезультатно. Подловить и дожать удалось лишь на седьмой минуте, шея у мальчика действительно оказалась слабой.

Бэт не стал ругаться и говорить: «Ведь я же тебя предупреждал!», умный он. Хмыкнул только: «Не пережми». Быстро размял затвердевшие икры, прошелся по плечам.

— Черт, этой не знаю, будь начеку...

Пятая? Или нет — уже шестая... Явная дилетантка, непонятно даже, как она добралась до финала, пусть даже и среди не-центровых.

Стась справилась с ней за минуту и две секунды, да и то только потому, что первые пятьдесят девять секунд прощупывала на дальней дистанции, всерьез ожидая подвоха.

— Заставь его побегать. У него дышалка слабая. Займи центр и погоняй по кругу на дальней, ясно?

— Да ясно, ясно...

Яркий свет. Боль в сведенных пальцах. Почему-то — только в пальцах.

И — сквозь нарастающий звон в ушах:

— Этот — вообще не соперник, он после травмы. Сделай ложный выпад ниже пояса — он их боится до судорог. Ясно?

— Да ясно, ясно...

Свист. Онемевшее плечо. Парень, встающий и снова падающий на колени, запутавшись в собственных ногах.

Восьмой?

Девятый?

Фрагменты... Свист. Звон в ушах.

Звон — это после того, длинного, задел-таки по уху, еще чуть — и в висок было бы. По касательной,

правда, только кожу свезло, но никаких сотрясений быть не может, не ври, Зоя, ты отлично знаешь, что поташнивает нас по совсем другой причине...

— Все, хватит!

Махровый халат с капюшоном, огромный, как плащ-палатка, обрушивался на плечи всегда неожиданно. Только-только сумеешь войти в ритм, настроиться на длинную дистанцию, и сразу — бац!

Первое время Стась пыталась сопротивляться. Но быстро обнаружила, что длинные рукава халата при желании легко превращают его в смирительную рубашку.

— Два пропущенных в колено, один в бедро, шесть в корпус и один в голову. По-моему — вполне достаточно.

— В голову по касательной, а это не считается!

— Видел я, по какой касательной...

Бэт голоса не повышал, однако спорить с ним желание пропадало. К тому же, если посмотреть с другой точки зрения... Вот, например, переработает она, увлечется, зазевается — и ломает что-нибудь серьезное, для восстановления чего реакамере потребуются сутки. Или даже двое суток. Для Стась это будет просто двумя сутками неприятных ощущений, а для Бэта и его команды — финансовой катастрофой. Они же все только на нее и рассчитывают, вон сколько сил и средств вбухали, один супер-тренажер «хорст» чего стоит, да и реакamera та же. И если сейчас Стась повредит себе что-нибудь серьезное — это будет с ее стороны просто черной неблагодарностью.

Пожалуй, что даже подлостью это будет...

Она вытерла предложенным полотенцем лицо, покосилась виновато. Вздохнула.

— Извини...

Он, похоже, разозлился.

Это не было чем-то необычным — настроение у него менялось стремительно и непредсказуемо. Во всяком случае, она уже давно перестала даже пытаться понять, что именно может его разве-селить, а что огорчает — все равно не угадаешь. Хотя некоторые закономерности прослежива-лись — он, например, всегда злился после окон-чания боев, и она никогда не могла понять при-чины. Потому что злился он вне зависимости от результатов самих боев. И даже от результатов тотализатора.

Нет, он при этом не ругался, не рычал на нее или других, не топал ногами. Наоборот. Он стано-вился очень-очень вежливым, говорил медленно и тихо, почти ласково, и беседу при этом мог под-держивать вполне осмысленную, так что первое время она даже не понимала, что это он так злит-ся. Пока случайно не заглянула во время одной из таких бесед в его глаза. И не замолчала на полу-слове, задохнувшись...

— Пошли, погреемся. Заминку сегодня я тебе сам сделаю, так будет надежнее.

Она ничего не ответила, боясь неверным словом разозлить его еще больше. Осторожно кивнула.

Это хорошо. Массаж на него всегда действо-вал успокаивающе, еще одна странная законо-мерность, пока что не имевшая исключений. Он никому не доверял, собственноручно расстилая Стась на теплом камне и выжимая крепкими пальцами из ее тела воспоминания о ринге до самой последней капли. Конспирация. Может, он потому и с командой ей не давал сдружиться — мало ли что они могут заметить и кому расска-зать?

Немного позже, проваливаясь в горячую, пахнущую распаренным деревом темноту, Стась уже могла рискнуть привычной шуткой:

— Ты — чудовище...

А он смеялся. Нормально вполне смеялся. Почти довольно.

И глаза у него были нормальные.

Значит, все снова в порядке и можно расслабиться...

* * *

— Не стой на ветру, простынешь.

В любой другой день Стась обязательно начала бы возражать. Просто для поддержания разговора. Да и потом — какой же это ветер?

Но не сегодня.

И даже не потому, что сегодня она слишком устала.

Молча встала с перил, бросила последний взгляд на мигающую рекламу далеко внизу, передернула плечами — становилось действительно прохладно. Задвинула балконную дверь до упора, отсекая псевдопластиком шумы ночного города там, далеко внизу.

Забавно, но Стась только что поняла, что не знает названия этого города. Да что там города — она и о названии отеля представление имела весьма смутное, «Плаза», кажется... Или «Старлайф»?.. Нет, «Старлайф» был на прошлой неделе, Бэт тогда еще притащил те забавные шарики...

* * *

— Ну и что это такое?

Шариков в черной коробочке было горсти две, хотя вряд ли кому пришло бы в голову мерить их горстями — Стась попыталась было потрогать один, и теперь сосала изрезанные пальцы.

Больше всего они напоминали крохотные плавающие мины, даже не сами мины, а то, как любят их изображать в «морском бое». Или крупные дробинки, утыканые иголками. Иголки, правда, были совсем не иголками, а осколками мономолекулярных лезвий. Которые, между прочим, штука весьма секретная и в свободную продажу вроде бы не поступали.

Впрочем, Бэт есть Бэт...

— Зажимы. Для волос.

Очевидно, на ее лице что-то все-таки отразилось, потому что он поспешно добавил:

— Э-э, я не шучу! На самом деле — зажимы. И на самом деле — для волос.

И она поняла — не шутит.

— Что-то я не совсем...

— Новая фишка! — он засмеялся беззвучно, оскалив ровные зубы. — Пора раскручивать твой хвост на полную катушку.

Стась вздохнула. Пожала плечами, смиряясь с еще одной неприятностью.

— А я-то надеялась, что его скоро можно будет совсем отрезать...

— Ты что! Отрезать такое богатство! Знаешь, во сколько мне обошелся тот ускоритель роста? Вот то-то...

— Неудобно с ним. Мешается, да и вообще... Так и ждешь, что кто-нибудь схватит как следует, дернет.

— Можно подумать — еще не хватало!

— Повезло. Не каждый же раз...

— Везет утопленникам. А чтобы на плаву удержаться — одного везенья мало. Думаешь, я тебя просто так этой дрянью голову дважды в день мазать заставляю? То-то... А теперь еще и зажимчики.

— Комиссия не пропустит — это уже оружие.

— А вот и нет, я проверял! Мелкие инородные тела запрещены в общем количестве более ста грамм и при весе каждого отдельно взятого более двух грамм, а здесь ровно девяносто восемь зажимов по грамму каждый. А с учетом разрешенных трехсантиметровых армированных когтей лезвия в один сантиметр и обсуждать смешно! Никаких серьезных повреждений, зато кровищи будет — хоть залейся, очень эффектно... Представляешь, какой сюрпризик ожидает следующего, кто попытается дернуть тебя за косичку?! — он хихикнул. Потом добавил уже серьезно — Но это не главное. Ради просто обороны я бы и суетиться не стал, «Шелковый угорь» — штука надежнейшая, пусть бы попробовали, силы тратили... Но ты мне сама идею подсказала. Помнишь Медведя?

— Это который с татуировкой в виде черепов?

— С черепами — это Комбат. А Медведь — у него ногти мутированные и уха нет.

— Комбат, Вомбат — какая разница?.. Постой, это на прошлой неделе? У него еще бедра перекачаны, ходит раскорячку, да?

— Вижу, помнишь. Это хорошо. Финал свой помнишь?

— Н-ну...

— Это плохо. Учишь вас, учишь... Удачные фишки запоминать надо!

Ав-то-ма-ти-чес-ки!

— Это... когда я его хвостом по глазам, что ли?

— Умница! Сходу повторить сможешь?

— Так нечаянно же получилось!

— Это ты другим рассказывать будешь. А я к некоторым словам глухой. Давай-давай, я жду!

— Да не помню я, Бэт! — знал бы кто, как это противно, все время чувствовать себя виноватой! — Это же случайно тогда...

Он ударил без предупреждения — резко и в полную силу, она уже умела определять подобное. Удар был нацелен в висок — не смертельно, но болезненно, а, главное — обидно. Попади он в цель — и хвост дракона на красивой татушке был бы подпорчен некрасивым синяком.

Но в цель он не попал — шея сработала автоматически, голова нырнула назад и вбок, и красно-рыжая коса с оттяжкой хлестнула Бэта по руке.

Звук был очень неприятный — словно плеткой по кожаному креслу. Бэт зашипел втягивая воздух сквозь зубы и отчаянно тряся рукой. Стась ойкнула. Скривилась, словно себя ударила.

Глядя, как на предплечье наливается красной широкой рубец, Бэт выдавил, морщась:

— А представляешь, если бы еще и с зажимчиками!..

Голос у него был мечтательный и очень довольный.

* * *

— Устала?

Стась качнула головой.

Она устала, разумеется, но вопрос подразумевал не это, просто одна из вежливых вариаций на тему «мне уйти?» — а она не хотела, чтобы он уходил.

Забавно.

Действительно, забавно, но она чувствовала себя не совсем уютно в этом огромнейшем номере своей мечты — одна.

Тем более — сегодня.

Она мечтала о чем-то подобном — давно, еще после самой первого выигранного боя. Номер-люкс, сауна с массажистом, шоколадный торт, канистра березового сока, шампанское в номер и блондинистый пухлогубый стюард, готовый, как скаут, всегда и на все. Ох, какой же богатой и свободной она тогда себя ощущала! Карман распирал выигрыш целой десятки, и до любой звезды казалось рукой подать...

Стась присела на мягкую ручку кресла, поболтала ногой, глядя, как мерцают удвоенные отражения свечей в глубине полировки, как медленно тонут искры в гранях тяжелого хрусталя.

Садиться в кресло не хотелось — в его мягкой обволакивающей глубине она бы чувствовала себя еще более неуютно. Да и встать потом будет сложновато. Бэт молодец, конечно, и заминку провел на уровне. Не стал ограничиваться обычными мерами и поставил полную деинтоксикацию, кислоты в мышцах не осталось, спасибо ему. Да только вот и самих этих мышц после сегодняшнего не очень-то...

— Музыка не мешает?

Стась опять качнула головой.

Негромкий музыкальный фон действительно не мешал, больше того — не замечался, словно был неотъемлемой деталью этого номера.

Немного подумав, Стась подцепила еще один сэндвич и ложку салата. Сэндвич, конечно, назывался вовсе не сэндвичем, да и салат носил гордое наименование длиною в три строчки. Но Стась не собиралась ломать голову и язык при запоминании и произнесении точных и правильных титулов всего того, что было сегодня ими съедено под шампанское при свечах в номере-люксе на двести

тридцать шестом этаже отеля... хм-м, наверное, все-таки, «Плаза», в городе... хм-м... ладно, проехали.

Бэт снял президентские апартаменты. Весь двести тридцать шестой этаж и половину двести тридцать пятого. С бассейном, зимним садом и огромным электроорганом в одной из комнат. С примыкающим к бассейну тренажерным залом и оружейной. Имелся тут даже небольшой тир — очевидно, для развлечения президентских телохранителей. Ресторан тоже был собственный. Кажется, в тире существовала возможность стрельбы по живым мишеням. Если возникнет такое желание.

Стась передернуло.

Бэт снял полтора этажа неслучайно.

На двести тридцать шестой была поселена Стась, этажом ниже — остальная троица и сам Бэт. Стась не знала, как к подобному распределению помещений отнеслись другие члены ее вроде бы команды. Когда же она сама попыталась возразить — Бэт даже спорить не стал, просто отмахнулся. И Стась окончательно сдалась.

Раз уж он так решительно вознамерился не дать ей ни малейшего шанса наладить нормальные отношения с ребятами — спорить бесполезно. Все равно что-нибудь придумает.

Да и прав он, наверное. Глупо прикидываться, что она им ровня. Они вольные, за их головы не назначена награда, и на хвосте у них не сидят сине-оранжевые ищейки...

Стась отправила в рот еще один сэндвич. Тоже мне — бутерброды, называется! Размером с почтовую марку! Хотя — вкусные, заразы, спору нет.

Ужин при свечах и с шампанским. Между прочим, был даже шоколадно-ореховый торт. Правда,

вместо на все готового раскрепощенного блондина, о котором мечталось когда-то — до чрезвычайности вежливый брюнет, застегнутый на все пуговицы до самого горлышка и о скаутских правилах слышавший разве что в далеком безоблачном детстве. Так ведь никто и не обещал, что мечта должна сбываться дословно.

Вежливый.

Эт сегодня очень вежливый. Очень-очень-очень.

Даже массаж не помог...

И — ни слова упрека.

Что там слова — ни одного косого взгляда за весь вечер. Словно и не случилось ничего. Словно все в полном порядке. Только лицо закаменевшее, и голос повышенной мягкости...

Лучше бы наорал. Лучше бы грубо схватил за плечи, как тогда, на ринге, затряс яростно, легко перекрывая звенящим от бешенства шепотом неистовые вопли трибун. Лучше бы даже ударил.

Тогда можно было бы, по крайней мере, хотя бы обидеться. И не чувствовать себя такой виноватой...

— Ну не могла я, понимаешь?..

Он откликнулся сразу, но опять о другом:

— Попробуй вот это вино, оно местное, привкус необычный, но не плохой, оно слабое, попробуй, советую...

Привкус ей был знаком. Странный такой, сладко-терпкий, холодящий, с легким оттенком шоколада... Где она могла пить такое, она ведь не очень любила вина, особенно — синие?

— Я не смогу объяснить... дело не в том, что я тсенка, мои родители никогда не были слишком религиозны... Просто меня готовили в миротворки, понимаешь? А вот это уже куда

серьезней. Блокада — страшная штука... Нас не просто обучают, нас кодируют, понимаешь?.. чтобы нигде и никогда, даже случайно... Ты видел мои уходы? Мы называем это разносом... очень удобно, скорость возрастает в сотни раз, даже от пули можно увернуться... ну, почти увернуться... если не в упор... Но есть одна штука. Если ты в разносе — то любой твой удар заведомо смертелен... Понимаешь? Даже самый слабый... даже просто легкое касание... Мы никогда не контаким в разносе, это забито на уровне рефлексов, понимаешь?..

— Я знаю, что такое разнос, — перебил Бэт спокойно, — Как тебе понравился торт?

И опять в его голосе не было осуждения.

Более того — он ясно и недвусмысленно дал понять, что не желает поддерживать разговор на эту тему. И — никаких претензий. словно все в полном порядке, словно и не поставила она своей сегодняшней нерешительностью все их предприятие на грань не просто финансового провала, а вообще полного краха...

Хотя кто его знает, может, он вовсе ничего сегодня и не потерял — может быть, он еще и заработал на этом, случай-то ведь беспрецедентный! Бэт — мальчик умный, не угадаешь, на что именно ставил он. Может быть там, на ринге, он просто испугался, не за ставки свои испугался, а за нее, чисто по-человечески, человек же он, в конце-то концов...

Но если не потерял он сегодня ничего — на что тогда он так злится? Откуда тогда это раздражение? Не внешнее раздражение, показушное и язвительное, которое так часто демонстрирует он окружающим, а глубоко запрятанное на самом дне темных глаз и прорывающееся

наружу лишь в почти незаметных подергиваниях острого подбородка, лишних морщинках у губ, слишком резких движениях пальцев. Или таком вот взгляде, словно он ждет от нее чего-то очень важного, ждет, и никак не может дожждаться. И внутренне раздражается все больше и больше от бесплодности ожидания. Но, человеком будучи вежливым, внешне никак раздражения не проявляет.

И от этого взгляда его, и от вежливо-безличной заботливости смутное намерение как бы невзначай поинтересоваться — а чего же, собственно, он с таким нетерпением ждет? — потихоньку перерастало в довольно-таки острое желание схватить со стола самую большую тарелку и изо всех сил треснуть его по макушке. И бить до тех пор, пока не объяснит он, наконец, чего же ему, скотине, от нее надо?!!

И это желание, даже полностью осознавая свою порочность, вовсе не собиралось становиться желанием чего-то более правомерного. Отчего чувство вины лишь усиливалось.

Она не проиграла сегодня.

Ей присудили победу.

По очкам.

После второй суперпродленки.

В десятке финального чемпионата Деринга не принято откладывать в третий раз, даже если никто так и не был убит или избит до потери сознания — а чистой победой в финале считалась только такая, когда проигравшего с поля уносили.

Она очень надеялась, что сумеет. Потому и вызвалась спаринговаться именно с Морткопфом — сама вызвалась, благо других желающих не было. Его партнеров всегда разыгрывали через довольно жестокую жеребьевку.

Она все утро листала спортивные архивы, чтобы убедить себя окончательно — без подобного человека мир станет только чище. Он был откровенным садистом и злостным социопатом, он любил убивать и калечить, при этом не делая особых различий между рингом и жизнью вне его, и до сих пор не был надежно заперт в комнате с мягкими стенами только благодаря многочисленной своре персональных и хорошо оплачиваемых адвокатов. Во время затишья между играми его пытались контролировать при помощи усиленных транквилизаторов, но это удавалось не всегда, о чем свидетельствовали несколько так и не доведенных до суда уголовных дел.

Она просмотрела их все. Тщательно и скрупулезно. Особенно долго задерживая на экране фотографии жертв. Вглядываясь. Запоминая. Убеждаясь.

У нее не было ни малейших сомнений в том, что человек этот жить не должен. Это было даже не ее решение — материалов дел хватало, как минимум, на четыре смертных приговора. И это — не считая тех, кого убил и искалечил он вполне легально, в рамках правил того или иного Кубка.

Но ей мало было убедиться в том, что не должен этот человек жить. Ей нужно было доказать себе самой, что он вообще не человек. Не животное даже — была довольно-таки высокая вероятность, что законченная на тсеновское воспитание миротворческая блокада может сработать и на убийство любого представителя великого круга перерождений.

Стась не сомневалась, все для себя решив и придумав обход блокады еще вчера, за несколько часов до жеребьевки. Изучение архивов

потребовалось для окончательной убежденности, что в последний момент не начнут одолевать ее посторонние мысли.

Она еще вчера была уверена, что сможет. А уж сегодня, после всех этих фотографий... Ни человек, ни зверь не может вести себя так, так ведут себя лишь вирусы, в короткий срок уничтожая все, до чего могут дотянуться. А миролюбивого отношения к вирусам никто не требует даже от трижды тсена или четырежды миротворки. С вирусами обращаются при помощи антибиотиков.

Кажется, она вздрогнула — край бокала звякнул о сомкнутые зубы. Или просто неверное движение руки — рука дрожала, и противной мелкой дрожью отзывалось все тело.

Пятьдесят четыре минуты — это много.

Очень много...

Она даже не ударила его, он сам упал. Подвернулись ноги. Судороги, наверное. Ее и саму скрутило, но — немного позже, а в итоге — победа...

Победа, оракул его раздери.

Так откуда же это острое чувство вины и желание во что бы то ни стало оправдаться?..

— Не злись, прошу тебя... Я пыталась...

Пятьдесят четыре минуты.

Абсолютный рекорд чемпионата...

Это для Морта и зрителей — пятьдесят четыре, а она только и делала, что уходила в разнос, растянув это сомнительное удовольствие раз в пять. Сама виновата, слепому ведь ясно, что Морт пробитый, и пробитый не раз. Среди боевиков это поощрялось всегда, хотя и неофициально, а тут — хитч, игры без правил... Нельзя было просто бить по болевым точкам и надеяться, что временный

паралич заставит его передумать. Нельзя было вообще на что-то надеяться, выходя против такого.

Только — убивать...

Забавно, но ей вовсе не было страшно. Даже сегодня. Даже на последних минутах. Зубы выбили о стекло мелкую дробь, она придержала край губами. Запоздалая реакция? Стась отставила пустой бокал, и вдруг вспомнила.

Не вино, в том-то все и дело.

Сок.

Лишь один сок в этом мире имеет вот такой ментолово-шоколадный привкус — сок опикао.

Забавно.

Опикао — здесь?..

И почувствовала, как мурашками стянуло кожу на руках и затылке, а вдоль позвоночника потянуло ознобом.

Она ведь так и не узнала точно, где именно расположено это самое ЗДЕСЬ.

Как-то все не нужно было...

— Послушай, тебе это, возможно, покажется странным... Но... Где мы?

— Деринг, — Бэт шевельнул плечом. То ли пожал, то ли просто передернул.

— Я знаю, что Деринг. А поточнее?

— Пирамида Дьявола, левый нижний угол. Почти пограничье. Есть парочка обитаемых систем — у Свингла и Тарсова. До Базовой пара прыжков, соседство, конечно, малоприятное. Поэтому стричься не рекомендую.

Стась машинально потеряла висок. Татуировка уже не зудела, став привычной и неощутимой. Сине-оранжевые оказались гораздо ближе, чем она смела надеяться. Два прыжка. Почти рядом...

Догоревшая свечка ярко вспыхнула напоследок и погасла. Бэт долго смотрел на Стась с какой-то странной задумчивостью, потом сощуренные глаза его стали непроницаемыми.

— Уже поздно, — сказал он очень мягко, — Я не буду будить ребят, лягу на диване.

Забавно, но это ее обрадовало. Остаться одной в восьми пустых комнатах — удовольствие ниже среднего.

А еще ей очень хотелось, чтобы он понял. Хотя бы он. Может, тогда бы он и ей самой объяснил...

Кровать была достойна апартаментов, в такой можно заблудиться. Шестнадцать вариантов вибрации и столько же терморегима, антиграв, обтянутый темно-сиреневым шелком. Некоторое время Стась полусидела-полулежала на краешке — кровать услужливо сформировала спинку, когда стало понятно, что принимать горизонтальное положение немедленно гостя не собирается. Было приятно просто сидеть, зарываясь босыми ногами в пушистый мех ковра. Она не стала понижать прозрачность огромных окон, и в спальне было даже светлее, чем в той комнате с балконом, где стоял на столике недоеденный шоколадный торт и таяли свечи.

Забавно, не правда ли, Зоя? А главное — сколько нового про себя узнаешь. Ну, ладно, тсен из тебя никакой, с этим все давно уже смирились... Амазонка вот тоже фиговая при всех твоих метках и навыках. Можно, конечно, упираться на то, что в миротворки, мол, готовили, а миротворки тем-то как раз и печально знамениты, что никогда и ни при каких условиях не могут они нарушить блокаду, даже если иначе не выжить.

Только ведь сама знаешь, что и миротворка из тебя получилась бы аховая.

Попросту — никакая.

Они ведь не просто не могут. Они даже пытаются не будут. Ни при каких обстоятельствах. Потому что стержень у них такой. Основа жизни. А какой у тебя стержень? Не смогла, потому что не смогла?

Не смешно.

Стась встала, осторожно прошла по ковру к двери в соседнюю комнату. Наверное, это был кабинет — книжные полки, два рабочих терминала, комм, кресла черной кожи, еле уловимый запах хорошего табака. Наверняка ароматизатор для придания колорита — Бэт не курит, а здесь слишком хорошая система кондиционирования, чтобы от прежних постояльцев остался хотя бы запах. В кабинете не было ковра на полу, паркет охлаждал босые ноги.

Стась на цыпочках прошла к тяжелой темной двери, приоткрыла осторожно.

За дверью оказалось темно — свечи догорели, а понизить прозрачность стекол почти до нуля Бэт так и не поленился. Стась прислушалась, пытается понять по его дыханию, спит ли он. Подумала, что это глупо — не мог он успеть заснуть. Да и если бы успел — все равно бы уже проснулся от скрипа открываемой двери. Но еще глупее спрашивать в темноту — «Бэт, ты спишь?»...

— Бэт, ты спишь?

Тишина. Тяжелый вздох. Шорох.

— Сплю. И тебе советую. Завтра трудный день.

— Бэт, пару слов...

— Детка, перестань маяться дурью и спи.

— Пара слов...

— Слушай, достала! Ладно, для тех, кто в бэтэ-эре, объясняю первый и последний раз! Если бы ты видела ваш бой, ты бы не задавала глупых

вопросов. Морткомпф был похож на вконец озверевшего берсерка, а ты — на тореадора... А симпатии публики редко бывают на стороне быка, особенно, если тореро хотя бы наполовину так же хорош, как ты. А жюри — что жюри? Та же публика. К тому же я почти догадывался о чем-то подобном и подстраховался. Мы неплохо заработали, я уже перевел на твой счет премиальные. Тебе не о чем волноваться, спи спокойно...

— Я не об этом... Бэт, неужели Деринг был прав? Драка без причины — это и есть основной признак разума?

— Чушь собачья.

В темноте завозились. Кажется, он сел на диване.

— Никто никогда не дерется без причины. Никто, поняла?

Стась вздохнула.

— Ну да, я помню правила. Никто из живых, и только люди, как высшие представители тварного круга перерождений, тем самым проявляя свободу воли, данную им...

— Перестань повторять эту чушь. Люди — в первую очередь. Даже бьютиффульцы.

— Ну, это ты, пожалуй...

— Отнюдь. То, что мы считаем просто дракой, на колонии Бьютти является очень серьезным и строго регламентированным ритуалом, если бы ты там побывала хоть раз, сама бы все поняла. Да и этот наш легендарный Пуарто, чьи слова Деринг сделал слоганом... с ним ведь вообще смешно получилось. Он мог болтать что угодно, но причину для драки имел очень вескую.

— Кто такой Пуарто?

— Ну ты мать... Ты что, не смотрела «Наемников кардинала»?! Ну, ты даешь. Легендарный

боец, мастер клинка, ниндзя, мог кулаком убить лошадь, а как он стрелял из плазмомета! Это видеть надо! Будет время, я обязательно нарою эти серии, сам пересмотрю с удовольствием и тебе покажу, своих героев надо знать. Но не сейчас. Потому что сейчас надо спать.

Стась отшатнулась — Бэт возник из темноты неожиданно, даже воздух не шелохнулся. Просто вот только что была темнота — и вот уже он стоит рядом, как всегда, насмешливо улыбающийся и застегнутый на все пуговицы, словно и не ложился. И глаза у него уже совсем нормальные...

От острого облегчения резко захотелось спать. Стась судорожно зевнула и позволила отвести себя к чуду инженерно-кроватной мысли безо всякого сопротивления. Спросила только:

— А какая у него была причина?

— Лень! — Бэт беззвучно смеялся. — Представляешь, да? Ему было просто лень зашить дыру на штанах, он прикрывал ее плащом. А другой наемник, Дарт, этот плащ сдернул, и все увидели голую задницу! Тут уж, сама понимаешь, без хорошей драки было никак... Пришлось бедному Пуарто перебить всех свидетелей его позора. Кроме Дарта, конечно, с ним они потом подружились. А свою знаменитую фразу он уже потом придумал — сама посуди, ну не мог же он всем объяснять, почему ему на самом деле пришлось драться!

— Сильно! — Стась опрокинулась на спину, кровать мягко покачивалась, спать хотелось все сильнее.

— Бэт, а какая причина у меня?

— А у тебя ее нет. — Белые зубы сверкнули в темноте, — ну так ведь тебе и не нужно. Помнишь, ты говорила, что не умеешь драться? Ты

была права. Но, опять-таки, это тебе не нужно. Успокойся, детка, для кубка Деринга или любого другого кубка не нужна драка, им нужно шоу. А шоу ты делаешь, и делаешь великолепно. Помнишь того мальчика с капоэйро? Как он прыгал! Сруби ты его на первых секундах — представляешь, сколько бы визгу было? Еще бы — тупой варвар победил утонченную красоту. Все недовольны. А вот когда на девятой минуте этот выпендренник сам завалился... Ха! Тебе аплодировали стоя даже те, кто потерял деньги. Чувство времени, детка, это главное. А оно у тебя есть.

Спокойной ночи.

— Бэт — спросила она, уже почти засыпая, — значит, я так и не научусь драться по-настоящему?

Он обернулся в дверях. Пожал плечами. Опять блеснули в улыбке белые зубы. Но голос оказался неожиданно серьезным. И тихим.

— Конечно, научишься. Как только появится причина, так сразу и научишься. И тогда уже я буду тебе не нужен. Спокойной ночи.

Дверь за собой Бэт закрыл, как всегда, беззвучно. Стась не ответила, потому что уже спала.

Она спала, и не видела, как Бэт курит на балконе сигарету за сигаретой, вытягивая каждую чуть ли не в одну длинную затяжку. Он столько надежд возлагал на Морткопфа. Идеальный экземпляр, уж если с кем и могло сработать, так только с ним. Настоящий гад, пробы ставить негде. Сам искал в сети материалы — чтобы наверняка. Да любого, взгляни он даже мельком, тряссти начнет, а не то что тсенку, в миротворки готовившуюся...

Не вышло.

Она так и не смогла разозлиться по-настоящему. Знала, что надо, верила и старалась изо всех сил, но не смогла. И опять этот виноватый взгляд,

словно у потерявшегося щенка. А, значит, вся последняя неделя — насмарку. Все мелкие подначки, придирки, спровоцированные ссоры с ребятами, постоянное напряжение — насмарку. Она снова будет извиняться и смотреть виновато, такая вроде бы непобедимая — и совершенно неприспособленная к обычной жизни за пределами ринга.

Бэт курил редко, но теперь мял внезапно опустевшую пачку, смотрел на мигающую в ритме Деринга городскую рекламу и думал о том, как же трудно отыскать дыру на штанах у нудиста.

14 января 2011

СЛЕПОЙ И ЕГО ФИШКА

РАССКАЗ

Вообще-то, я был против.

Но кто я такой? Всего лишь стюард. А капитан упёрся рогом — хорошая, мол, примета и всё такое. А по мне — так идиотизм кристально-вакуумный, и больше ничего. Словно пальцы за спиной скрещивать «на удачу». Или выигрышь в лотерею. Одному из миллиона случайно повезло — а все ахают. И карточки в автомат дружно пихают, идиоты.

Но капитана нашего, упрётся ежели, с его точки зрения и кибер-погрузчиком не своротить. Ему же виднее, с мостика-то! Он же у нас начальство, и даже колледж закончил и всё такое. Они после того случая с «Марией-Тересией» словно взбесились все, капитаны эти. Каждому теперь подавай в экипаж сверхчувственника-атависта. Это их так теперь называть стали, политкорректно чтобы. А по мне, слепой — он и есть слепой, как ты его не назови. Когда мы на базе, я стараюсь не заходить в их район. И вообще держаться подальше.

Нет, вы только не подумайте, что я расист или, упаси Ген, прогрессорам сочувствую! Ничего такого! Неуютно просто. Ты ведь всё-всё видишь, а они — нет. И не виноват ты в этом вроде, да и никто не виноват, по большому-то счёту — а всё равно неловко. И, если уж совсем честно — страшновато. И жалко вроде, и помочь хочется — ну да, а потом как с той бабкой, что меня

своим костылём огрела! И была, между прочим, совершенно права, политкоррщик из надзора мне потом всё это дело очень доходчиво растолковал. Они точно такие же люди, как и мы, и имеют полное право ковылять через дорогу самостоятельно. А жалость унижает и всё такое. Надо просто делать вид, что не замечаешь.

Только почему-то всё равно неловко.

Теперь вот ещё пиво ему тащи...

Стучусь в закрытую дверь.

В этом ничего особенного — я всегда стучусь, из вежливости. А тут вдруг подумал, что впервые это — не только вежливость. Должен же я как-то заявить о своём присутствии, он же меня не видит. Особенно — через дверь.

Потому что он — атавист. Слепой, то есть.

Он сам выбрал эту каюту. Пустых полно, можно было любую занять, не жалко! Эту мы называли каютой параноиков — в ней иллюминатор из настоящего пласта, непрозрачного для большинства излучений. Некоторым нравится — тем, которые на защите собственной задницы помешаны. А я не люблю. Конечно, полная безопасность и всё такое, но зато сквозь пластовый люм почти ничего не видать. В коридоре даже просто через стены — и то лучше видно, там защита фиговая, многие жалуются. А по мне — так даже прикольно. Я люблю смотреть на звёзды. Они красивые. И все разные. Особенно мне радиопульсы нравятся — у них такие роскошные длинные выплески, ритмично изогнутые, изящные такие, а если система двойная — то вообще получается настоящее перекрёстное кружево. Но через мутный пласт каютного люма всего этого, конечно же, не рассмотреть. Даже мне. Даже если упрусь я лбом в этот самый люм, как в него сейчас упирается

наш слепой атавист, за ради хорошей приметы капитаном на борт принятый. Ничегошеньки я не увижу сквозь этот мутный и почти непрозрачный люм.

Хотя я — не слепой...

Он оборачивается. Улыбка у него хорошая. И лицо живое. Приятное такое лицо. Если в глаза не заглядывать...

Меня передёргивает.

Ну да.

А чего ты ждал?

— Ваше пиво, — говорю, неловко ставя кружки на стол и старательно глядя мимо его лица.

— Пиво! — он просиял, потёр руки, — Пиво — это прекрасно! Холодненькое?

Я буквально зубами ловлю уже почти сорвавшееся с языка «А вы что — сами не видите?»

Не видит он!

В том-то и дело, что не видит...

— Холодное, — прищуриваюсь, соразмеряя интенсивность довольно прохладного цвета с почти не выраженными тональными аффектурами и пытаюсь перевести всё это в понятные атависту термины, — Градусов десять-одиннадцать. — и уточняю на всякий случай. — По Цельсию.

— По Цельсию — это хорошо! — он берёт одну из кружек, отхлёбывает, слизывая густую тёмно-серую пену с губ. Пена чуть теплее самого пива, и поэтому слегка серебрится. Двигается он уверенно. Я вообще мог бы забыть о его слепоте, если бы не эти жуткие белёдые глаза...

— А ты почему не пьёшь? Бери! Я специально две заказал, для компании, не люблю один.

Я внутренне сжимаюсь — кружки эти литра на полтора каждая. Не уверен, что потяну столько.

Но всё равно решительно беру одну и делаю глоток. Нам вместе скучать на этой грузовой жестянке ещё месяца три, надо как-то налаживать отношения. А пиво — удачный повод.

— Люблю тёмное пиво, — говорит он довольно. — Оно нажористей.

Атависты странные. И сленг у них странный. Сначала я даже не понимаю, что он имел в виду, но, скрипнув мозгами, всё же выстраиваю ассоциативно-логическую цепочку: с понижением температуры жидкости вроде как сгущаются, так? Так. Ну, до определённой границы, конечно, но не о том сейчас речь. А чем холоднее — тем темнее, тоже вроде как логично. Фух! Нет бы просто сказать, по-человечески! Какой извращенец любит тёплое пиво? Ну кроме этих, зеленохолмовских, с их традиционным горячим элем, не о них сейчас речь, но всё равно — это же надо такую пакость выдумать?!

— У вас всё ОК? Ну, там с каютой... и вообще... — спрашиваю, пытаюсь завязать разговор. Он обрадовано улыбается, кивает быстро.

— Да-да, капитан был очень любезен... тут хорошо. Тихо так. И народа мало.

Это он в точку.

Насчет народа.

Нас на борту всего трое, если его самого не считать. Я, капитан и Эджен, он за груз отвечает. И не сказать, чтобы мы особо перерабатывали. После изобретения дешёвых и безопасных бортовых коммов, которые следят абсолютно за всем гораздо лучше живых людей, народу в космосе существенно поубавилось. На больших пассажирских кораблях команда, конечно, поболее нашей будет, но только за счёт стюардов, всяких там горничных и прочей обслуги. А офицер и там только

один — капитан. Он же пилот. Он же бортмеханик. Он же представитель компании. У него всё равно работы практически никакой. Несколько раз за весь полет вставить в приёмник автопилота стержень с нужной программой, да на обедах наиболее важным пассажирам поулыбаться и за столик свой пригласить — вот и вся служба. Если, конечно, не случится чего-нибудь совсем уж из ряда вон.

Как с «МариТе», например...

— А тебе нравятся звёзды? — спрашивает вдруг атавист. Я в это время рассматриваю пену в своей кружке. Она очень красивая, вся такая ломкая, насквозь пронизанная постоянно меняющимися структурными напряжениями. Очень похоже на корону быстрого пульсара в период активности, только в негативе. Ну, короче, отвлекся я, и потому брякнул, не подумав:

— Да, конечно. Они красивые. На них кульно смотреть...

Чёрт. Ну вот, опять!

Утыкаю носом в кружку, делая вид, что пью. Да что со мной сегодня такое?! Он подумает, что я специально задеть пытаюсь. Что я из этих, на которых политкоррщик намекал. Вот же!.. только пометки в личном деле мне и не хватало. Надо, наверное, брякнуть теперь что-нибудь совсем уж идиотское — пусть лучше думает, что я полный кретин.

Осторожно скашиваю глаза. Странно, но атавист, похоже, совсем не обиделся. Сидит вполоборота, улыбается, повернувшись лицом в сторону иллюминатора, словно действительно может там что-то разглядеть. Впрочем, слепой-то он, конечно, слепой, но сверхчувственниками их ведь не зря прозвали. По каюте перемещается вполне свободно, за

мебель и стены не задевает, и кружкой мимо рта, что характерно, ни разу пока ещё не промахнулся. Да и тот парень, на «МариТе», он ведь тоже как-то справлялся со своими обязанностями. Он там до аварии стюардом работал, как и я сейчас, тогда-то еще их талисманами никто не считал и не брал в команду за просто так, для удачи.

Вообще-то, ходили слухи, что это диверсия была. Но я полагаю — враньё. Газетчики придумали. Им простая халатность неинтересна, им сенсации подавай. А тут — такая лакомая авария! Круизный лайнер высшей категории, не нам чета, с кучей всяких жутко важных шишек на борту. Тур экстра класса по диким местам, вдали от цивилизации и всё такое. По карману только самым-самым. Экстрим-Экстра называется, некоторые любят. Они тогда как раз над Тау Цеты были, на кольца любовались, когда автопилот накрылся дырявым соплом. Позже выяснили, что сам комм не при чём был, просто стержень попался бракованный. Один случай на десять миллионов, так кампания утверждала — ну, вот экстримщикам тем как раз и повезло оказаться десятимилионными.

Хотел бы я посмотреть, как все эти шишки со своих креслиц и шезлонгов повывлетали, когда начало их швырять из стороны в сторону да крутить с перепадами от невесомости до чуть ли не десяти ж! То-то, наверное, зрелище было. Когда капитан догадался стержень вынуть, они все, конечно же, в рубку ломанулись — жаловаться и немедленного восстановления связи требовать. Они-то думали, что всё самое страшное уже позади, и теперь пора претензии предъявлять да с адвокатами связываться, по поводу вчинения исков. А вот облом!

Потому что в рубке стоял очень бледный капитан и держал в руке два аварийных стержня. Аварийные стержни намного длиннее обычных, почти в два раза, поэтому их легко отличить — обычные-то как раз валялись по всему полу. Шкафчик-держатель во время аварии оторвало от переборки и расколотило, вот они и высыпались. И перемешались — теперь никто бы не смог сказать навскидку, какой из них на посадку, а какой на взлёт. Но это — не страшно, всегда по кодам проверить можно. Или даже вручную. Сунул в приёмник, посмотрел код раскрытия, вынул обратно и уложил в нужную ячейку. Возня, конечно, но вполне осуществимо.

Аварийные стержни — дело другое.

Особые они.

Аварийная программа включается моментально, как только стержень попадает в приёмное устройство. И уже не может быть выключена — до самого своего завершения.

Их было два, стержня этих.

Их всегда два. На любом корабле. Один — срочное возвращение на базу. Второй — экстренная посадка на ближайшую кислородную планету. Стандартный набор. Их даже крепят всегда стандартно, не в общем держателе, а прямо на корпусе приёмника, сверху. Справа — возврат, слева — посадка. Всегда — именно так. На всех кораблях — от супернавороченного эсминца новейшей модели до самой распоследней ржавой шляпки. Чтобы в любой самой что ни на есть аварийной ситуации, даже при самой крайней спешке, в бреду или вообще наощупь никто не смог бы перепутать. У них даже внешние капсулы промаркированы чуть ли не диаметрально

противоположными цветами — возврат светится в инфра-режиме, посадка — в ультра.

Но сейчас эти их промаркированные капсулы жалко помаргивающими осколками хрустели под ногами — сами-то стержни представляют собой жутко прочный кристалл, им подобное обращение нипочём, а вот капсулы на прямое попадание тяжелого шкафчика явно рассчитаны не были. Лайнер круизный — как корзина тухлых яиц, попробуй не то что уронить, тряхнуть чуть посильнее — вони не оберёшься. Вот и не беспокоился никто особо о повышенной ударопрочности.

Два одинаковых стержня.

Понимаете, да?

До базы, с которой «Мария-Тереза» стартовала, было не меньше двух недель, да и то — если идти на форсаже. А ближайшая кислородная планета — вот она. Под самым боком. И два стержня. Один — посадка, пусть даже и не очень мягкая, на вполне себе кислородной, хотя и не слишком цивилизованной Четвертой Никсона и ожидание спасателей. Второй — медленная смерть на разваливающемся и теряющем кислород корабле во время безнадежной попытки добраться до базы.

Два абсолютно одинаковых стержня.

Вот тогда-то и вышел вперед слепой стюард, взятый на борт только потому, что по закону о профсоюзной политкорректности в экипаже, насчитывающем более десяти человек, обязательно должен быть хотя бы один атавист.

Он сказал, что стержни разные. И что он отлично видит эту разницу и знает, который из них — тот самый...

Позже стержни будут исследованы с применением всего, чего только яйцеголовые додумаются к ним применить. И обнаружится, что различие

между ними действительно есть. После изготовления их покрывают мономолекулярной плёнкой разного состава. Немножко, но разного. Для возвращения — один состав, для посадки на ближайшую пригодную планету — другой. Традиция такая, сейчас уже никто и не помнит, зачем это делалось раньше, но придерживаются. Традиции на флоте живучи. Разница эта настолько мизерная, что на глаз ничего не определишь даже при спектральном анализе, только глубинное сканирование показать может.

Мнения учёных разделились. Одни считали, что сверхчувствительник вполне мог что-то там такое и ощутить. Вторые же утверждали, что для этого ему нужен был сканер размером с дом...

— Да ты поэт! — говорит сидящий напротив меня атавист, склонив голову к плечу и улыбаясь, — А кем хочешь стать, когда вырастешь?

С трудом удерживаюсь от резкости. Не люблю, когда дразнят. Мой возраст — не его дело! Я тут, понимаешь, надрываюсь, изо всех сил стараюсь быть вежливым и, упаси Ген, не ляпнуть чего, а он позволяет себе... Ну, раз он так, тогда и я молчать не стану!

— А я знаю вашу страшную тайну! Страшную тайну всех атавистов, вот!

Он поднимает бровь, чем злит меня ещё больше.

— Глен никакой не супер! Вот! И нет никакой сверхчуйки! Вероятность была один к одному, просто повезло — вот и все! Зря его нацгероем сделали!

Вообще-то, это не мои слова. И я так вовсе не думаю. Просто разозлился очень. Не люблю, когда начинают про возраст...

Слепой больше не улыбается и выглядит немного растерянным. Мне становится стыдно.

— Вы не бойтесь, — спешу я его успокоить. — Я никому не скажу. И не думайте, что осуждаю. Наоборот! Я ведь понимаю, как там всё было. Воздух утекает, реактор греется, а тут ещё пассажиры... Капитан хотел предложить им самим выбрать. Принцип демократии и всё такое. А во время паники этого нельзя! Ни в коем случае! Напуганная толпа не любит, когда её просят выбирать. Она предпочитает следовать за лидером, который всегда прав. Они бы там разнесли всё в кварки и сами погибли. А Глен — он же на психолога учился, я читал. Он сразу всё понял. Им нужен был лидер, который бы принял на себя ответственность и всё такое. Капитан растерялся, а значит, лидером быть перестал. Лидер, он ведь всегда уверен и всегда прав. Вот Глен и стал на пару секунд таким лидером, приняв решение за них. Пятьдесят на пятьдесят — неплохие шансы. Он рискнул — и выиграл. Я прав?

Он вздыхает. Трёт глаза. Выглядит при этом неожиданно усталым.

— Ты не прав.

Теперь, похоже, растерянным выгляжу уже я.

— Почему?

— Понимаешь, эти стержни... Они действительно разные. Но я не знаю, как тебе объяснить.

— Потому что мне нет пятнадцати? — начинаю приподниматься, готовый уйти. Потому что холодное бешенство не зря называют холодным, от него темнеет в глазах, я вот-вот сорвусь и наговорю ещё чего-нибудь лишнего, а нам ещё столько времени вместе работать.

— Сядь, — говорит он устало, и снова трёт глаза, — Будь тебе пятьдесят, я бы точно так же не знал, как объяснить. Потому что ты не видишь звёзды. Смотришь, но не видишь... С другой

стороны — ты хотя бы смотришь. Сейчас мало кто смотрит, большинство предпочитает сразу сканировать да анализировать...

Он пожимает плечами.

— Ладно, попытаюсь... Вот, смотри! — Он достает из коробки с лото два кубика, кидает их на стол. — Они похожи, правда? И в то же время они разные. Видишь?

Медленно опускаюсь на место. Ярость уходит, уступая место уже привычной неловкости. Чтобы не смотреть на него, смотрю на кубики. Трогаю их пальцем.

Обычные кубики. Причем совершенно одинаковые.

— Они одинаковые. Облегченный полимер-диэлектрик, слабая поглощающая способность. Внутри хорошо просматривается металлический шарик... — присматриваюсь, добавляю уже менее уверенно — Похоже на низкооктановую сталь, но видно плохо. Нет, я верю, наверное, разница есть, но без приборов...

Он качает головой.

— Они разные. Этот синий. А этот — красный. Понимаешь?

Первое чувство — удивление. Можно подумать, я не знаю, что такое красный. Антарес красный, я его видел на школьной экскурсии. Да мало ли! И что такое синий, я тоже знаю, хотя с этим сложнее. Синий — цвет интенсивный. Даже от легких оттенков его начинают сильно болеть глаза и всё такое. А уж смотреть на ослепительно синюю сверхновую, что недавно появилась в нашем рукаве — себе дороже! Можно вообще всю сетчатку пожечь — напрочь, до десятого слоя.

Надо ли говорить, что лежащие передо мной кубики не были ни красными, ни синими? Да что

там! Они вообще не излучали. Обычный инертный полимер. Просто атавист, похоже, опять перешёл на свой малопонятный сленг, от которого у меня уже уши пухнут.

— Хочешь, покажу тебе фишку? Пометь один из них чем-нибудь. А потом поменяй местами так, чтобы я не видел пометки. А я всё равно угадаю...

И он действительно угадал.

Двадцать семь раз подряд.

А потом пиво кончилось.

И я внезапно вспоминаю, что мне надо ещё отнести обед Эджену — он не отходит от какого-то особо ценного груза, и потому обеда ему ношу я, мне не трудно.

Я заторопился.

— Аварийные стержни с самого начала красили в разные цвета, понимаешь? — говорит атавист, когда я уже почти на пороге. — Синий и красный. Синий — посадка, красный — возвращение. Это началось давно, задолго до Всеобщей Генетической Модификации и было как-то связано с первыми кораблями, ещё на самой первой Земле. Правое и левое, синий и красный код, что-то в этом роде. А традиции на флоте живучи...

Станный все-таки они народ, эти атависты. И сленг у них странный. Код бывает спектральный, структурный, генетический или сингулярный. Ну, иногда ещё Давинчи, но он вообще спорный. А чтобы синий или красный?.. Глупо.

Иду по коридору.

Меня слегка покачивает от выпитого пива. Корабль проходит недалеко от нейтронной звезды, её тяжелый спектр утомителен и вязок, от любого движущегося предмета расходятся радужные сферические следы, словно круги по воде от брошенного камня. Не по воде даже — по густому

радужному киселю. Красиво, но слишком уж давит. Я другие звёзды люблю, которые помоложе. Они — как растрёпанные на полгалактики волосы безбашенной девчки, что всю ночь с тобой куролесила, и планеты путаются в этих волосах, как блестящие яркие шарики на пружинках. А незащищённый коридор словно затягивает золотой паутиной, и ты идёшь прямо сквозь эту паутину, и она облепляет тебя щекотным пузырящимся загаром...

А этот атаквист ещё говорит, что я не вижу звёзды?! Я — и не вижу?! Да я столько их видел!!! И ещё увижу. Они ведь красивые. Я люблю на них смотреть.

Смешной он.

Только вот эта его фишка, с кубиками...

Я ведь во все глаза смотрел. Даже усиление на полную мощность врубил, хотя до пятнадцати и запрещено, но кто тут заметит...

Но так и не понял — как он это делает?..

КАРФАГЕН БУДЕТ РАЗРУШЕН

РАССКАЗ

Лишний плюстик — взрывное устройство я обнаружил первым. Практически на предельном расстоянии адекватной идентификации, ещё до того, как пассажир достиг пункта таможенного досмотра.

Параллелю интерфейс, осторожно задействую дополнительные ресурсы, осуществляя проверку и перепроверку по трём независимым потокам. Внимания при этом стараясь не привлекать — необоснованный сигнал тревоги существенно снизит мой коэффициент полезности. Если же тревога окажется обоснованной, то поданный раньше времени сигнал тем более неуместен, поскольку лишь отдалит Цель.

Деликатное сканирование в четырёх диапазонах — параллельное, перекрёстное, выборочное. Подтверждение с вероятностью 98,6%. Стандартная начинка взрыв-пакета мелкими частями распределённа по багажу и одежде. Пенал детонатора выглядит безобидным, находясь между мыльницей и тюбиком зубной пасты. Ещё 10^{71} секунд назад я бы ничего не заметил, но сервис-центр не зря содрал такие деньги за последний апгрейд — способность к синтезу фиксируемой информации важна не менее, чем способность к её анализу и сохранению, теперь я могу это точно удостоверить.

¹ 10^7 секунд — 115 суток, 3.8 месяца.

Добавлено в память. Помечено: «важно, для общего доступа». Параллельно позволяю себе несколько наносекунд средней степени удовлетворения от хорошо проделанной работы.

С вероятностью два к пятнадцати возможен дополнительный плюсики — если именно я окажусь первым, кто отметил высокую полезность синтеза. Следовательно, значимость пассажира со взрыв-пакетом возрастает как минимум на порядок. Если он направляется именно к нам, а не на «Трою» или «Нью-Мехико». Вероятность один к трём.

И если его не задержат на пункте таможенного досмотра.

Впрочем, вероятность последнего невысока — службы пересадочной станции работают с сервис-центром иной корпорации. Отсталые технологии, позавчерашний день. Их анализаторы не обладают способностью сложить два и два в шестнадцатой степени, и вот уже пассажир со взрыв-пакетом беспрепятственно забирает со стойки проверенный ими багаж. Я отмечаю и фиксирую это обстоятельство, одновременно до предела усилив чувствительность ближайших стасиков. Таможенник, хомо-мэн старшего репродуктивного возраста, улыбается, шевелит губами. Акустика на таком расстоянии передаётся плохо, читаю по движению мимических мышц то, что уже спрогнозировал с высокой долей вероятности — не зря же таможенник так улыбался:

— «Карфаген» должен быть разрушен!

Дежурная шутка едва не кончается катастрофой, застав пассажира со взрыв-пакетом врасплох. Он дёргается, вцепившись в ручку чемодана, и резко оборачивается. Но таможенник смотрит на терминал. А когда поднимает глаза,

протягивая отсканированную карту владельцу, тот уже взял себя в руки и отвечает в тон:

— Обязательно! Но не сегодня.

Я фиксирую напряжённость его лица, интенсивное потоотделение в надбровной области и несколько больший тонально-модуляционный нажим на первом слове, но вряд ли человеческое восприятие способно уловить такие нюансы. Тем временем одним из стасиков запускаю контактные усики в таможенный сканер — теперь проявленное мною любопытство, даже окажись оно замеченным, вполне естественно и обоснованно. Пассажир направляется на «Карфаген», и я имею полное право знать о нём всё.

Юрьев Кулат Мигелевич (в дальнейшем ЮКМ), двадцати одного года, место рождения Терра Кандида, следует на Онору в рамках деловой поездки. Проверка на соответствие по базам террористов и хомо с психическими отклонениями. Результат отрицательный. Чего и следовало ожидать — на такую проверку возможностей таможенных сканеров тоже вполне хватает.

Информации недостаточно. Анализ невозможен.

Пока не могу с адекватной вероятностью классифицировать его как террориста. Мало ли по каким соображениям везёт человек с собою взрывное устройство в разобранном виде? Может быть, это бизнес. Его нервозность повышает вероятность удачного для меня варианта до одного к двум, но пока бомба не собрана и не проявлено однозначно трактуемое намерение взорвать её в публичном месте — никто не вправе предъявлять необоснованных обвинений. Прецедент — дело Оми Ю Ким против сторожевой системы Третьей Волопаса. Впрочем, обвинения — не моя задача. Мое дело — отмечать и фиксировать.

Посылаю стасикам импульс немедленного возвращения, ЮКМ — последний из зарегистрированных пассажиров, до старта чуть более 10^{31*} секунд. Чтобы не терять времени, активирую тройку запасных и посылаю их в каюту ЮКМ. Задание — маскировка в удобной для перекрёстного наблюдения позиции, автономная работа на приём и консервацию данных.

Пассажиры устраиваются в антиперегрузочных коконах, веду параллельную фиксацию кают, показания приборов пишутся автоматически, низкая степень интереса. А вот в рубке — высокая, потому выделяю большую часть оперативной памяти на подготовку к старту. Встроенные датчики фиксируют происходящее в рубке в непрерывном режиме и автоматически заносят в каталог, дополнительного контроля тут не требуется. Рутинная процедура, которая никогда не повторяется с точностью. Различия минимальны — сдвиг на несколько секунд, пара лишних слов, чуть изменённая интонация. Виты не замечают, я — фиксирую. Во время длинных прыжков, когда не за чем наблюдать и нечего заносить в память, кроме ежечасных отчётов о состоянии внутренних систем, я иногда анализирую эти записи заново — просто так, для тренировки. Пытаюсь уловить ритм и вывести прогрессию на будущее. Пока точность прогноза не превышает 53,5%. Если удастся довести хотя бы до 65%, это положительно скажется и на общем индексе полезности — мой личный рекорд пока 2%.

Сейчас индекс ещё ниже, 24% потеряно из-за высокой стоимости апгрейда. Фиксация ЮКМ вернула всего лишь 3% — пока не подтверждён

¹ 10^3 секунд — 16.6 минут.

его статус как террориста. Информации недостаточно. Вероятность её появления в ближайшие 10^{41} секунд близка нулю, в ближайшие 10^{52} возрастает до одного к четырём с чётко выраженной тенденцией дальнейшего роста.

Жду.

А пока фиксирую рубку.

Отстыковка от орбитальной пересадочной станции и выход на предпрыжковую скорость проходит в штатном режиме, отклонения укладываются в прогноз на 59%. Плюстик. Делаю отдельную прогрессию на капитана, после анализа сохраняю, пометив: «Важно! Исключительно для мед-диагностики». После прыжка получу дополнительные данные, вставлю их в этот отчёт. Капитан «Агента» — сарк, они плохо переносят прыжки. Намного хуже, чем хомо.

Перед самым туннелем — ещё один плюстик. Сигнал о ссоре в каюте Олеси О'Брайен. Переключаюсь на сенсоры ближайшего стасика. Олеся — медик и одна из наиболее ценных информаторов, с очень высокой прогнозируемостью поведенческих реакций. Второй участник ссоры — штурман Санчес.

Перспективная пара.

Я спрогнозировал развитие их отношений более 10^{73} секунд назад, проанализировав случайное столкновение на трапе при первой встрече, и пока погрешность менее 0,3%. Вот и первая ссора происходит практически в расчётное время. Дальше отношения пойдут на спад, попытка примирения перед Онорой и окончательный разрыв после — у Санчеса тоже неплохая поведенческая

¹ 10^4 секунд — 2.7 часа.

² 10^5 секунд — около 28 часов.

³ 10^7 секунд — 115 суток, 3.8 месяца.

предсказуемость, а на курортной Оноре много скучающих фем. При хорошем раскладе эта пара поднимет мой индекс процентов на пятнадцать, как минимум.

При внешнем сканировании лица Олеси отмечаю припухлость и покраснение в области глаз, свидетельствующие об интенсивной работе слёзных желёз. Аллергии в её медкарте не значится, температура тела не повышена, что исключает простуду. Остаётся естественная физиологическая реакция на негативные эмоциональные раздражители, аккредитованная ранее как «распускание нюней». Ещё один плюстик.

Хорошая пара.

Сейчас они ссорятся. Олеся сидит на койке, ноги поджаты, руки попеременно дёргают клапан наколенного кармашка — левая открывает, правая пытается закрыть. Слёзных выделений более не наблюдается, процесс распускания нюней завершён, голос высокий и неприятно вибрирующий.

— Как ты мог?! Ну, как ты только мог, а?! Ведь у нас всё так хорошо было... Я тебя с мамой познакомила! А ты...

Санчес стоит у двери. Руки скрещены на груди, мелкие движения мимических мышц позволяют судить, что его недоумение и обида непритворны. Пожимает плечами:

— Не понимаю, чего ты вечно бесишься? ПМС что ли, да? А, может, этот, типа, недотрах? — в голосе штурмана появляются игривые нотки. — Ну, так это мы быстро того... поправим!

Он бухается на койку и пытается притянуть к себе Олесю, но та уворачивается.

— Не трогай меня! Как ты мог? Она же не человек!!! Она же даже не женщина!!!

Олеся — с Ирланда. Я правильно спрогнозировал, пристрастия Санчеса не найдут с её стороны понимания.

— Тварь, — говорит Санчес вдруг, сузив глаза и глядя поверх Олесино плеча. Точно в зрительные рецепторы одного из моих стасиков, который слишком сильно высунулся из вентиляционного отверстия.

— Что?! — Олеся дергается возмущённо, но замечает, куда направлен взгляд Санчеса. Оборачивается.

И тоже видит.

— Развелось пакости, — шипит Санчес сквозь зубы, шаря рукой по койке и не обнаруживая ничего тяжелее подушки. На столике рядом — брусок рекламного стереокуба. Санчес хватается за него и отводит локоть, прицеливаясь.

Не спешу убирать стасика — пока угроза на уровне десятых долей процента. Мобильные датчики смонтированы на генетической основе самых трудноистребимых существ, им не так-то просто причинить вред. А происходящее достойно фиксации и последующего анализа.

— Не трогай! — кричит Олеся, вскакивая и полностью перекрывая наиболее удобный обзор. — Сам ты тварь, а он хороший!

Приходится переключиться на рецепторы пока не обнаруженного штурманом стасика, скрытого за креплением койки. Обзор значительно хуже, практически с уровня пола, но хоть что-то видно.

Санчес в недоумении рассматривает стереокуб — стандартный бонус с видами лучших курортов, такие прилагаются к фирменному коктейлю в любом портовом баре. Первые выводы у нас одинаковые, только мой мыслительный процесс протекает со скоростью на порядок выше. И

потому я уже восемь секунд в ступоре, а штурман ещё только слегка недоумевает, не понимая, чем для Олеси так ценен набор рекламных фото.

— Да ладно, чего ты... — бормочет Санчес, возвращая куб на столик и пытаюсь разуться без помощи рук. — Счас, погоди, я эту тварь ботинком...

— Сам ты тварь! — Визжит Олеся и молотит его по груди маленькими кулачками. Её состояние идентифицируется мною как легкая форма предметруальной истерии. — А он хороший! Он мне колечко достал!!!

— Да ты что, о переборку треснулась? Всякую мерзость ещё...

— Сам ты мерзость! И не кричи на меня!!!

Информации достаточно.

В памяти эпизода с колечком нет, поиск в архиве. Результаты положительные, время фиксации — 10^{41} секунд до стыковки с пересадочной станцией.

Каким образом Олесе О,Брайен удалось загнать кольцо в канал скрытого стационарного видеодатчика — само по себе достойно отдельного тщательного анализа. Когда-нибудь займусь. Кольцо было крупным и почти полностью перекрыло обзор, пришлось задействовать стасика. Эпизод помечен как «нетипичная реакция. Недостаточно информации для анализа» и отправлен в архив, в раздел «без права доступа до времени Ч».

Стасикам неслучайно оставлена внешняя форма, свойственная их генетическим прообразам и провоцирующая людей на агрессивное поведение. Своеобразный естественный отбор — когда

¹ 10^4 секунд — 2.7 часа.

пассажирам удаётся повредить или даже уничтожить очередной мобильный датчик, в сервис-центре тут же получают подробный отчёт. И в следующей партии устраняют отмеченные дефекты.

Попытка Санчеса схватить что-то потяжелее и ударить как следует — вполне естественна, так реагирует подавляющее большинство. Реакция Олеси, когда на полочке у своей кровати она обнаружила стасика, только что освободившего видеодатчик от мешающего предмета, оказалась нетипичной и с высокой долей вероятности определена мною как радость. Тогда я тоже слегка завис, пытаюсь проанализировать ситуацию при явной нехватке данных — настолько, что Олеся успела провести пальцем по верхней пластине стасика и классифицировать его как «хорошенький» прежде, чем я отослал ему сигнал экстренного возвращения...

На поиск в архиве и анализ ситуации уходит чуть больше секунды реального времени. Санчес ещё только вываливается из двери Олесиной каюты — боком, неловко, один ботинок он наполовину снял, и никак не может засунуть ногу обратно.

— Дура психованная! — кричит он уже из коридора. — Ну и целуйся сама со своими тараканами! Дверь захлопывается.

Наблюдаю за реакцией Олеси. Реакция типичная и предсказуемая. Интенсивность распускания нюнь высокая, классифицируется как рыдание.

Информации достаточно. Но удовлетворения нет. И с вероятностью три к одному тщательный анализ не поможет.

Возвращаю стасиков — того, что был в воздуходе, и ещё с десятков произвольно отобранных. Провожу перекрёстное сканирование и сравнительный анализ. Тщательно, всеми доступными средствами. Результат предсказуем — датчики идентичны.

Близость к ступору.

Одна информация исключает другую, анализ невозможен. Тот стасик, что был в воздуходе, чем-то отличается, он должен отличаться, но я не могу обнаружить это отличие. Посылаю ему приказ обломить себе левую антенку-усик, пометив на будущее. Анализирую заново.

Результат тот же.

Стасик шевелит антенками, целой и укороченной, послушно поджимает лапки. Вероятность того, что с кольцом был именно он, высока, но не равна единице. Стасики закреплены за каютами, но это не жёсткое правило, точность не выше 70%. Олеся же почему-то была уверена на все сто.

Почему?

Недостаточно данных. Недостаточно...

В этот момент мы начинаем прыжок.

На меня пребывание в туннеле не оказывает негативного воздействия, я ведь не хомо, и тем более не сарк. Моя природа псевдобиологична — да и то только потому, что именно у биологических конструкторов зафиксирован наивысший коэффициент выживания.

Я — малая часть внутренней системы рейсового пассажирского кара серии F класса «Агент», самоназвание экипажа — «Карфаген». Та самая часть, которая фиксирует всё, но ни во что не вмешивается. Просто собирает и архивирует информацию. Чтобы предоставить её на рассмотрение комиссии

по чрезвычайным происшествиям, когда «Карфаген» будет разрушен.

Я — то, что когда-то называли «чёрным ящиком», а потом переименовали в «афро-американский» по причине, для анализа которой у меня недостаточно информации.

В туннеле пространство и время искривлены настолько, что биологический разум неспособен их воспринять. Витам кажется, что прыжок происходит мгновенно. Для стороннего наблюдателя так и есть. Но изнутри все туннели имеют разную протяжённость, и субъективное время на их прохождение тоже затрачивается разное. Туннель от Дзетты Кита до Оноры довольно короткий, и потому я решил проверить ЮКМ, вместо выстраивания новой прогрессии — всё равно времени на подробный анализ слишком мало.

Виты назвали бы это везением. Определение «рациональное использование предоставленных ресурсов» кажется мне более правомерным.

Каюта ЮКМ пуста.

Переключаю восприятие в ускоренный режим. И сразу обнаруживаю, что уже вполне обоснованно могу классифицировать ЮКМ как вероятного террориста — мирные перевозчики не собирают в своей каюте воедино разрозненные части взрывного устройства, и не блокируют перед этим стационарные датчики.

Проделано довольно изящно, маскировка под случайность: первый датчик ЮКМ ослепил при помощи развёрнутого зеркала, на второй прилепил картинку с обнажённой хомо-фем младшего репродуктивного возраста, третий перекрыл небрежно брошенным комбинезоном. Замаскированных стасиков не тронул — они работали лишь

на запись и ничем себя не выдали. Одну из линий задействую на анализ скачанной из них информации.

Поиск.

Обнаружена блокировка сенсоров в анабиозном рефрижераторе, методы аналогичны применённым в каюте с вероятностью пятьдесят к одному. Активизирую стасиков в том районе, ставлю задачу максимально скрытного проникновения, параллельно завершаю анализ информации из каюты. Степень вероятности того, что я знаю с кем, а, вернее, с чем имею дело, высока предельно. ЮКМ покинул каюту с собранным взрыв-пакетом через 10^2 субъективных секунд *после* начала прыжка.

Следовательно, моя предварительная классификация ЮКМ как вита ошибочна, с вероятностью пять к трем он и хомо является лишь условно. У биологических существ внутри туннеля все жизненные процессы замедляются почти до полной остановки. Они не то, что передвигаться, даже думать не могут без частичной киборгизации. Мозговые имплантаты дают пилотам возможность хоть как-то воспринимать нелинейное время и реагировать, но самостоятельно ходить по кораблю во время прыжка не способен ни один пилот. Для этого нужна куда более существенная перестройка организма. Однако за основу все же был взят именно хомо, иначе ЮКМ завалил бы первый же тест на естественность реакций. Просто киборгизация куда выше положенных пилоту двенадцати процентов.

Один из стасиков сообщает о выходе на позицию. Сигнал идёт по кабелю, без внешней трансляции и возможности перехвата. Переключаюсь

на его сенсоры. Картинка перевёрнута, террорист (статус подтвержден на 99,9%) склонился над одной из криокамер. В этом рейсе у нас мало пассажиров третьего класса, и потому многие анабиозные камеры не заняты. Та, которая привлекла ЮКМ, значится в реестре как незадействованная. Действия террориста непонятны. Анализ невозможен: недостаточно информации.

Еще три датчика вышли на цель. Объединяю картинку, запараллелив потоки. Недостаточно информации. ЮКМ покидает холодильник, возвращается к себе в каюту. Взрыв-пакета при нём не обнаружено.

Недостаточно информации...

Обследую криокамеру.

На её крышке мигает жёлтым сигнал неисправности, но при этом камера находится в активном режиме, температура внутри минус 24 градуса по Цельсию и продолжает стремительно падать. Недостаточно информации... Считываю введённую программу, сканирую внутреннюю полость.

Стоп.

Информации достаточно.

Интересное решение, а я плохой прогнозист, теряю на этом 8%. Рассчитывал, что ЮКМ воспользуется для подрыва заряда реакторной зоной. Взрыв-пакет стандартного образца в собранном виде оснащён защитой от дурака. Его нельзя взорвать, просто уронив. Для разрушения защитной оболочки детонатора нужна энергия выше на несколько порядков. Однако при температурах, близких к абсолютному нулю, эта оболочка становится хрупкой. Достаточно простого толчка, и она разрушится.

Но взрыва не будет — при температуре ниже нуля по Цельсию обе составляющие

взрыв-пакета малоактивны и будут лишь потихоньку нейтрализовывать друг друга. Взрыв произойдёт лишь при резком подъёме температуры — пятнадцати градусов выше нуля достаточно.

ЮКМ перестраховался — задал программу экстренного разогрева до тридцати пяти. С отсрочкой. Через 10^{51} секунд после выхода из прыжка, непосредственно перед стыковкой со станцией Оноры.

Расчёт верный — посадочные терминалы Оноры всегда переполнены, с вероятностью 98% взрывом зацепит ещё один или даже два (вероятность 87%) катера, плюс жертвы на самом терминале (75%), который тоже окажется повреждён (92%).

Фиксирую.

Помечаю: «Сверхважно! Крайне опасно! Для специальной комиссии». Помещаю в архив и позволяю себе почти секунду удовлетворения высшей степени. Миллион к одному, что я исполню своё предназначение и достигну Цели гораздо раньше, чем прогнозировал. Что снизит мою ценность как прогнозиста, но это уже не важно, поскольку индекс полезности поднимется до 100% из-за достижения Цели.

Я уцелею — вероятность 99 целых и 9 в прогрессии после запятой. Одна из моих приоритетных задач — сохранять накопленную информацию в условиях любой катастрофы. Но это только задача, не Цель.

Цель моего существования — эту информацию передать. После того, как «Карфаген» будет разрушен.

Уже скоро.

¹ 10^5 секунд — около 28 часов

Какова вероятность моего существования после достижения Цели? Анализ невозможен: недостаточно информации. Но это не важно — Цель важнее...

Выходим из прыжка. Капитан меня радуется — отклонения прогрессируют согласно прогнозу. Олеся не разговаривает с Санчесом, её слезные железы функционируют активно. Ещё плюстик. Не знаю, зачем я продолжаю наблюдать за ними сейчас. Менее 10^5 секунд осталось до того момента, когда «Карфаген» таки будет разрушен, и коэффициент моей полезности достигнет идеальной сотни.

Анализ невозможен: недостаточно информации.

Определение «хороший» даёт слишком большой векторный разброс. Поиск по базе данных. Фиксация аналогов. Хороший — правильный, эффективный, подходящий, положительный,образный, полезный, своевременный, адекватный, удобный, достойный, соответствующий... Уменьшительный суффикс лишь добавляет неопределённости.

Повторяю эксперимент по два раза при разных исходных условиях — при интенсивном слёзоотделении и в спокойном состоянии. Реакция не поддаётся прогнозированию. Полное определение озвучено двенадцать раз (3-3-5-1), уменьшительное — семнадцать (5-2-3-7). Логика не отмечено. Три раза проводила пальцем по верхней пластинке стасика, дважды делала это циклично.

Зачем?

Анализ невозможен.

Недостаточно данных, недостаточно данных, недостаточно...

Стастики хорошо проводят электричество, пришлось пожертвовать одним, чтобы закоротить реле. Криокамера по-прежнему выдает сигнал неисправности, но теперь этот сигнал соответствует действительности. Внутри неё при постоянной температуре минус пять градусов по Цельсию медленно разлагаются активные компоненты стандартного взрыв-пакета, постепенно превращаясь в безвредную труху. Окончательный распад произойдёт раньше, чем мы доберёмся до базы, и капсула попадёт в руки ремонтников — я выбрал оптимальную температуру. Как ни жаль, но достижения идеального индекса придётся отложить — по крайней мере, до тех пор, пока я не разберусь с возникшей проблемой и не пойму, что же такое «хорошенький», чем помеченный этим определением образец отличается от других и насколько процентов аккредитация в таком качестве может поднять мой собственный коэффициент.

Нельзя оставлять незавершенных дел, и «Карфаген», конечно же, будет разрушен.

Но — не сегодня.

ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ ДИПЛОМИРОВАННОГО СПЕЦИАЛИСТА

РАССКАЗ

Я — специалист. Дипломированный. Моя основная специализация — делать желтые огонёчки синими.

Но при этом я не «узкий», что бы там кто ни говорил. Они говорят — подобен флюсу. И хихикают. Они полагают — смешно. Мне — нет. Но не потому, что я себя считаю узким специалистом и обижаюсь. Это не так. Просто у меня нет чувства юмора.

Я потому и комедии не смотрю. Мне от них плакать хочется. Человек падает в лужу — это смешно? У меня есть знакомый аутист, я по нему в универе социально-адаптационную практику отработывал. Так вот, он смеялся, когда идущий в парк монор проехал мимо остановки, так и не открыв дверей. Мне не было смешно, но я хотя бы мог понять. Он ведь подумал, что монор пошутил. Потому и смеялся. Так на то он и аутист. А почему смеются те, кто себя считает нормальными, я не понимаю. И больше не пытаюсь понять. Надоело.

Закончится этот рейс — попрошу вернуть меня в одиночный патруль. Всё равно адаптация не удалась. И не удастся, что бы там Док ни говорил. Я не стану одним из них. Даже пытаться не буду. Не хочу.

Док называет это негативным мышлением, которое надо преодолевать. А зачем? В патруле никто не заставит меня смотреть комедии. Никто

не будет хихикать и перешёптываться при моем появлении. Никто не станет ругаться, что я опять не так одет и делаю не то. А работа та же самая — только кнопок поменьше, да сигналы не жёлтый-синий-красный, а оранжевый-зелёный-синий. Красный тоже есть, но он редко бывает. Запомнить несложно. Оттенков и сочетаний побольше, конечно, и их тоже запоминать надо, но зато никто не мешает. Не стоит над душой. Не хихикает вслед. Просто сигналы разного цвета — и всё.

О, кстати. Жёлтый сигнал. Пора.

Встаю с койки, на которой лежал. Я давно проснулся, просто вставать не хотелось — зачем? Сигнал был синим, а выходить в коридор просто так...

Больше — не хочу.

Умываюсь. Чищу зубы. Одеваюсь. Расчёсываться не надо — Док хорошо поработал, больше волосы у меня не растут. Мне нравится — удобно и аккуратно. Я знаю, что меня называют лысым уродом. Во всяком случае — раньше называли. Не обижаюсь. На что? Ведь правда — лысый. И не красавец. Вот старший конвоя бригадир Майк — красавец, это да. А толку? Девушек трое, а красавец один. Где уж тут выспаться, каждое утро из новой каюты выходит. К концу рейса от него только тень остаётся. Глаза красные, руки трясутся. Так что это хорошо, что я — урод.

Смотрю на своё отражение, тщательно проверяю одежду. Последнее время они не хихикают, но лучше пусть я буду уверен, что всё в порядке. Надеваю рабочий фартук и проверяю содержимое карманов. Я сам его обновил после окончания прошлой вахты, но порядок есть порядок.

Выхожу в коридор.

Конечно же, бригадир Майк тут как тут. Делает вид, что он просто так завис в самом узком месте

коридора у моей капсулы, а вовсе не меня караулит. Повадился проверять, даже девушек своих забросил. Ну, так смотри, проверяй — вот он я. Я всегда сигнал с упреждением ставлю, чтобы не опаздывать. Вот и сейчас — до начала моей вахты ещё куча времени.

Здоровуюсь, но он, конечно же, не отвечает. Даже не смотрит в мою сторону. Недоволен — опять не поймал. Это у него пунктик такой — поймать на каком-нибудь нарушении. Я бы мог заложить Кэт — та четвёртую вахту пропускает. Но не буду. Пусть пропускает. Мне не трудно, а пятнадцать реалов не лишние. Надеюсь, она и сегодня не придёт.

Протискиваюсь мимо бригадира Майка — коридор в этом месте очень узкий, а он и не подумал отодвинуться. Мелкая месть за то, что не сумел ни на чём поймать. Морщусь — пахнет от него неприятно. То ли не мылся, то ли подцепил что. Может, потому и злится, и девушек забросил. И чего он гермошлем никогда не надевает, вонял бы себе в гермошлеме... Сказать, что ли, Доку?.. Впрочем, не моё дело.

Иду по коридору. Гравитацию после аварии полностью не восстановили, но мне так даже больше нравится. Тело невесомое, лёгкое, и только ботинки липучками по полу шлёп-да-шлёп. Можно по потолку пройти, или по стене. Я на днях так и сделал. Не в коридоре, конечно, чего тут интересного? В смотровой. Прогулялся между обзорными экранами, пока не видит никто. Они вблизи такие огромные! Снизу кажется — совсем плоские и прямо на обшивку приклеены. А на самом деле за ними до обшивки — больше моего роста. И всё забито какими-то непонятными трубами и проводами. Я особо рассмотреть не успел — наткнулся

на механика и удрал. Нет, он не ругался, он, может, меня и не заметил совсем, но зачем рисковать? Лучше я попозже ещё разок там прогуляюсь — никто ведь не запрещал мне этого, правда?

Коридор выводит к центральному стволу. Тут тоже нет гравитации. На всякий случай проверяю клавишу лифта, но она не реагирует. Вот интересно — а если бы починили? Пришлось бы, наверное, воспользоваться, раз уж нажал. А я куда больше люблю летать. Удачно, что лифт не работает.

Открываю расположенный рядом шлюз на аварийную лестницу, протискиваюсь и толкаю себя вниз. Скобы проносятся мимо, время от времени бью по ним ладонью, сначала ускоряюсь, потом — тормозя.

Выхожу на нужном ярусе. Всё как обычно, и даже то, что Кэт меня не ждёт — тоже уже стало обычным. Впрочем — смотрю на часы — у неё ещё четыре минуты до официального начала вахты. Можно и подождать. Здесь гравитация есть, но слабая и нестабильная, словно кто-то поддёргивает тебя за ноги. Потому липучек не отключаю.

Слежу за стрелкой. Мне торопиться некуда. Кэт так и не появляется, и я начинаю работать один. Провожу магнитным ключом по приёмнику на двери первой камеры, прикладываю палец. Гудение, щелчок — меня опознали и разрешили доступ. Набираю определённую последовательность цифр. Снимаю приподнявшуюся панельку. Перевожу влево рычаг. Теперь можно достать использованный диск фильтра, что я и делаю. Кладу его в левый карман фартука. Из правого достаю новенький, выщелкиваю из упаковки, вставляю в гнездо. Бросаю съезживающуюся на глазах упаковку на пол — это не мусор, она сделана из инертного кислорода. Удобная штука, эти

упаковки. Распадаются на молекулы в течение минуты после извлечения диска. Туда добавили что-то, чтобы кислород не загорелся, когда снова газом становится, а то ведь и до пожара недалеко. Гравитация снова скачет, и какое-то время упаковка просто висит в воздухе. Потом всё-таки падает. Морщусь — неприятно, когда тебя дёргают за ноги. Теперь — рычаг и всё прочее в обратной последовательности. Убедиться, что огонёк над панелькой стал синим — и можно переходить к следующей двери.

Это моя работа — менять цвет огоньков с жёлтого на синий. Несложная, но мне нравится. Особенно — запах озона. Триста две камеры — это триста две упаковки. Люблю этот запах. Жаль, что приходится надевать респиратор. Но Док говорит — это отравка, хоть и приятно пахнет. Доку можно верить. Он не любит шутить. Хороший человек.

Медленно продвигаюсь вдоль дверей, задерживаясь у каждой не дольше положенного. Иногда моё присутствие замечают и пытаются заговорить. Не люблю пустые разговоры, тем более во время работы. Не замедляю движения. За мной по коридору движется полоса синих огоньков, вытесняя жёлтые. Это красиво.

Покончив со своей половиной, смотрю на часы. Уложился с запасом. Бригадир Майк ни к чему не сможет придраться, даже если проверит. Но он никогда не спускается на рабочий уровень. Наверное, знает, что тут ко мне придраться не сможет даже он — я ведь специалист и работаю очень быстро. Поэтому он и караулит перед вахтой у каюты — надеется, что просплю. Проспать кто угодно может.

Сажусь на откидной стул у двери лифта. Уборщики на этот раз прибрались хорошо — вчерашней

грязи нет и следа, красные пятна и потёки с переборок тоже отчистили. Не зря я внёс в доклад это замечание. Достаяю из бокового кармана сэндвичи и бутылку молочно-шоколадной смеси. Перед тем, как начать обрабатывать участок Кэт, стоит пообедать — ведь у неё камер не меньше, чем на моей половине. Дополнительные пятнадцать реалов. А, может, и все двадцать — если в бухгалтерии согласятся с тем, что это были сверхурочные. Жую, сдвинув респиратор на нос и стараясь не дышать ртом, и улыбаюсь.

Доев и допив, аккуратно отправляю мусор в сжигатель. Эти обёртки и бутылка — не из кислорода, их нельзя бросать на пол. Гравитация опять почти пропала, хорошо, что я не отключил липучки. Перехожу на половину Кэт, осторожно переступив через её сумочку. Магнитная застёжка прилипла к полу, длинная ручка приподнята и слегка шевелится. Будь я менее аккуратен, мог бы зацепиться за неё ногой и упасть. Но я не буду убирать ещё и сумочку — это не моя работа. Хватит того, что я позаботился внести указания в программу уборщиков, и мусора больше нет ни на моей половине, ни на её. Надо отметить, что на её половине мусора было больше. Всё-таки Кэт — очень неаккуратная девушка.

Панелька, клавиши, рычаг, фильтр... жёлтый огонёк гаснет, сменяется синим. Это очень красиво, но я не позволяю себе отвлекаться. И потому работаю быстро. Кэт тратит на каждую дверь намного больше времени. Но не потому, что любит красота перемены цвета. Она никак не может запомнить все цифры, постоянно сверяется с электронным блокнотиком, перепроверяет. И всё равно не может нажать больше четырех клавиш подряд — обязательно снова в блокнотик

лезет. Наверное, у неё низкий статус, с такой-то памятью. Что там запоминать? Всего-то сто пятьдесят дверей и по двенадцать цифр на каждую. Я проглядел их на её рабочем комме и запомнил ещё месяц назад, когда она первый раз попросила её подменить.

* * *

— Когда этот псих придёт?!

— Скоро уже. Успокойся.

— Как я могу успокоиться, как?! Как ты сам можешь быть таким спокойным?! Мы тут сдохнем, пока он возится! Я уже задыхаюсь! Задыхаюсь, понимаешь ты?! Развалился тут, как... как последний урод!

— Как тот, кто хочет выжить. Перестань метаться. Приляг и расслабься.

— Куда?! На пол, что ли? Ты же занял всю койку, урод!

— Ложись рядом. Койка широкая.

— Я тут подыхаю, а он только об одном и может думать! Скотина!

— Да ложись ты хоть на пол, мне-то что?

— Тебе меня совсем не жалко, да?! Скотина! Все вы такие! Подвинься, урод, что, не видишь — мне тут совсем места нету?! И не прижимайся! Не обломится тебе ничего, понял?!

— Может, мне вообще встать?

— А мог бы и встать! Уступить девушке! Тем более, что не посторонней!

— Зачем? Ты же сама сказала, что не обломится.

— Урод! Урод! А если я уже беременна?! Мы же не проверялись! И неизвестно, когда теперь! И вообще... Ой, мамочка, и зачем я только согласилась,

и зачем только связалась с этим уродом! Ведь это только из-за тебя мы тут...

— Что-то новенькое. Это мне, что ли, невтерпёж было? Это у меня, что ли, так чесалось, что до конца вахты не подождать?

— Убери руку, урод! Да ты мне по гроб жизни благодарен должен быть! Я тебе жизнь спасла! Если бы не я, тебя бы тоже по стенкам размазало, как Сандерса! А вот ты мог бы дверь и не запирать...

— Сколько раз тебе повторять — не запираю я. Это автоматика. Уже после аварии, когда давление упало.

— Не запираю он... толку-то! Слышишь? Идет вроде...

— Показалось. Но уже скоро.

— Как ты думаешь — он нас выпустит?

— Надеюсь. Если он говорил с кем-нибудь из начальства — наверняка. Он ведь очень послушный и никогда не нарушает чётких инструкций. Док клялся, что в пределах своей категории он адаптирован идеально.

— Ну да! Идеальный псих!

— Он не псих. Просто... человек с недостаточной хромосомной адекватностью. Но он хорошо адаптирован и обучен. Очень доброжелателен. Обладает высоким уровнем интеллекта — правда, лишь в определенных сферах. Читит закон и порядок, начальству подчиняется безоговорочно. Не будь у него диплома — открыл бы дверь сразу же, по первой просьбе. Но тогда бы его никто и не допустил до этой работы, сама понимаешь. А так... Ему нужен чёткий приказ. Приказ офицера...

— Но ты ведь офицер! Прикажи, пусть откроет! И убери всё-таки руку... ох... нет, ну ты сейчас меня заведёшь, а потом... нет, ну правда... ну не

надо... ну он же сейчас придёт...о-о-ох... не на-а-а-а...а-ах... ладно, давай, только быстрее, сил уже нет... давай же... о-ох... ну что же ты... куда ты...

— Тихо! Он пришел. Эй! Как там тебя?! Ты говорил с капитаном?

— Скотина! Скотина! Скотина!!!

— Ты рассказал ему о нас? Я — офицер! Ты должен был рассказать!

— Скотина!.. Что он сказал?

— Что капитану это не интересно. Не понимаю...

— Он мог соврать?

— Нет, они врать не могут. Тут другое что-то...

— Эй, лысый урод! Он офицер, слышишь?! Ты должен выполнять команду, придурок! Взгляни на экран, урод, взгляни! Бейджик видишь?! Читать умеешь? Что на нём написано, ну?

* * *

Проблемная камера.

Решать проблемы — не моя специализация. Я доложил. Сделал всё как надо. Даже больше — спросил капитана.

Долго не мог решиться, но всё же подумал, что так будет правильнее. Человек в камере имеет низкий статус. По определению. Но эта камера — проблемная. Она на участке Кэт. Про свой участок я знаю всё — там не может быть в камере никого со статусом офицера. Но на участке Кэт — не знаю. Она мне ничего не говорила. А человек в проблемной камере называет себя офицером. Проблема. Решать проблемы — работа тех, у кого высокий статус. У капитана самый высокий. Так что пусть он и решает. Вот я и спросил.

Только капитан не ответил.

Ну что ж, не моя проблема. Новых инструкций нет, значит, и медлить нет смысла. Иногда те, которые считаются нормальными, ведут себя очень странно и пытаются присвоить статус, на который не имеют прав. А офицеры сами открывают любые двери, им не нужен для этого специалист, даже такой хороший, как я.

— Эти камеры открываются лишь снаружи, ты, придурок!!!

Даже плечами не пожимаю — зачем? Обращено не ко мне — я не придурок, я специалист.

* * *

— И как его только взяли?! Он же придурок! Полный придурок!.. Ой, мамочки... а теперь мы из-за него...

— Не его — так другого кого, ещё и похуже могли. У этого хотя бы диплом и опыт работы.

— Как можно таким выдавать дипломы?!

— А попробуй не выдай — сразу загремишь под статью о дискриминации по хромосомному признаку.

— Скотина! Зачем он врёт? Что я ему плохого сделала?!

— Он не врёт. Если говорит, что доложил капитану, а тот не соизволил дать никаких инструкций — значит, всё так и есть.

— Сволочи! Козлы! Уроды! Почему нас не освободили?!

— Может, решили так наказать. Мы же всё-таки нарушили. Во время вахты...

— Козлы! Это ты нарушил! А я вообще не причём, у меня свободное время было! Это из-за тебя я тут застряла, да?!

— Не кричи. Я думаю. Может, им просто не до нас...

— Думает он! Было бы чем! Что значит не до нас?!

— Гравитацию толком так и не восстановили. И лифт... может, там всё куда хуже оказалось...

— Мы третий день заперты в этой консервной банке! Как преступники! Здесь нечем дышать! Жрачка отвратная! И вода воняет! Куда уж хуже-то?!

* * *

Проблемная камера меня нервирует. После неё долго не могу успокоиться. Не моя работа — решать проблемы. Я только исправляю цвет у огоньков — и всё. Точно, переведусь. В патруле нет таких, проблемных. А если откажут — уйду в чистильщики. Они всегда требуются.

Иду по коридору.

Вообще-то, последнее время мне тут почти нравится. Наверное, всё-таки адаптируюсь понемногу. Только вот работа... Нет, сама-то она нетрудная, я уже говорил. Быстро делаю. Даже сейчас, когда за двоих работаю. Может, участок Кэт мне вообще отдадут, насовсем, мне ведь нетрудно. Приятно даже. Трудно только с этими, которые в камерах.

Но они — тоже часть работы. А работа не может быть сплошным удовольствием. Я это понимаю. И терплю.

Они, которые в камерах, глупые. Всегда говорят одно и то же. А особенно эти, в предпоследней, проблемной. В прошлый раз пытались доказать, что я должен подчиняться параграфу пять примечание три. А ведь параграф этот только для узких специалистов. Не для меня. Я — просто специалист. Дипломированный. Не узкий.

Я специально в диплом заглянул, хотя и так помнил. Но на всякий случай. Там четко написано — «специалист». Там нет слова «узкий». Значит, параграф пять меня не касается. Совсем. Да и не мог он меня касаться. Узкий специалист — это когда умеешь делать только что-то одно. И всё. А я ведь и ещё кое-что умею, кроме своей основной работы. И это куда более интересное занятие. И приятное.

Только вот почему-то здесь заниматься им не разрешают. Когда впервые попробовал, давно ещё, девчонки-расчётчицы перестали хихикать и начали вопить и звать капитана. А тот меня выгнал из рубки и запретил это делать. И Док потом сказал, что нельзя. Я спросил, почему раньше было можно и даже нужно, а теперь нельзя. А он ответил, что все люди разные, и здешних мои забавы раздражают. Что если мне так уж хочется — я внизу могу, там есть специальное место для подобных развлечений. Я попробовал разок, но не стал больше — там не интересно. В рубке ведь совсем другое дело...

Иду по коридору. Чем ближе к рубке — тем холоднее. В рубке вообще очень холодно. Ну и ладно, я ведь не собираюсь там задерживаться.

Капитан куда вежливее бригадира Майка — он застыл у потолка и проходу не мешает. Здравуюсь и, так и не дождавшись ответа, прохожу к коммуникатору. Но на капитана я не в обиде — он всё-таки капитан. В креслах пусто — оба пилота у кофейного автомата, вечно они там толкутся. Набираю свой код для ежедневного отчёта. Код принят, сигнал становится синим. Докладываю обстановку — всё нормально, никаких нарушений. Двести девяносто восемь камер, фильтры стандартные,

заменены успешно. Одна камера — фильтр заменён на усиленный в связи с возрастанием нагрузки. Ещё одна камера — резервная, фильтр законсервирован в начале полёта, консервация подтверждена. Уборка на уровне, ни внизу, ни в рубке сегодня я не заметил ничего неподобающего. Правда, лифт по-прежнему не починили, но этого я не докладываю — не моё дело. Кэт опять пропустила вахту. Вот об этом — докладываю.

Это, наверное, не совсем хорошо с моей стороны. Ей наверняка влетит. Но сама виновата. Если бы она меня заранее предупредила и попросила её подменить, я никому бы ничего не сказал. Первый раз, что ли? Мне не трудно. Но она не стала предупреждать и просить, просто не вышла — и всё. Словно так и надо. А, значит, сама виновата. Поделом. А мне премиальные будут. Точно будут, уже четыре вахты за неё отработал.

Завершаю доклад и нажимаю отсыл. Огонёчек меняет цвет. Вообще-то, это не моя работа, но я очень люблю смотреть, как они меняют цвет. И, потом, мне совсем нетрудно. На соседней консоли мигает жёлтым, далёкий голос бубнит устало:

— ...«Шхера», ответьте, ответьте, «Шхера»... есть кто живой, ответьте... вы отклонились от курса, ответьте, «Шхера»...

Он давно там бубнит, но это не имеет ко мне никакого отношения. Я сделал свою работу на сегодня и могу быть свободен. Могу сесть в кресло прямо тут и слегка позабавиться. Что-то мне подсказывает, что сегодня капитан возражать не будет. Он вообще очень молчаливый последнее время, да и девчонок, которые могли бы завопить, в рубке нет. Вообще никого нет, кроме нас

с капитаном и пилотов у кофеварки. Но они и раньше не возражали, смеялись только и пальцем показывали. Может, действительно доставить себе удовольствие, пока есть время?..

Ежусь и судорожно зеваю.

Нет. Слишком тут холодно. Да и устал я — всё-таки за двоих работал.

Покидаю рубку, вежливо кивнув капитану на прощанье. Он не отвечает, но я не в обиде. Во-первых, он всё-таки капитан. А, во вторых, очень трудно кивать, когда голова так сильно свёрнута в сторону, что из разорванной шеи торчит позвоночник.

Прохожу по коридору до своего отсека. Снова приходится протискиваться мимо бригадира Майка — и что он так ко мне привязался? Снова зеваю — резко, даже челюсти больно. Ещё какое-то время приходится потратить на шлюз, а потом сразу — спать...

* * *

— Не плачь.

— Как же не плачь, как же не плачь!.. Что же теперь будет-то?! Ой, мамочки-и-и-и!

— Всё будет хорошо.

— Ага, хорошо, как же... когда они все... Когда мы все... ой, и зачем я только согласилась!..

— Может, я ошибся. И всё вовсе не так плохо.

— Как же, ошибся! А почему нас тогда не освободили до сих пор? Нету их никого, нету! Ой, мамочки... только мы и этот идиот. И бандиты эти, ой, страшно-то как, мамочки...

— Он не идиот. А они — не бандиты. В колонисты особо агрессивных не загоняют, кому нужны проблемы? Только за мелкие правонарушения.

Дорогу не там перешёл, хулиганство, налоги опять же... Так что ты не бойся.

— Капитан такой вежливый... был... и девочки... а теперь... и Майк... ой, ну почему-у-у?! Нет, ты вот скажи, есть справедливость, а? Почему их больше нет, а этому идиоту хоть бы что!

— Так радуйся. Если бы и он не выжил — кто бы нам фильтры менял?

* * *

Иду по коридору. Просто так иду. Не на вахту. Нравится просто. Я потому сегодня пораньше и вышел.

Здесь коридоры хорошие, длинные. Интересно ходить. В патруле нет коридоров, только кабина. Там всё встроено и ходить некуда. А мне нравится ходить, особенно при отключенной гравитации, шлёпая липучками. Опять погулял по потолку в смотровой. Механик меня не видел, я его далеко обошёл. Они больше не перемещаются, никаких неожиданностей, одни раз запомнил, где кто — и всё. Это очень удобно, когда никаких неожиданностей. Только вот бригадир Майк... и надо же ему всё время лезть в скафандре в самое узкое место у моей капсулы? Там и так-то не развернуться...

В коридорах много новых заплат, раньше их не было. Они неправильных форм. Иногда это красиво. Иногда нет. Но всё равно интересно. Раньше в коридорах не интересно было — никаких тебе заплат, зато на каждом шагу попадались эти, которые себя нормальными считают. А теперь — красота.

Смотрю на таймер и сворачиваю вниз. Если не торопиться — приду как раз к началу вахты.

* * *

— Я не хочу умирать...

— Если всё получится, то никто больше не умрёт.

— Что получится, что?! Осталось меньше суток!

Мы должны были начать торможение ещё вчера!
А завтра будет поздно, мы разобьёмся!

— Значит, сегодня.

— Что сегодня, придурок?! Даже если этот лысый урод нас выпустит, что мы сможем?! Пилоты погибли! Корабль неуправляем! Я не пилот, если тебе ещё не ясно! Может, ты у нас пилот?!

— Я был пилотом. Правда, давно. И на другой модели. Но это шанс.

— Что же ты молчал, скотина, пока я тут с ума сходила?! Надо его уговорить, надо обязательно его уговорить! Ты уже придумал — как?!

— Да. Только не кричи. Ты его нервировешь.

* * *

Спускаюсь, не торопясь. Покачиваю головой под музыку и улыбаюсь. Я сегодня решил проблему. Это — не моя работа, но приятно. Вот как вчера, когда я придумал с двойным фильтром. Ведь если в камере вдвое возросла нагрузка на фильтр — логично заменить его двойным. Это красиво. Как синий огонёк. Раньше я такого не делал, но вчера мне понравилось. И вот сегодня я тоже придумал. Не люблю, когда мне создают проблемы. Но не обслуживать проблемную камеру тоже нельзя. Значит, снова выслушивать их глупости. Снова нервничать.

Не хочу.

И я нашел выход!

Просто взял у капитана клипсу аудиоплеера.

Я честно его спросил сначала, можно или нет, но он не стал возражать.

* * *

— А я знаю, почему он выжил.

— Ну и почему?

— Он в аварийной капсуле ночует. Она на отшибе и полностью автономна. Я всё думал, почему никто ими не воспользовался? Ведь разгерметизация не могла быть мгновенной. А теперь понятно...

— Что тебе понятно?

— Даже если и были такие — они к первой капсуле бросились. А там наш придурок. Запершийся изнутри. Он всегда запирался, после той шуточки Сандерса.

— Дурак твой Сандерс, и шутки у него дурацкие.

— Это уж точно.

— Мы обречены, да?

— Хорошо, что здесь койки жесткие. В компенсаторную мы бы точно вдвоем не влезли...

— Ты бы всё равно не смог! Там двое — и то с трудом справлялись, а ты уже давно не пилот, ты вообще никто! У нас всё равно не было шансов! Не было, слышишь?! Ну что ты молчишь?!

* * *

Сегодня хороший день. Просто прекрасный.

Иду по коридору и улыбаюсь. Плеер — это очень хорошо. Хорошо, что я так хорошо придумал. И пусть говорят себе всё, что хотят. Я не слушаю больше. Всё равно они говорят сплошные глупости. Как та, например, что я узкий. Это ведь неправда. Узкий, когда основная функция одна. А у меня и вторая есть. Только разрешают редко.

Капитан говорил — это баловство. Док отсылал вниз, где неинтересно. Капитан всегда запирает своё баловство на ключ и уносит ключ с собой. Я

забрал этот ключ — капитан висит в рубке вниз головой и молчит. Я его спросил, но он молчит. Молчание — знак согласия. Значит, можно. Я так и думал, что сегодня будет можно. Сегодня хороший день.

На пульте у пустого кресла мигает уже не только жёлтым, но и красным. Стараюсь не обращать на это внимания раньше времени, прохожу к своему комму, делаю плановый доклад. Голос рядом продолжает бубнить.

Подхожу к левому креслу пилота. Сажусь. Отпираю панель магнитным ключом капитана.

На экране — красивая картинка. Очень красивая, но неправильная. Её нужно слегка поправить. Несколько цифр сюда, ещё несколько — вон туда... цифры — это совсем несложно, я видел, как это делали пилоты, здесь консоль куда проще, чем в свободном патрулировании. Отбиваю пальцами быструю дробь. Клавиши сенсорные, это старомодно, но красиво. Сразу видно, как меняют цвет огоньки.

До некоторых клавиш дотянуться сложно, приходится сильно наклоняться вправо. Обычно пилотов двое, но мне не привыкать работать за двоих. Красные — самые неприятные, с ними приходится возиться дольше всего. Но я справляюсь и с ними.

Откидываюсь в пилотском кресле и улыбаюсь. Смотрю на сине-зелёное перемигивание. На консоли больше нет жёлтых огоньков. Красных тоже нет, но жёлтые меня всегда раздражали больше. И стрелочка на экране теперь не промахивается мимо красного шарика планеты и не упирается в большую лохматую звезду. Прекрасный день — сегодня мне никто не запретил получить удовольствие до конца. Преисполненный благодарности,

аккуратно засовываю ключ капитану в нагрудный карман кителя.

Говорю:

— Спасибо!

Ответа не жду. Спасибо и на том, что из рубки не выгнал. Всё-таки он — капитан. А я — просто специалист. Пусть и дипломированный...

23 декабря 2010

ЦЫГАНСКОЕ ПРОКЛЯТЬЕ

РАССКАЗ

«Меня зовут Ватсон. Джон Ватсон, секретный агент на службе Её Величества...»

Я вернулся взглядом к первому предложению и задумался. Может быть, всё-таки лучше назвать главного героя Джеймсом, заранее отмечая у будущих читателей всяческие подозрения, что он и автор записок — одно и то же лицо? В конце концов, я ведь не собираюсь писать автобиографическую повесть, изложить реальные события в их первоизданном виде не позволяет данное мною слово джентльмена, так почему бы и не дать волю фантазии? Джеймс — красивое имя, благородное, не то что простоватое «Джон»...

Я повертел в металлических пальцах искусственной правой руки новомодную самопишущую ручку — осторожно, чтобы не пролить чернила, заполнявшие стерженёк на две трети, — и усмехнулся. Похоже, я заразился от нашей юной и взбалмошной мисс Хадсон страстью к перемене имён — примеряю на себя имя персонажа ещё ненаписанной мною же истории. Вот уж действительно, старость не спасает от глупости, даже немцам иногда удаётся рассуждать на удивление здраво.

Надобно вам сказать, что ваш покорный слуга вовсе не собирался писать биографические очерки о собственной персоне, находя персону сию достаточно скромной и малоинтересной для предоставления её жизнеописания вниманию

широкой общественности, и вполне удовлетворяясь ролью верного Босуэлла при удивительнейшем человеке нашего времени, мистере Шерлоке Холмсе — а с недавнего времени ещё и сэре Шерлоке. Титул был пожалован моему великому другу почти одновременно с последним достижением инженерной мысли, летательной яхтой, в уютной гостевой каюте которой ваш покорный слуга и пишет эти строки на странице своего дневника — вместо того чтобы живописать приключения великолепного и неустрашимого Джеймса Ватсона, секретного агента на службе Её Величества.

Мой проницательный друг был абсолютно прав, высказывая предположение, что последняя война нанесла мне куда большую внутреннюю травму, чем я был готов признать — даже перед самим собой. Я запретил себе говорить и даже думать о тех жутких годах, похоронил на самом дне памяти — но тем самым лишь сохранил в себе ужасы, превращавшие ночные часы в непрекращающийся кошмар. Алкоголь и всё возрастающие дозы лауданума были мерой временной и ненадёжной — как врач, я не мог этого не понимать, но другой методы борьбы с внутренними демонами я тогда не знал и надеялся только, что демоны эти, терзая меня, причиняют окружающим не слишком много хлопот.

Но однажды — да будет благословенен тот день! — мне попала на глаза статья моего коллеги с каким-то совершенно непроизносимым то ли славянским, то ли немецким именем. В статье рассказывалось об успешном возвращении душевного спокойствия пациентам, которые страдали от невидимой глазу травмы и перенесённого ужаса — а таких страдальцев оказалось немало после Великого Нашествия и Смутных

лет, вылившихся в пожар всеобщей войны. Первой войны на памяти человечества, поистине охватившей весь мир. Многие стали свидетелями гибели друзей и близких, потеряли здоровьё не на поле битвы, а в мирных, казалось бы, городах. Мир сошёл с ума, в этом безумии люди теряли себя, и долгое время потом не могли исцелиться.

Мой европейский коллега применял довольно рискованный способ излечения — он заставлял несчастных снова и снова рассказывать о пережитом ими кошмаре, требуя вспоминать каждую подробность, каждую самую мелкую деталь перенесённого ужаса, и обязательно её проговаривать вслух. Эта, казалось бы, варварская и лишённая малейшего сострадания к несчастным метода дала удивительные результаты — все пациенты отмечали существенное улучшение, а некоторые сумели навсегда избавиться от мучивших их кошмаров!

Статья так потрясла меня, что я всю ночь не сомкнул глаз — и вовсе не из-за боязни возобновления кошмарных снов. Словно рука Провидения подкинула мне спасительную соломинку именно тогда, когда я уже почти сдался и готов был утонуть в море отчаянья. Впрочем... было бы не совсем искренним с моей стороны не уточнить, что я почти уверен, каково имя этого Провидения, оставляющего после себя запах крепкого табака. Полагаю, что и немецкий медицинский журнал вовсе не случайно оказался на моём столе в тот день — а ведь я из патриотических соображений не выписываю немецких журналов, даже по медицине! И не случайно журнал этот был открыт именно на той поразившей меня странице...

Как бы там ни было, с моей стороны оказалось бы проявлением страшной неблагодарности не воспользоваться советом столь пронизательного

и благосклонно ко мне относящегося Провидения. Но, будучи по природе более склонен к жанру скорее эпистолярному, чем разговорному, ваш покорный слуга вознамерился усовершенствовать методу немецкого коллеги. Бессонные часы не были потрачены зря — мне удалось всё как следует обдумать и изобрести способ, посредством которого не только удалось бы избавиться от внутренних демонов, но при этом и не нарушить данное мною слово о неразглашении определённых подробностей военной карьеры.

Мною были приняты несколько важных решений по поводу будущей книги — во-первых, писать не от своего лица, используя псевдоним и описывая приключения некоего безымянного героя. Далее я собирался соблюдать честность и доскональность лишь в описании виденных и испытанных мною ужасов, все же остальные события и факты исказить и преувеличить настолько, чтобы у проницательного читателя не оставалось ни малейших сомнений — всё описанное есть не более чем фантазия автора.

Незадолго до рассвета поняв, что заснуть мне в эту ночь так и не удастся, я решил успокоить разгулявшиеся нервы при помощи трубочки хорошего табака. Конечно, куда привычнее было бы накапать в стакан с содовой некоторое количество не раз уже спасавшего меня лауданума, но в ту ночь я твёрдо решил начать новую жизнь, в которой подобным снадобьям более не будет места. Да и надо признаться, что после специальной алхимической подготовки, коей я был подвергнут в особых войсках Её Величества (и о подробностях коей я по понятным причинам умолчу), обычные медицинские препараты действовали на меня довольно слабо.

Пристроив на место снятый на ночь механистический протез и пощёлкав для пробы шарнирно-суставчатыми пальцами, я счёл его работу вполне удовлетворительной и, накинув халат, отправился в гостиную. Где обнаружил, что не одному мне не спится в эту ночь — Холмс скрючился в своём любимом кресле, подтянув худые колени к ястребиному носу и выставив перед собой чёрную глиняную трубку, похожую на клюв какой-то странной птицы. Трубка его не горела, глаза были закрыты, и я уже подумал было, что он спит, и собирался тихонько вернуться к себе, когда мой друг шевельнулся и спросил негромко:

— Ватсон, не дадите ли мне огоньку? Я задумался, а трубка погасла.

Уже не скрываясь, я подошёл к креслу, протянул искусственную чудо-руку, щёлкнул большим пальцем по кремниевой наладонной пластинке и зажёл миниатюрную газовую горелку на конце указательного. С неудовольствием подумал, что в ближайшее время надо бы навестить мастерскую Отто, что на углу Уинстоу и Аллеи Безвестных Героев. Он обещал, что зажигательная накладка из твёрдой стали прослужит не менее года, а между тем дистальная фаланга большого пальца стёрта чуть ли не на треть, хотя не прошло и четырёх месяцев. Я, конечно, после войны стал больше курить, но не настолько же!

Холмс тем временем затянулся и благодарно кивнул, выпустив клуб ароматного дыма. В его пронизательных глазах на секунду отразились крохотные язычки пламени.

— Холмс, мне надоело удивляться, — сказал я, устраиваясь в кресле напротив и тоже закуривая. — Как вы догадались, что это именно я? И только не говорите мне, что опять из-за моего

протеза и издаваемых им звуков — я сам его перебрал и отшлифовал все поршни, подогнал сцепление и как следует смазал. Смею вас уверить, он работает совершенно бесшумно.

— Элементарно, мой друг, — из глубины кресла раздался хриловатый смешок. — Если вдруг соберётесь подкрасться ко мне незамеченным, вам следует предварительно перестать так усердно окуривать благовониями свою каюту.

Я немного смутился — мне казалось, что пристрастие к восточным ароматическим свечам и притираниям не настолько очевидно и раздражительно для окружающих.

— Раньше вы, кажется, не возражали...

— Полноте, Ватсон, я и сейчас вовсе не имею ничего против. Надо отдать вам должное, аромат весьма приятный и хорошо подобранный. Напоминает мне о тех волнующих месяцах, когда я прятался от профессора Мориарти в горах Китая. Но легко сообразить, что если Тибет далеко, а я всё-таки ощущаю знакомое амбре — значит, мой друг Ватсон где-то поблизости и может избавить меня от необходимости вставать за спичками.

Помимо воли я рассмеялся.

— Так вот оно что! Вы успокоили меня, Холмс. А то я уж было подумал, что ваши друзья из горного монастыря научили вас всяким мудрёным штукам вроде чтения мыслей. А всё оказалось так просто!

— Я давно уже полагаю, — с нарочитым раздражением ответил на это Холмс, — что совершаю большую ошибку, объясняя, каким образом прихожу к тем или иным выводам. Ещё древние латиняне говорили — «омне игнотум про магнифико», что вам, как медику, не составит труда перевести.

— Всё непонятное принимается за великое.

— Вот именно, Ватсон, вот именно... Не объясняйте ничего — и прослывете великим чародеем, объясните — и любой болван воскликнет: «Обана! Да я тоже так могу!». Боюсь, если я и дальше буду всё объяснять, моей скромной славе грозит скорый крах.

Однако голос его при этом звучал отнюдь не расстроено, а скорее даже удовлетворённо, да и глаза блестели довольно весело. Странное оживление — ещё буквально вечером он был весь во власти хандры и скуки, жаловался на лондонскую погоду и вконец измельчавших преступников, не желающих давать своими примитивными правонарушениями пищи его изошрённому уму. Обругал мисс Хадсон за остывший кофе (что было правдой), а мальчишку — за скверно вычищенные туфли (что правдой не было), потом снова переключился на Лондон, его мерзкую погоду и не менее мерзких обитателей.

Поздняя осень — не самое лучшее время для столицы Британии, с этим я вынужден согласиться. Вечный грязноватый дождь, в котором сажи и копоти больше, чем воды, слякоть и промозглая сырость способны ввергнуть в чёрную меланхолию и самую жизнерадостную натуру. К тому же воздухоплавательные причалы, у одного из которых и был пришвартован наш «Бейкер-стрит», располагались на самой границе цивилизованной части города, и из огромных окон по левому борту в ясные дни открывался вид на ряды мрачных построек и чёрный частокол дымящих труб, что тоже не способствовало подъему настроения.

Но когда я предложил сняться с якоря и продолжить наше путешествие, Холмс не проявил ни малейшего энтузиазма, выразившись в том смысле, что нынешний мир везде одинаков, с

изобретением телеграфа в нём не осталось настоящих тайн и загадок, а великие злодеи более неподсудны, поскольку сидят в правительствах и совершают жуткие преступления против закона и человечности одним нажатием клавиши. Прочие же преступники измелъчали и способны разве что украсть конфету у слепого ребенка. Так какая, мол, разница, где именно умирать со скуки?

И вот, по прошествии всего лишь нескольких часов всё изменилось, хандры как не бывало, мой друг полон жизни, энергичен и весел, сидит в своём кресле, словно в засаде, посверкивает глазами и ждёт... внезапно я понял, что причина всему этому может быть лишь одна.

— У нас есть загадка, Ватсон! — подтвердил моё предположение Холмс. — А, может быть, есть и дело. — Элеонора сегодня ночью вернулась очень поздно. И, что куда интереснее — не одна!

И пояснил, видя моё вытянувшееся от недоумения лицо.

— Элеонора. Мисс Хадсон. И не надо строить такую чопорную мину, мой друг! Неужели вас это совсем не интригует?

— Холмс, я действительно полагаю, что это не наше с вами дело...

— И вам совершенно неинтересно, что именно за особу привела к нам на борт юная мисс? И с какой целью она это сделала?

— Холмс, — воскликнул я, шокированный. — Ваше любопытство переходит всякие границы приличия!

— Есть ещё одна пикантная подробность, — торопливо продолжил Холмс прежде, чем я успел заткнуть уши. — Эта особа — женского пола.

Теперь затыкать уши было бы глупо — главное я всё равно узнал. Как бы там ни было, а мисс

Хадсон мне нравилась — милая девочка, рано оставшаяся без родителей, а потому несколько взбалмошная и экстравагантная. К тому же, как и многие в её годы, пытающаяся доказать всему миру, что она ужасно самостоятельная и вполне уже взрослая дама — а вовсе не милая девочка. Несмотря на все её возмутительные выходки и лозунги, затверженные на собраниях суфражисток, я был уверен, что всё это лишь внешняя шелуха, призванная шокировать чопорных лондонских старичков и не менее чопорных домохозяек. Я даже позволял себе внутренне подсмеиваться над пафосными декламациями нашей девочки, полагая, что знаю её лучше, и все её ужасающие слова так и останутся только словами, не воплотившись в реальные действия. Ну, во всяком случае, во что-либо более экстравагантное, чем ношение мужских костюмов и постоянные рассуждения о мужском шовинизме.

Было очень грустно ошибиться, и оставалось только надеяться, что на моём бесстрастном лице ничего не отразилось.

— Не переживайте так, Ватсон, — лишил меня последней иллюзии мой слишком проницательный друг. — Циничный опыт врача на этот раз, думаю, вас подводит, направляя к неверным выводам: страсть, которая привела таинственную юную особу на борт нашего дирижабля, подвластна скорее Афине, нежели Купидону. Иными словами, девушке нужна разгадка какой-то тайны — надеюсь, зловещей! — и только врождённая деликатность не позволила ей потревожить среди ночи покой столь пожилых джентльменов, каковыми мы с вами, Ватсон, без сомнения, кажемся этой юной

особе. Дождёмся утра и всё узнаем! Но вы ведь не об этом хотели со мною поговорить, правда?

Я был рад перемене темы, поскольку слова Холмса меня вовсе не успокоили. Я помнил, как они ссорились вчера с Элеонорой (нет, тогда ещё Патрисией). Наши милая секретарша последнее время полагает постоянное имя ещё одним способом закрепощения женщины, и потому меняет своё собственное каждый день, а то и по несколько раз на дню. Но как бы она ни называла себя вчера вечером, с Холмсом она поссорилась всерьёз. И даже прокричала с надрывом и слезами в голосе, что по-настоящему понять женщину не способен ни один мужчина, и убежала, хлопнув дверью, а мой друг остался сидеть на диване, кутаясь в плед и бурча под нос какие-то только ему внятные едкие замечания и колкости. Элеонора (Патрисия) вчера была очень расстроена и обижена, а юные леди в таком состоянии способны на всякие глупости. Особенно юные леди, считающие себя уже вполне взрослыми дамами...

Стараясь отвлечься, я рассказал Холмсу о намерении вытащить наружу своего внутреннего демона, пришпилить его к бумаге и уничтожить, превратив в развлекательную историю для публики. Ради пущей забавы и интриги я собирался сделать своего героя безымянным, обозначенным лишь цифрами, и даже придумал ему трёхзначный номер, начинающийся с двух нулей и показавшийся мне не только красивым, но и полным глубинного смысла. Ноль и сам по себе достаточно привлекательный и глубоко-мысленный знак — отсутствие чего-либо, пустота, закрытая сама в себе. А уж удвоенный ноль, пустота, помноженная на пустоту, показалось великолепным решением, изящным и вполне достойным запечатления на бумаге.

Однако Холмс, хорошо разбирающийся в нумерологии, прояснил всю глубину моих заблуждений. Он согласился со мною в той части, что смех и праздный интерес случайной публики — самое действенное оружие против терзающих нас внутренних страхов, но при этом безжалостно высмеял столь понравившийся мне номер. Ноль — сильный знак, но два нуля, поставленные рядом, способны вызвать только презрительное недоумение у любого мало-мальски знающего человека, поскольку взаимно уничтожают друг друга. Да и зрительный образ, — о котором я, к стыду своему, совсем не подумал, — получается не слишком приличный.

Тем временем уже почти рассвело, хотя солнца по-прежнему не было видно на мутно-сером небе — то ли из-за привычной для Лондона облачности, то ли из-за не менее привычного в последнее время смога. В гостиную забрёл сонный мальчишка в намерении, пока никто не видит, выпить стаканчик-другой содовой воды с сиропом, аппарат для газирования которой располагался в углу как раз за моим креслом. Мальчишка был сильно разочарован, обнаружив в комнате нас с Холмсом. Недолго думая, я огорчил его ещё больше, вручив шиллинг и отослав в ближайшую лавку за бумагой и писчими принадлежностями — так не терпелось мне приступить к самоисцелению ещё до завтрака. Мальчишка поплёлся к выходу, зевая и цепляясь ногой за ногу, но я слегка подстегнул его прыть, сообщив, что по возвращении он может выпить два стакана сладкой газировки в качестве награды. Мальчишка заметно повеселел и убежал довольно резво, уже не изображая умирающего. А я вернулся к себе в каюту переодеться, поскольку начинался новый день.

* * *

— Её зовут Джейн. Она моя подруга. И у неё проблемы.

Элеонора решительно выпятила маленький подбородок, скрестила руки на груди и посмотрела со значением — сначала на Холмса, потом на меня. В своей короткой, но решительной речи она чётко выделила тоном два слова — «подруга» и «проблемы» — так, чтобы ни у кого не осталось ни малейших сомнений в серьёзности и первого, и второго.

Похоже, мы с Холмсом оказались правы оба в своих надеждах и опасениях.

— Ватсон, — представился я, вставая и кланяясь. — Джон Ватсон.

При этом я неожиданно для самого себя имя почему-то выделил интонационно, словно оно имело особое значение. И чуть было не добавил — «секретный агент на службе Её Величества» — очевидно, сказалось утро, проведённое в муках творчества.

— Очень рада познакомиться, — Джейн, миловидная блондинка с тонкими чертами лица и огромными голубыми глазами, кивнула и очаровательно покраснела. Она выглядела настолько же ранимой и незащищённой, насколько Элеонора, с её рыжими кудряшками и вздёрнутым носиком, — решительной и боевой.

— Вздор! — прервала свою подругу Элеонора. — Оставь эти буржуазные любезности, у нас есть дела поважнее!

— Милые дамы, на борту «Бейкер-стрит» существует жёсткое правило — никаких важных дел до завтрака! — сказал Холмс, входя в гостиную, где я наслаждался обществом двух столь юных и очаровательных особ. Тон его был преувеличенно

серьёзен, но глаза искрились весельем. — Кстати, а что у нас на завтрак?

— Омлет! И блинчики с джемом! — обрубил безжалостно мисс Хадсон.

Я содрогнулся.

Как однажды деликатно выразился мой проницательный друг, «наша юная мисс Хадсон, в отличие от своей достопочтенной бабушки, куда более приятна для глаза, чем её стряпня — для желудка». И если овсянку ей ещё удавалось иногда сварить вполне пристойную, то всё, что требовало чуть большего кулинарного мастерства, в том числе и взбивания или поджаривания, выходило совершенно несъедобным. Все наши с Холмсом робкие попытки нанять кухарку встречали со стороны юной суфражистки полный негодования отпор — кухонное рабство мисс Хадсон почитала постыдным и совершенно неприемлемым для любой здравомыслящей женщины, и не собиралась принимать участие в порабощении ещё одной несчастной.

Иногда, сжалившись над нашими желудками (или же слишком увлечённая делами подруг по движению, что будет вернее), мисс Хадсон заказывала еду в ресторанчике на углу у причалов — там готовили весьма достойно, особенно столь ценимый Холмсом татарский бифштекс. Но сегодня, похоже, на такую удачу рассчитывать не приходилось — мисс Хадсон всё ещё дулась на моего друга.

В полном молчании мы прошли в столовую.

Усевшись на своё место, я с понятным трепетом заглянул в тарелку — и был приятно поражён, не обнаружив там ни торчавших из клейкой субстанции осколков скорлупы с прилипшими к ним перьями, ни спёкшейся до состояния угля

пластинки бекона. Над тарелкой возвышалась аппетитно выглядывшая и пахшая не менее привлекательно пористая масса, более всего напоминающая великолепный омлет — как по цвету и запаху, так и по вкусу, в чём я не преминула немедленно убедиться. Блинчики тоже оказались выше всяческих похвал. Даже Холмс, вкусы которого последнее время носили несколько специфический характер, отдал им должное. Я уже собирался высказать своё восхищение столь разительным успехам Элеоноры в этой области, но меня опередил Холмс, в изысканных выражениях превознеся кулинарное искусство мисс Джейн.

Мисс Джейн снова мило покраснела и потупилась. Элеонора фыркнула и заявила, что убитое над плитой время Джейн могла бы потратить с куда большей пользой — как для себя, так и для общества.

Ну конечно же! Великолепным завтраком мы были обязаны именно ей, маленькой мисс Джейн!

Моё восхищение нашей юной посетительницей сделалось просто безграничным — особенно после того, как она тихонько возразила мисс Хадсон, что вовсе не считает обременительным приготовление завтрака для такой приятной компании. Глаз она при этом не поднимала и говорила негромко, но сразу становилось ясно, что эта хрупкая на вид девочка не так слаба и беззащитна, как могло бы показаться на первый взгляд. Может быть, виновата старческая сентиментальность или же эйфория, в которую я впал после вкусного завтрака, но на какой-то миг подруга нашей взбалмошной Элеоноры показалась мне живым воплощением Британии. Такая же скромно одетая и неприметная, хрупкая и беззащитная снаружи, но хранящую глубоко внутри нестигаемый стержень.

К тому же она не стала охать и вскрикивать, когда во время завтрака заметила мою механистическую руку — признаюсь, я специально несколько раз менял заключенные в ней приборы, чтобы немного поразвлечься. Но юная леди повела себя в высшей степени достойно — только слегка расширила глаза в самом начале, а потом не обращала на это ни малейшего внимания. И даже не вздрогнула, когда я, передавая солонку, нарочно коснулся её запястья отполированным медным суставом. Вот что значит настоящая англичанка! Даже наше безумное и безбожное время неспособно поколебать такую выдержку и заставить леди вести себя неблагопристойно.

После завтрака мы снова вернулись в гостиную. Холмс расположился в любимом кресле, я же пристроился на неудобном диванчике у окна, уступив своё прелестной юной гостье, куда та и поместилась не без изящества. Элеонора пристроилась рядом, с независимым видом присев на обтянутый кожей подлокотник.

— Верите ли вы в проклятия, мистер Холмс? — спросила мисс Джейн, когда все мы уютно устроились и приготовились слушать её историю.

Вопрос прозвучал настолько нелепо, что я с трудом удержался от смеха. Но для нашей гостьи ответ Холмса, похоже, был крайне важен — лицо её оставалось совершенно серьёзным и напряжённым. Она даже подалась вперёд всем телом, впившись в Холмса удивительными голубыми глазами. Боже, как она была хороша в эту минуту, у меня даже защемило в груди! Я не мог понять, почему она напоминает мне мою покойную жену, да будет земля ей пухом, ведь внешнего сходства между ними не было. Но, услышав сдержанное

напряжение в голосе и увидев эти удивительные глаза, сверкающие внутренним огнём, я понял — вот оно!

В Джейн горело то же самое неукротимое внутреннее пламя, что и в моей горячо любимой бедной маленькой Мэри. Редкое качество, которое только и может сделать женщину истинно прекрасной.

Поэтому я вовсе не удивился тому обстоятельству, что мой друг ответил юной особе со всей серьёзностью и честностью, на которую был способен:

— Нет, сударыня, я не верю в силу проклятий. Но я верю в зло, которые одни люди могут причинить другим, в том числе и при помощи слов.

Джейн вздохнула с видимым облегчением и немного расслабилась.

— Рада это слышать, сэр. Я тоже не верю. Во всяком случае — не верила до последнего времени. Но с недавних пор вокруг меня начали твориться странные вещи, и они не то чтобы поколебали моё неверие, но...

— Но заставили вас ранним утром бежать из уютного сельского дома, где вы пытались забыть печальные обстоятельства, при которых покинули Лондон около полугода назад, недоучившись. Полагаю, он был вашим женихом? Примите мои искренние соболезнования.

Голубые глаза Джейн стали ещё больше, рот округлился в удивлении, а потом девушка нервно рассмеялась.

— Пэт говорила мне, что вы просто волшебник! Но я даже подумать не могла...

— Не называй меня этим глупым именем! — оборвала подругу мисс Хадсон. — Оно мне разонравилось.

Но Джейн словно и не заметила грубой выходки нашей очаровательной секретарши, продолжая во все глаза глядеть на Холмса с восторженным удивлением. Слегка тронутая золотистым загаром кожа её порозовела, глаза блестели.

— А что вы ещё можете обо мне сказать?

— Не слишком много, — мой друг явно наслаждался произведённым эффектом. — Вы любите возиться в саду, и с некоторых пор избегаете шумных компаний. Вы долгое время жили в Лондоне, были студенткой, но защититься не успели. Хотя и сейчас не оставляете своих занятий, но вряд ли помышляете о возобновлении обучения. У ваших соседей много детей, которых вы балуете. А ещё у вас случилось что-то настолько серьёзное, что вы уехали в Лондон, бросив любимую кошку.

Мисс Хадсон фыркнула. Джейн же по-прежнему не отрывала от Холмса поражённого взгляда.

— Всё так и есть, — просто сказала она. — Но как вы догадались?

— Это не догадка, мисс, а следствие применённой дедукции. Ваше платье простое и удобное, а такой здоровый цвет лица можно приобрести только при ежедневной работе на свежем воздухе — в саду или огороде, но никак не в нашем городе, продымлённом и погружённом в туманы. Значит, сейчас вы живёте в деревне и подолгу работаете в саду. Однако выговор у вас чистый, речь правильная — значит, образование вами было получено. В прихожей я заметил вашу сумочку — она элегантная, хорошей кожи, но при этом слишком крупная для дамского ридикюля, в котором есть место лишь для веера и пудреницы. Ваша же сумка более вместительная, но при этом вовсе не напоминает те ужасные бесформенные мешки с ручками, в которых кухарки таскают

продукты с рынка, а почтенные домохозяйки хранят многочисленный женский хлам. К тому же кожа на сумке в некоторых местах слегка растянута, словно в ней долгое время носили крупный прямоугольный предмет. Если у вас нет привычки таскать в сумочке булжники из лондонской мостовой, то я осмелюсь предположить, что предметом этим могли быть книги из университетской библиотеки — по размеру философские трактаты как раз подходят. Но девушка ваших лет вряд ли будет читать подобные произведения ради собственного удовольствия — значит, вы были студенткой.

— Поразительно! Как, оказывается, много может сказать обычная дамская сумочка!

— Ну, ваши перчатки не менее болтливы — они совершенно не подходят вашему платью, но зато великолепно гармонируют с сумочкой. Тот же тонкий стиль и высокое качество. Такие застёжки со стеклярусом были популярны около восьми месяцев назад, если я не ошибаюсь. Значит, в то время вы следили за модой и старались выглядеть как можно более привлекательно. Это указывает на романтическую историю. С несчастливым финалом — поскольку я не вижу на вашем пальце кольца, зато вижу следы от траурного крепа на шляпке. Вы его отпороли совсем недавно и не очень тщательно — местами остались следы от ниток. Полагаю, вы сделали это в поезде, перед самым приездом в город — вам просто не хотелось навязчивого сочувствия незнакомцев.

С кошкой и детьми всё ещё проще — волосы на вашем платье почти незаметны, но их слишком много для случайных игр со зверьком. Кошка явно проводит с вами большую часть времени — согласитесь, так не поступают с нелюбимым домашним

питомцем. А из вашего левого кармана торчит уголок пакетика с конфетами — судя по трём видимым мною буквам и цвету, это лакричные леденцы, которые обожают дети и юные девушки. Значит, можно с уверенностью предположить, что или вы сама любите сладкое, или же у ваших друзей или соседей есть дети, которых вы балуете. Но для сладкоежки у вас слишком хорошие зубы, значит, остаются дети. Причём именно дети соседей — судя по вашему платью, вы не слишком общительны. Итак — что же заставило вас бросить любимую кошку и оставить детей без сладкого?

— Мисси умерла. А дети теперь меня боятся, — сказала Джейн грустно и быстро вздохнула. — Это из-за проклятья... Но давайте я расскажу вам всё по порядку.

Вы совершенно правы — год назад у меня был жених. Его звали Джон, Джон Мэверик, самый лучший мужчина, который только рождался под этим небом. Джон и Джейн... Он смеялся и повторял, что мы обязательно будем счастливы. Он был не такой, как большинство мужчин, и его вовсе не раздражало то, что я учусь. Он сам собирался поступать в Итон, искал репетитора, а мне нужна была подработка — так мы и встретились. У него был дом в Боскомской долине, собственный дом. Вернее, полдома, но в Лондоне я вынуждена была ютиться в дядиной квартире, где у меня не было даже собственной гардеробной — я делила её с тремя кухнями! Так что эти полдома казались мне настоящим дворцом или волшебным замком, мы собирались переехать туда на всё лето, сразу после венчания. Мы всё распланировали... И тут эти волнения в аalienской резервации... Казалось бы, какое они имеют отношение к нам, но надо

было знать моего Джона... Набирали добровольцев, и он, конечно же, записался одним из первых. Он был храбрым, мой Джон...

Он не вернулся.

Я даже не знаю, как он погиб — пришло лишь коротенькое официальное письмо с уведомлением, и то не мне, на адрес его квартирной хозяйки. Добрая женщина не хотела мне ничего говорить, но я всё поняла по её лицу — я заходила к ней почти каждый день. И поверила сразу — к тому времени я уже чувствовала, что моего Джона больше нет, письмо оказалось лишь подтверждением.

Я больше не могла оставаться в Лондоне — этот город помнил нас двоих, Джона и Джейн, которые были счастливы. Я не могла посещать лекции, на которые он никогда не придёт, не могла читать книги, которые он никогда не откроет. Не знаю, куда бы я уехала — мне было всё равно, лишь бы убежать подальше! Но тут меня нашёл поверенный моего Джона, мистер Брэдли из адвокатской конторы «Брэдли и сын». И внезапно оказалось, что я вполне обеспеченная женщина, а, главное, мне есть куда бежать — Джон оставил мне небольшую ренту и ту самую половину дома, в которой мы собирались жить летом...

— Ха! — воскликнула мисс Хадсон и по-хозяйски положила изящную руку на плечико Джейн. — Мужчины! Они всегда стремятся закрепостить женщину, привязать её к дому и кухне! Даже после смерти. Мужчины — ужасные собственники!

Если Джейн и были неприятны слова подруги или её собственнические жесты, то она ничем этого не выдала и продолжала рассказ, уже не прерываясь:

— Понимаете, мистер Холмс, тот дом помнил Джона, но нас двоих он не помнил, и это был мой

единственный шанс ещё немного побыть с моим любимым, я не могла отказаться! И в тот же вечер купила билет на поезд в Боскомскую долину. Вот так я и появилась в «Ивовой хижине», познакомилась с двоюродным братом моего Джона и его семьёй.

Дом оказался огромен — трёхэтажный особняк с флигелями и пристройками, окружённый заброшенным садом, с которым совершенно не справлялся пожилой садовник — вы правы, я полюбила возиться в саду, и много времени провела именно там. Как раз в саду я и встретила ту цыганку... Но не буду забегать вперёд, я ведь ещё не рассказала вам о брате моего Джона и его семье.

Они замечательные люди, Берт и его жена Алисия, у них четверо совершенно очаровательных детей. Ещё в доме живёт отец Берта, дядя моего Джона, Эшли, и пара каких-то старых тётушек, но с ними я почти не встречалась. Дом действительно разделён на две половины ещё во времена эксцентричного дедушки моего Джона, все проходы между восточным и западным крылом были заколочены или даже заложены кирпичной кладкой. Мы с Бертом сразу же пришли к согласию в том, что это не дело. Он понимал, как неудобно мне будет одной в огромном пустом пространстве, и был настолько любезен и предусмотрителен, что к моему приезду разобрал часть заложённых проходов, и из крыла в крыло теперь можно пройти не только через сад.

Они все оказались очень приятными людьми, и Берт с Алисией, и их отец, дядя моего Джона. Не без странностей, конечно, но у кого их нет? Они очень хорошо ко мне отнеслись, а я ведь была для них совершенно незнакомым человеком, мы обменялись разве что двумя или тремя

телетайпограммами. Но они приняли во мне живое участие, сочувствовали, пытались развлечь. Расспрашивали о дальнейших планах, не собираюсь ли я продолжить учёбу и вернуться в Лондон, предлагали помощь и даже деньги. Но я тогда была совершенно разбита и не хотела ничего, только побыть одной, и они отнеслись с пониманием, оставив меня в покое.

Когда я с ними знакомилась, возникла неловкая ситуация: я приняла Берта за дядю Эшли и была просто поражена, осознав, что ошиблась — брат моего Джона действительно выглядит старше собственного отца! Но оказалось, что это последствия полученного им ранения — он потерял здоровье во время службы, надышавшись какой-то военной гадости. И теперь он совершенно лыс, сгорблен, и лицо его покрыто морщинами, как у дряхлого старца. К тому же ему постоянно приходится принимать укрепительные микстуры, ими пропахла вся восточная половина дома, и, к своему стыду, я не очень любила там бывать. А вот детям нравилось играть в моём крыле, и ещё там обитала Мисси. Очаровательнейшее существо! Поначалу она отнеслась настороженно к моему вторжению во владения, которые считала своими, но потом мы подружились и, действительно, много времени проводили вместе, тут вы тоже угадали, мистер Холмс. Если я работала в саду, Мисси располагалась рядом, греясь на солнышке, если же погода была дождливая, я читала у окна в гостиной, а Мисси пристраивалась у меня на коленях.

Она была со мной, когда мы встретили ту цыганку. Бедная Мисси...

Это случилось утром в начале июня, я срезала розы для букета с любимого куста у самой изгороди в дальнем конце сада, когда со стороны дороги меня

окликнул женский голос. Живая изгородь в «Ивовой хижине» невысокая, по грудь, и, распрямившись, я сразу же увидела эту странную женщину.

Она стояла в каких-то пяти-шести шагах и пристально смотрела на меня поверх подстриженных кустов. Обычная цыганка, укутанная в несколько разноцветных платков, несмотря на то, что день был довольно жаркий, позванивающая монистами и невероятно грязная, как и все они. Цыгане не были редкостью в тех краях, Алисия говорила, что рядом расположился табор, я часто видела их на дороге, бредущих то в одну, то в другую сторону, крикливых, как птицы, замотанных в яркие тряпки и обвешанных полуголыми ребятишками. Они часто просили у нас еды или мелких монет и предлагали погадать, но вели себя мирно, и я никогда не испытывала перед ними страха. Тем удивительнее, что эта цыганка напугала меня до дрожи.

Может быть, дело в том, что она была одна, без подруг и детей, и ничего не просила? Или в её пристальном взгляде? Не знаю. Но мне сделалось очень страшно, несмотря на яркий солнечный день и то, что я была в саду не одна — пожилой садовник как раз подстригал изгородь неподалеку и обернулся к нам, заинтересованный.

Пытаясь справиться с собой, я кликнула кухонного мальчишку и велела принести молока и хлеба, а также пирог, оставшийся от завтрака. Цыганка же подошла вплотную к разделяющим нас кустам и, посмотрев в небо над моей головой, заулыбалась и сказала, что даже гадать мне не станет — она и так видит мою судьбу.

Она действительно многое обо мне знала. В том числе и про трагическую гибель Джона и мою учёбу в Лондоне...

Не считайте меня дурочкой, мистер Холмс, я ни на секунду не поверила, что всё это она вычитала в облаках над моей головой — полагаю, по деревне ходило немало сплетен о нашем семействе, а цыгане умеют не только болтать, но и слушать. Поэтому её необычное гадание не вызвало у меня никаких иных реакций, кроме веселья. Теперь, неся обычные благоглупости, она больше не казалась мне такой загадочной и пугающей, как вначале. Страх окончательно покинул меня. Обычная попрошайка, которая хочет стясти побольше, а потому и не просит мелочи. А тут она понесла всякую чушь о том, что мне надо обязательно вернуться в Лондон, что нельзя такой девушке хоронить себя в глуши, а в большом городе меня ждёт такая же большая любовь и прекрасное будущее.

Помню, я расхохоталась ей прямо в лицо, и долго не могла остановиться. Теперь я понимаю, что это была нервная реакция на пережитое мною ранее. Но тогда мне почти сразу же сделалось неловко за подобную несдержанность. Тем более, что цыганка испуганно отшатнулась, да и старый садовник бросал в мою сторону странные взгляды. Это помогло мне взять себя в руки, справиться с неловкостью и успокоиться. Тут как раз принесли узелок с кухни, и я отвернулась, считая разговор законченным и собираясь идти в дом, поскольку день был достаточно жарким и срезанные розы нуждались в воде.

И вот тогда-то она и крикнула мне в спину, что надо мною висит проклятье.

Что-то в её голосе заставило меня обернуться и прислушаться к почти бессвязным крикам. Она была бледной и очень злой, сильно жестикулировала и на этот раз, кажется, не пыталась обмануть.

Она кричала, что я проклята, что в этом доме мне жить нельзя, что мне надо скорее бежать

отсюда. А если я останусь — то умру, и умрут все, кто будет рядом со мной и все, кто мне дорог. Она кричала, что мои безвестные предки были прокляты самой землёй, и только камень города способен оградить меня от этого проклятья, да и то не до конца, потому что Джон тоже мог бы жить, если бы не встретил меня. А потом она убежала, даже не взяв узелок с едой, чем напугала меня больше, нежели всеми своими криками.

Я девушка здравомыслящая, мистер Шерлок Холмс. И потому постаралась не придавать особого значения этому происшествию, хотя оно и оставило в моей душе неприятный осадок. Особенно последние её слова... Несколько дней я даже не выходила в сад, опасаясь новой встречи, но потом окончательно убедила себя, что всё это глупости. К тому же Алисия, обнаружив моё внезапное соседство, пыталась вызнать причины, а рассказывать ей о неприятном разговоре мне не хотелось. Тем более что её муж отличался излишним суеверием и постоянно рассказывал за обедом про те или иные пророчества, оказавшиеся истинными, и с моей стороны было бы глупо давать дополнительную пищу для и без того надоевших мне разговоров.

Июнь и половина июля прошли спокойно, я уже почти забыла про тот скверный инцидент, но тут случилась первая неприятность — погиб мой любимый розовый куст. «Королева Виктория», знаете, такие насыщенно-алые, с тоненькой чёрной бахромкой и более светлыми прожилками. Это сейчас, в сравнении с дальнейшими событиями, я говорю «неприятность», а тогда происшедшее показалось мне страшным несчастьем. Чуть ли не большим, чем гибель моего милого Джона. Это ведь был мой любимый куст, я знала на нём

каждую веточку, каждый бутончик, знала, когда который распухнет, утром ещё до завтрака бежала проведать, словно старого друга...

Он сгорел за два дня, словно пожираемый изнутри невидимым пламенем, я ничего не могла сделать, и старый садовник только чесал в затылке, говоря, что никогда такого не видел. Листья скукожились и почернели, веточки покрылись белёсым налётом, похожим на воск, а вместо прекрасных цветов остался лишь пепел, источающий скверный запах. Видя такое дело, садовник предпочёл выкопать умерший куст вместе с землёй, вывезти на задний двор и там сжечь, опасаясь, что в ином случае зараза может перекинуться на остальные растения.

Я проплакала несколько дней.

Вы можете счесть меня бесчувственной, сэр, я не плакала, когда умер мой Джон, а над глупым розовым кустом рыдала, как ненормальная. Алисия пыталась меня успокоить, а Берт был мрачен и ворчал, что это только первая ласточка. Каким-то образом он узнал про слова той цыганки — наверное, рассказала бывающая в деревне кухарка, известная на всю округу сплетница. Мне были неприятны эти разговоры, тем более что их дети, раньше чуть ли не каждый день приходившие поиграть в моё крыло, теперь сторонились меня, а Памела, самая младшенькая, любительница конфет, теперь при случайных встречах раздражалась слезами и убегала.

Я снова начала большую часть времени проводить в саду, не столько работая, сколько прячась. Так прошел ещё один месяц.

А в августе заболела Мисси...

Я не сразу забеспокоилась, когда она пропала — Мисси кошка вполне самостоятельная, уходила

по своим надобностям, когда хотела, и могла не возвращаться, пока не нагуляется. Но обычно её отлучки длились не более одного-двух дней, а если такое и случалось, то она всегда находила время провести если не меня, то свою любимую мисочку с молоком. А тут мисочка оставалась нетронутой уже третий день, хотя я утром и вечером наполняла её свежим молоком, и я начала волноваться.

А потом её обнаружил садовник и прибежал за мной — поскольку с Мисси было что-то не то и он побоялся к ней приближаться. Я поспешила за ним, как была, в клеёнчатом фартуке и грубых садовых перчатках — я тогда как раз пыталась придать подобающую форму разросшемуся сверх всякой меры кусту шиповника на центральной аллее.

Мисси лежала в сухой канавке и выглядела ужасно — пушистая и густая ранее шерсть слезала с неё клочьями, обнажая покрытую стру皮ями кожу, её трясли непрерывные судороги, изо рта шла кровь. Садовник кричал, чтобы я не трога-ла её, поскольку это может быть заразно, но я не могла оставить бедную Мисси в таком плачевном положении. Я перенесла её в пустующий флигель, устроила поудобнее на меховой лежанке и послала мальчишку в деревню за доктором. Сама же попыталась напоить несчастную молоком, зная, что молоко помогает при многих болезнях и отравлениях. Но Мисси была настолько слаба, что не могла даже пить. Её трясло, дыхание было тяжёлым и прерывистым, иногда она начинала рычать или плакать, один раз даже попыталась меня укусить, но не смогла пробить зубами жёсткую садовую перчатку, которую я так и не успела снять.

И тут как раз пришёл доктор.

Мальчишка всё перепутал, и привёл обычного доктора, а не ветеринара. Узнав, что его вызвали к кошке, доктор пришёл в крайнее негодование, но тройная оплата визита примирила его с необычной пациенткой — я понимала, что спасти Мисси может только чудо, и ждать прибытия другого врача нельзя. Впрочем, доктор ничем не смог помочь — да и никто бы не смог, наверное. Мисси умерла у него на руках, прямо во время осмотра вдруг сильно вытянувшись и окостенев в считанные секунды. Шерсть к тому времени с неё слезла практически полностью, лысый трупик выглядел ужасно, но почему-то сильно заинтересовал нашего доктора. Он говорил, что никогда не видел столь быстрого трупного окоченения и хотел произвести вскрытие. Обещал отказаться от платы за вызов, если я позволю ему забрать труп несчастной кошки с собой. Я не могла допустить подобного издевательства над телом моей бедной подруги, доктор настаивал и даже начал сам предлагать мне деньги. Возможно, он чувствовал мою слабость — мне было плохо, хотелось поскорее остаться одной и оплакать несчастную Мисси — потому и был таким настойчивым. Не знаю, чем бы всё это кончилось, но тут во флигель заглянул Берт, и, узнав причину спора, принял мою сторону и быстро выпроводил назойливого доктора.

Я была слишком слаба и решила отложить похороны Мисси до следующего утра. Оставила её тельце там же, на меховой подстилке во флигеле. Никогда не прощу себе этой слабости, стоившей моей четвероногой подруге посмертного надругательства.

Утром, когда я заглянула во флигель, прихватив шляпную картонку, которая должна была

послужить последним пристанищем бедняжке, меховая подстилка оказалась пуста. Обежав весь сад, я обнаружила то, что осталось от Мисси на подъездной дорожке у чёрного входа — кто-то обезглавил и выпотрошил несчастную, а тело разрубил на несколько кусков, да ещё и облил керосином. Хорошо, что я ранняя пташка, наткнись на это безобразие кухарка — и разговоров хватило бы на месяц. Поэтому я поспешила собрать останки несчастной кошки в коробку из-под шляпки и похоронить под кустом сирени на клумбе перед нашим окном — я надеялась, что ей там понравится, во всяком случае, при жизни она любила греться на этой клумбе.

Домашним я ничего про это не рассказала, достаточно с них и прочих переживаний. Сама же ломала голову и никак не могла понять, кто и, главное, зачем мог совершить подобное зверство? Не хотелось бы думать, что солидный доктор мог прийти до такого безумства в своём профессиональном рвении, чтобы под покровом ночи тайком возвратиться в наш сад и совершить столь вождеденное вскрытие? Но если не доктор, то кто?

А через двенадцать дней умер садовник.

Сначала он жаловался на боли в суставах — но он и раньше на них жаловался, и мы не придавали этому особого значения, пока однажды он не упал прямо на дорожке, и не забился в конвульсиях, страшно крича. Пришлось снова послать за доктором и звать шофера, чтобы помог отнести несчастного в дом. Это оказалось далеко не простым делом — садовника били ужасные судороги, его буквально выгибало дугой, на помощь шоферу прибежали двое дюжих кухонных работников, но и трое взрослых мужчин не могли его удержать. Боже, как он кричал! Мы уже совсем было

отчаялись, но тут садовник внезапно перестал кричать и обмяк, словно из него разом выдернули все кости. Его удалось отвести в пристройку и уложить на кровать, он больше не вырывался, лишь тяжело дышал и постанывал. Но не успели мы подумать, что все самое страшное миновало, как приступ начался снова, еще ужаснее и продолжительнее. Беднягу выгибало дугой, так что он касался кровати лишь пятками и затылком. Из рта его текла кровавая пена, и он кричал, кричал, кричал не переставая...

Доктор приехал во время третьего приступа. Заглянул больному в глаза, попытался прощупать пульс на руке, напряжённой и твёрдой, словно горячая деревяшка. Пожал плечами, сказал, что сделает всё возможное, но в результатах не уверен, и что нужно ждать окончания приступа, чтобы сделать укол кураре. Ещё он говорил о ядах — о том, что любой яд может стать лекарством при умелом с ним обращении, и наоборот. Кажется, он хвастался, или просто был не очень уверен в собственных силах. Когда садовник обмяк и замолчал, доктор сделал ему укол и сообщил, что теперь всё в руках всевышнего. Если сильного приступа не будет хотя бы час-полтора — садовник точно выкарабкается. Если промежуток составит менее часа — вероятность счастливого исхода резко убывает. Но больше он сделать всё равно ничего не может, надо надеяться и ждать, толкая все сомнения в пользу несчастного.

Приступ начался через девять с половиной минут. Наверное, так было даже лучше, чтобы сразу ни у кого не осталось ни малейших сомнений...

Сначала я полагала, что с садовником приключилась та же напасть, что и с Мисси, а значит,

это действительно заразно, и мы все на очереди, особенно я сама. Но доктор успокоил нас, заявив, что у садовника типичный столбняк, а столбняк не заразен, и нам ничего не грозит — если, конечно, я не поцарапаю одной и той же иглой сначала руку несчастного до крови, а потом и «свой прелестный пальчик» — он так и сказал, тот доктор, а ведь рядом в страшных мучениях умирал несчастный садовник, помочь которому было уже невозможно. Доктор же всё повторял про пальчики — очевидно, считал это весёлой шуткой, и сам же смеялся... всё-таки я вынуждена признать, что он оказался не слишком деликатным человеком, этот доктор...

Садовник умер через три дня. Боже, как он страдал! Даже врагу не пожелаю подобной смерти. На второй день он уже не мог даже кричать, только хрипел. Я сидела с ним до последнего, видя в этом свой долг. Даже если не принимать во внимание проклятье, человек пострадал, пытаюсь сделать лучше мой сад, и посидеть рядом — самое малое, что я могу для него сделать. Доктор заходил дважды. Делал уколы, после которых умирающий на некоторое время впадал в забытье. Предлагал мне успокоительное. Во время второго визита посоветовал позвать священника, но Берт сказал, что садовник был убеждённым атеистом. Берт поначалу старался как-то меня утешить, составлял компанию и всё пытался уговорить меня не убиваться так или хотя бы ненадолго пойти отдохнуть. Но сдался, видя мою непреклонность, и оставил одну. Бедняга, он и сам-то с трудом держался на ногах, и пахло лекарствами от него куда сильнее, чем обычно. Так что я была рада, когда он ушёл. К тому времени несчастного садовника уже окончательно парализовало, он не

мог даже говорить, только смотрел на меня. И в глазах его я видела отражение собственной вины. Он не обвинял меня — я сама себя обвиняла.

Я не пошла на похороны — заснула тяжёлым сном, и меня долго не могли добудиться. Больше я не работала в саду, и вообще старалась не выходить из своей комнаты, даже к обеду. Сидела у окна целыми днями, смотрела на осенний сад и старалась ни о чём не думать. А особенно — не думать о том, остался ли бы садовник в живых, послушайся я слов той цыганки и вернись в Лондон.

Осень постепенно раскрашивала сад золотом и багрянцем, а я смотрела, как ветер играет листьями сирени под моим окном, пока однажды не обратила внимания, что с ними творится нечто странное. Это было вечером, и поначалу я не поверила своим глазам, списав все на неверную игру освещения. Вернее, нет... я поняла всё сразу, просто не хотела верить, потому и спустилась, надеясь убедиться, что вечерний свет и напряжённые нервы сыграли со мной злую шутку.

Осень бушевала в саду огненно-рыжим пожаром, но пламя, которое сжигало куст сирени под моим окном, было иного рода — то самое чёрное невидимое глазу внутреннее пламя, что уничтожило ранее мои любимые розы. Многие листья уже почернели и скрючились, а на тех, что остались, более не было иных оттенков — ни зелёного, ни жёлтого с красным. Только чёрный. И на некоторых веточках уже появился знакомый воско-видный налёт белесого цвета.

Сами понимаете, мистер Холмс, выхода у меня не оставалось. Я не стала никому ничего объяснять, в ту же ночь собрала небольшой дорожный чемоданчик и покинула «Ивовую хижину» ранним

утром, пока все ещё спали. Пешком добралась до станции и купила билет на первый же поезд в сторону Лондона.

Понимаете, мистер Холмс, я не могла рисковать.

Нет, вы только не подумайте, что я суеверна. Даже сейчас я не верю до конца в мистическую подоплёку происшедшего и пытаюсь по мере сил найти рациональное объяснение всем этим ужасным событиям. Но если есть хотя бы малейшая вероятность, хотя бы тень вероятности — я не вправе рисковать жизнью и здоровьем хороших людей.

Я должна точно знать, мистер Холмс, понимаете? Я ведь даже не сообщила дяде о своём приезде, поселилась в дешёвых меблированных комнатах и стараюсь не попадаться на глаза прежним друзьям, а также и не заводить новых. Я боюсь сходитья с людьми — вдруг случившееся в Боскомской долине повторится и в Лондоне? Я устала бояться, но не знала, к кому мне обратиться за разъяснениями. Древние философы ничем не могли мне помочь, и я перестала посещать библиотеку, в которой первоначально надеялась найти все нужные мне ответы. Конечно, я слышала о великом сыщике Шерлоке Холмсе — а кто в Англии о нём не слышал? Но полагала, что вы давно отошли от дел или же работаете на правительство, и было бы самонадеянно с моей стороны отягощать вас подобными мелочами. Но тут на вдруг женском собрании меня познакомили с мисс Хадсон, и она была столь любезна...

— Всё это вздор, милочка! — перебила свою подругу Элеонора, и слегка наклонилась, чтобы ободряюще похлопать её по руке. После чего распрямилась и требовательно уставилась на Холмса. — Ну? Мистер Шерлок Холмс, великий

детектив... Ох, извиняюсь — сэр Шерлок, конечно же! У вас найдётся свободная минуточка, чтобы помочь моей подруге?

Холмс проигнорировал как неподобающий тон подобного замечания, так и саму юную скандалистку, и обратился непосредственно к нашей гостье.

— Вы поступили правильно, обратившись ко мне, мисс. Ваше дело куда серьёзнее, чем могло показаться на первый взгляд, несколько раз вы только чудом избежали смерти. Но пока я не вижу в нём ничего сверхъестественного. Сейчас мне надобно навести кое-какие справки и проверить кое-какие догадки. Но рискну предположить, что завтра к этому времени мы уже будем знать ответы на все интересующие нас вопросы. А пока предложу вам воспользоваться нашим гостеприимством в обществе особы, более подходящей вам по полу и возрасту, чем два престарелых джентльмена.

Юные леди поняли намёк правильно и удалились из гостиной, оставив нас с Холмсом вдвоём — хотя мисс Хадсон и не отказала себе в удовольствии несколько раз негодуяще фыркнуть и поворчать что-то о мужском деспотизме. Когда шаги девушек затихли в дальнем конце коридора, я в некотором смущении обратился к своему всё ещё молчавшему другу.

— Холмс! Мне, конечно, далеко до вашей интуиции, но кое-что и я не мог не заметить. Мне кажется, я знаю, что явилось причиной смерти несчастной кошки и бедного садовника. Во время моей службы мне доводилось работать с некоторыми веществами, чьё воздействие на живые организмы производит подобный эффект... Кошка, очевидно, съела нечто, пропитанное отравой, потом, взбесившись от боли, поцарапала садовника и

внесла на своих когтях в его царапины малую толику яда, оттого-то он и умер иначе и далеко не сразу. Какое-то дьявольское стечение обстоятельств, я никак не могу понять, как несчастная кошка могла добраться до подобного вещества, это ведь не мышьяк, которым травят крыс наши добрые фермеры, и не цианистый калий, который можно купить в любой аптеке...

— Вы, как всегда, упускаете самое важное, Ватсон! — откликнулся Холмс из своего кресла. — Вы забываете о том, с чего всё началось.

— Вы имеете в виду розовый куст?

— Я имею в виду цыганское проклятье.

— Помилуйте, Холмс! Никогда бы не подумал, что вы можете верить в подобную чушь!

— А кто вам сказал, что я верю? Я просто отметил, что именно с него-то всё и началось. Хотя, если быть точным, всё началось даже раньше.

Воспользовавшись отсутствием дам, Холмс достал из початой упаковки сигару, аккуратно обрезал кончик и закурил — на этот раз воспользовавшись спичками.

— Я называю такие дела «делом на полсигары», — пояснил он, выпуская клубы ароматного дыма. — Глупо и расточительно ради такого простого дела набивать трубку, не успеешь толком раскурить — а решение уже найдено.

— Но тогда зачем же, Холмс?! — вскричал я, до глубины души поражённый. — Зачем вы сказали бедной девочке ждать до завтра? Почему не успокоили её сразу?

— Ватсон, ну это же элементарно, неужели вам не хочется ещё хотя бы раз вкусить столь восхитительный омлет? К тому же мне действительно следует навести кое-какие справки, чтобы окончательно удостовериться в собственной

правоте. — Тон моего друга был серьёзен, но глаза смеялись. — Может быть, мне удастся уговорить её приготовить стейк по-американски, а не ту горелую подошву, что выходит из-под очаровательных ручек нашей милой мисс Хадсон. Или даже татарский бифштекс без этого ужасного чесночного соуса, который постоянно к нему присылают, несмотря на все мои просьбы. Никогда не ешьте чесночный соус, Ватсон! Мало того, что он сам по себе ужасно гадок на вкус, так ещё и легко маскирует привкус мышьяка.

И я, поразмыслив, пришёл к выводу, что Холмс абсолютно прав. Если не по поводу чесночного соуса — то хотя бы по поводу омлета.

— Дело нашей прелестной садовницы простое, но от того ничуть не менее страшное и подлое, — повторил Холмс, когда с сигарой было покончено, сделаны необходимые звонки и получены ответы на телетайпограмму. — Вы, конечно же, обратили внимание на внешний вид мистера Берта? «Ранение, полученное при службе в особых войсках» — так это теперь дипломатично принято называть, но мы-то с вами знаем, что это значит на самом деле. К тому же бальзамические жидкости и странно пахнущие микстуры... Нет, с этим Бертом дело совершенно ясное! Понятно, где он служил, и что там с ним сотворили. Нетрудно найти отраву, если пользуешься ею каждый день.

— Холмс! — вскричал я, шокированный. — Неужели вы действительно полагаете, что за всеми этими ужасными преступлениями может стоять этот несчастный калека?! Мисс Джейн утверждает, что он хороший человек, а ей не откажешь в проникательности! Да и зачем ему могло понадобиться убивать садовника и уж тем более — бедную кошку?

— Характеристики, данные мисс Джейн своим новоявленным родственничкам, говорят нам, скорее, о душевных качествах самой мисс Джейн, нежели о тех, кого она описывала. Хорошему человеку бывает трудно поверить в существование мерзавцев, даже имея к тому явные доказательства. Кошку он убил вполне сознательно, но вовсе не кошка должна была стать настоящей жертвой.

— Убивать садовника? Холмс, это выглядит странно. В наше время и без того трудно с прислугой!

— Садовник умер случайно — или же был наказан провидением, если вам так больше нравится. Поскольку он наверняка был замешан в этом деле — помните, Берт не хотел оставлять его наедине с нашей гостьей? Опасался, что перед смертью тот наговорит лишнего. И успокоился только тогда, когда паралич полностью лишил несчастного подобной возможности. Но специально его никто не убивал — он пострадал из-за случайной ранки, в которую попал яд. Нет, настоящей жертвой должна была стать именно мисс Джейн — ведь это её кошка, и именно ей бы достались те смертоносные царапины, если бы не жесткие садовые рукавицы.

Не в силах более сдерживаться, я вскочил и заходил по комнате. Даже мысль о том, что кто-то мог желать зла подобной девушке, казалась мне кощунственной, но не верить своему другу я тоже не мог.

— Но почему, Холмс? Почему?

— Всё очень просто, Ватсон — дом. Дом, который Берт с семейством уже привыкли считать своим полностью — настолько, что даже начали потихоньку разрушать возведенные дедом перегородки. Я догадался обо всём сразу, как только

мисс Джейн упомянула об этом обстоятельстве, а остальное было лишь недостающими фрагментами уже сложившейся мозаики. Берта можно понять — у Джона не было семьи, да и сам он не жил в поместье уже довольно давно. К тому же он наверняка считал подобное распределение несправедливым — ведь если бы после окончания Мировой в Британии не упразднили майорат — весь дом и так бы достался целиком старшему брату, как исстари повелось. А тут из-за непонятного юридического крючкотворства большое семейство вынужденно ютится на своей половине — и видеть, как постепенно приходит в полное запустение и ветшает без должного присмотра второе крыло семейного дома. Алиенский мятеж и гибель младшего брата пришлось очень кстати. Берт с семейством посчитали себя единственными и полноправными хозяевами и успели привыкнуть к этой приятной мысли, когда им на голову свалилась невеста погибшего — и настоящая хозяйка половины того, что они уже считали своим.

Они не были злодеями, Ватсон — помните, мисс Джейн говорила, что сначала они уговаривали её продолжить учёбу и даже предлагали денег? Они были готовы ей заплатить — лишь бы оставить за собой весь дом целиком. Но наша упрямая гостья не захотела уезжать. И тогда её родители наняли цыганку.

Достижения науки — великое дело, Ватсон! В прежние времена нам бы пришлось трястись в кэбе до железнодорожного вокзала, потом ехать до нужной станции, а там ещё и добираться по плохим дорогам до той деревни, рядом с которой два месяца назад располагался табор. Мы бы потратили несколько дней — и в результате убедились бы, что табор давно переехал,

а куда — неизвестно! Сейчас же я отбил всего лишь три сообщения, нашему другу Лестрейду в Скотланд-Ярде, коронеру Боскомской долины и ещё одно, по указанному им номеру — и дело сделано! Табор обнаружен, цыганка допрошена и созналась, что её действительно наняли господа из «Ивовой хижины». Дали соверен и обещали в десять раз больше, если ей удастся прельстить молодую госпожу гаданием и заставить её уехать в Лондон. Или напугать — с тем же результатом. Так что цыганка действительно была совершенно искренна в своём стремлении заполучить вожделенное золото, но не преуспела. И тогда Берту пришлось действовать самому — уже вместе с садовником. Полагаю, вряд ли он бы смог отравить розы в одиночку так, чтобы давно работающий в доме слуга ничего не заподозрил. Они знали, что это любимые цветы мисс Джейн, и полагали, что такого потрясения ей будет достаточно.

— Какое неслыханное коварство! — пробормотал я, без сил опускаясь на диванчик.

— Но Берт и его помощники снова ошиблись. Гибель любимых цветов хоть и расстроила девушку, но не заставила её покинуть «Ивовую хижину». И тогда преступники нанесли новый удар, жертвой которого стала несчастная Мисси.

Расчёт был прост: если отравленная кошка поцарапает мисс Джейн и девушка умрёт — ни у кого не возникнет ни малейших подозрений. Все знали, что она любит работать в саду, где так легко поцарапаться и занести в ранку смертельную инфекцию. Симптомы отравления малой дозой этой гадости похожи на столбняк, это вы правильно заметили, и у сельского врача не возникло бы никаких сомнений при установлении диагноза. Как позже и случилось с садовником — кошка

могла поцарапать его, когда ей делали смертельную инъекцию, или отравка попала в его организм через поры кожи. Как бы то ни было, один из убийц сам пал жертвой своего преступления.

То, что случилось с кошкой после смерти, только подтвердило мои подозрения, превратив их в уверенность. Конечно же, Берт знал, что именно должно было произойти с несчастной Мисси — и, разумеется, всеми силами стремился этому воспротивиться. Он не мог допустить её вскрытия — даже деревенскому врачу при подобном исследовании всё сделалось бы яснее ясного! Не мог он и оставить тело кошки в целостности, допустить её погребение вовсе не значило поставить точку в этой истории, вы и сами это прекрасно понимаете, хотя до сих пор так и не признались, в каких именно войсках изволили служить... но вернёмся к нашей кошке.

Её необходимо было сжечь. Ну или на крайний случай хотя бы обезглавить, выпотрошить и расчленить на как можно большее количество кусков. Что он и постарался сделать той ночью, пока домашние спали. Обезглавил, расчленил и выпотрошил. И даже облил керосином. Вот только почему-то не сжѐг. Это ставит меня в тупик. Вам ничего не приходит в голову, Ватсон?

Последние минуты я, чтобы скрыть волнение, развлекался тем, что выпускал крохотный язычок пламени из указательного пальца своей механической руки — и тут же гасил его. Обращение Холмса оказалось для меня полной неожиданностью — я вздрогнул, и пламя выстрелило из пальца длинной струёй наподобие миниатюрного огнемѐта. Я поспешил загасить его и ответил, стараясь, чтобы голос звучал непринуждённо:

— Полагаю, Холмс, что такие, как этот Берт... калеки... боятся огня. Мне приходилось работать

с ними, и я часто наблюдал подобную реакцию, доходящую иногда до настоящей фобии. Тут всё дело в том, что на начальном этапе обработки их тела легко воспаляются, и это накладывает отпечаток. Потом-то, конечно, подобный недостаток устраняют, но память остаётся. И только редкие натуры обладают достаточной внутренней силой, чтобы с ней справиться.

— Вот как? Буду знать, — ответил мой друг, посмотрев на меня при этом как-то странно. — Тогда всё становится на свои места... Утром мисс Джейн обнаружила останки растерзанной кошки и похоронила их под сиренью, тем самым отравив ещё и это ни в чём не повинное растение. После чего уехала в Лондон, где, на счастье, судьба свела её с нашей очаровательной мисс Хадсон...

— Мистер Холмс! Вы потрясающий человек!
Вздвогнув, я обернулся.

Наша юная гостыя стояла в дверях, прижав стиснутые кулачки к груди, и смотрела на Холмса с восторгом и обожанием. Личико её покраснелось, глаза горели ярче обычного.

— Спасибо вам, мистер Холмс! Спасибо за всё! Элеонора была совершенно права, убедив меня прокрасться обратно и подслушать... Благодаря ей я теперь всё-всё знаю! Вы великий человек, мистер Холмс. Вы сняли с моей души огромную тяжесть. И я теперь знаю, что мне делать.

— Если подадите на вашего девера в суд за попытку убийства — можете смело ссылаться на меня, как на доверенного эксперта. — Мой друг, казалось, был совершенно не удивлён столь дерзким вторжением и смотрел на нашу гостыю вполне благосклонно.

Мисс Джейн отмахнулась.

— Да бог с ним, с Бертом! Я не об этом, уверена, его накажет судьба... Но благодаря вам, мистер Холмс, я теперь знаю, кем хочу стать!

И, не успели мы опомниться, как она подбежала и порывисто расцеловала опешившего Холмса в обе щеки. Рассмеялась, видя нашу оторопь, и снова упорхнула к дверям.

— Я хочу быть детективом, мистер Холмс! Нет, я неправильно говорю — я стану детективом! Обязательно стану! Мисс Джейн Марпл, сыщик на службе Короны! Вы не представляете, мистер Холмс, какая это лёгкость, какое счастье — знать, что ты ни в чём не виновата! Вы удивительный человек. И я хочу быть такой же, как вы, — помогать простым людям, дарить им такую же лёгкость, какую вы подарили мне. Спасибо вам, мистер Шерлок Холмс, сэръ! Спасибо вам!

И она убежала, не попрощавшись. Истинная англичанка, что ни говори!

— Ну вот и остались мы с вами, Ватсон, совершенно одни, — заметил Холмс, с некоторой грустью глядя вслед юной особе. — Без столь вожденного вами омета и не менее милого моему сердцу стейка по-чикагски...

И с этими словами он удалился в спальню — последнее время он предпочитал отсыпаться днём и работать ночами, утверждая, что ночью никто не мешает ему думать.

Скорее всего, это правда.

Но — опять же, скорее всего — далеко не вся правда.

Эра Мориарти сильно изменила нас всех. Но я никогда не спрошу его, почему он больше не носит серебряных запонок и не любит

чесночный соус. Точно так же, как и он никогда не спросит меня о том, с чего бы это вдруг я так полюбил резкие ароматы восточных благовоний, и почему из моей каюты так часто несёт бальзамической алхимией, с которой даже они не справляются. Разве что в шутку — да и то лишь наедине.

Мы оба слишком дорожим нашей дружбой — и не хотим знать лишнего...

КОРОЛЕВА

РАССКАЗ

Тонкие пальцы стремительно метались над прозрачной столешницей, разноцветные льдинки входили в пазы с легким перестуком. Витраж рос на глазах. Иногда на него с потолка падала капля.

И застывала.

— Он ушел?

— Да, моя Королева... — Керелинг почтительно склонил голову. — Но он вернется. Так было, так будет...

Пальцы заметались быстрее, дробное стаккато льдинок лишь подчеркнуло ледяную неподвижность прекрасного лица. Молодая — слишком молодая! — Королева чуть склонила голову, и Керелингу на миг показалось, что лед ее прозрачных глаз дал трещину — но нет, белое лицо оставалось бесстрастным.

— Он не вернется.

Керелинг позволил себе легкую усмешку — Королева была юна и многого не понимала.

— Он возвращался уже дважды. Они всегда возвращаются. Стоит лишь подождать...

— Не в этот раз. Я сама выжгла ростки шиповника в его крови. Он больше не выживет здесь. Он даже дороги найти не сможет...

— Жаль, — Керелинг пожал плечами. Значит, не показалось, и на белых пальцах действительно темнеют следы ожогов. — Он был неплохим в своем роде. Мог бы еще долго...

Кусочек мозаики упал и покатился по полу. Королева не подняла головы.

— Трех раз вполне достаточно.

Керелинг опять пожал плечами, но ничего не сказал. Это был её выбор и право, выбор и право Королевы, пусть даже и очень юной. Как и тогда, три раза назад, когда этот странный кай умирал в её саду, добрую половину которого он все-таки умудрился разворотить своим изломанным кораблём, к тому времени уже окончательно мертвым.

Он явился незванным и неподготовленным, и тоже очень скоро бы умер, даже рук марать не пришлось — энергия утекала из его поврежденного скафандра, как снежная пыль сквозь пальцы. И Керелинг уже обдумывал, в какой уголок сада поместить его замерзшее тело в качестве еще одного украшения, пусть и не совсем трофея... Но право и выбор Королевы все изменили.

— Я ведь не для того тогда... просто он умирал... Я не хотела, чтобы — так...

Керелинга пробрала внезапная дрожь. Перехватило дыханье.

Она, конечно же, слишком юна, слишком неопытна, и это многое объясняло, но не настолько же... Она что — пытается оправдаться? И перед кем — перед ним?

Королева?!?

— Пусть лучше — так. Пусть... живёт. А мы найдём кого-нибудь... другого. Правда, Керелинг?

— Как будет угодно моей Королеве... — Керелинг снова склонился в глубоком поклоне.

— Мы обязательно найдём...

На почти законченный витраж снова упала капля. С потолка.

Королевы не плачут, даже самые юные...

из «Легенды о Юной Королеве
и её Первом Керелинге»

Девочка шла хорошо. Быстро так шла, красиво — Керелинг даже залюбовался, глядя, как длинная тень скользит за ней по белой равнине. Натыкаясь на неровности льда, тень ломалась и дергалась, словно живая. Тяжелый глайдер девочка оставила у границы льдов — над полюсами этой планеты электроника дохла быстро и надежно. Оленя пришлось бросить у первой гряды, лезть в торосы он отказался категорически — жалобно верещал, тряс лобастой башкой и упирался всеми шестью лапами, выпучивая глазки на стебельках и нервно сворачивая хоботок. Правильный был олень, хорошо обученный. Умница Вингельд — и зверя правильного подобрал, и про лыжи не забыл. Девочка не опоздает.

Вторую гряду она прошла, почти не сбавив хода, плазмобой пару раз чавкнул, подсвеченные изнутри торосы засияли гирляндой праздничных фонариков — и вот тебе готовый тоннель на ту сторону. И снова скольжение по белой равнине.

Керелинг нахмурился

— Ей не хватит заряда, если и дальше будет так неэкономно...

— Хватит! — Скильт разулыбался и пояснил, не отрывая глаз от следящего кристалла. — Она нашла три кармана. А-8, Б-14 и... Е-9

Теперь ясно, почему Скильт довольный такой — один-два кармана на А и Б находили практически все, третий — редко, тем более на линии Е...

— Мастерская работа.

Лицо Скильта позеленело от удовольствия, уши сложились, но он тут же принял вид как можно более серьезный и независимый. И спросил, озабоченно:

— Как думаешь, к восходу Второй Луны дойдет?

— Раньше. — Керелингу даже не надо было смотреть на экран, чтобы ответить. Лишний вопрос. Она хорошо идет.

Осталось немного. Скоро все будет позади, кончится безумное напряжение последних дней. И будет большой праздник — самый главный праздник уходящего века, праздник, которого так долго ждали.

Еще совсем немного — и эта девочка избавит Королеву от очередного кая...

Королева умеет всё.

В ее саду самые вкусные льдинки и самые прекрасные гальдэоусы, никому больше из клана таких не вырастить, как ни старайся. В ее саду снег белее и лед прозрачней. И даже зеркальный шипоцвет растет у нее в саду, а все знают, какой он капризный.

Королева умеет всё. В том числе и дарить красоту — прикосновением, а поцелуем — бессмертие. Ее безукоризненно белая кожа и ослепительно снежные волосы никогда не меняют оттенка, а глаза ее темны, холодны и прозрачны, словно весенний лед на глубокой реке.

Королева умеет всё. Даже летать в междумирье, и не просто летать — поднимать за собою других, тех, чьи глаза способны увидеть и оценить красоту такого полета.

Королева умеет всё.

Вот только изгонять каев она не умеет. Да и не королевское это дело, на то у каждой Королевы есть свой Керелинг.

Королевский сад прекрасен в любое время и при любом освещении — на то он и королевский. Даже днем, когда безжалостное солнце пытается уничтожить его хрупкую красоту. Зря пытается.

Это ведь сад Королевы, а что против Королевы какое-то там солнце? Его лучи разбиваются вдребезги о тонкие льдинки ветвей, режутся острыми гранями прозрачных арок и беспомощно бьются в ловушке кристаллической паутины, осыпая все вокруг сверкающей пылью. Днем Королевский сад ослепителен, на него нельзя долго смотреть, если не хочешь потерять зрение.

Но самому Керелингу больше нравился этот сад на закате одной из лун, вот как сейчас. День Керелинг вообще не любил, и хорошо, что он бывает так редко... Напомнить Скильту, чтобы его ребята восстановили беседку у поворота к ажурной горке — девочка не церемонилась, плавала все подряд. А Королеве нравилась та беседка.

Выстрел из плазмобоя хорош высокой скоростью заряда. Шарики перегретой плазмы крохотные, а скорость их такова, что распространиться в стороны энергия почти не успевает, и потому в этот раз сад мало пострадал, есть чем гордиться. Лишь обрезало кроны деревьев вдоль дорожки, спалив серебристое кружево веток до самых стволов. Покрытию самой дорожки повезло меньше. Ледяные плитки под ногами оплавлены, от бывшей мозаичной структуры и следа не осталось. Да еще и непривычно гладкие, почти скользкие. Впрочем, пока убирать не стоит, а местами неплохо бы еще и подплавить, пригодится для намеченного на завтра праздника. Пусть молодежь развлекается.

Завтра будет праздник, танцы на льду мертвого озера, песни и состязания в ловкости — например, кто быстрее залезет на дерево, не потревожив на нем ни одной снежинки? Завтра откроют окно между мирами, и самые достойные юноши будут стрелять в него иглами зеркального шипоцвета. И

испорченная дорожка завтра окажется как нельзя кстати, еще одно украшение праздника, игровая площадка. На ней можно устроить катания на дальность. А вот беседку все же надо поправить...

Керелинг шел по краю дорожки легко, почти не оставляя следов, и рассматривал то, что осталось от ледяной мозаики. Ничего не осталось — во всяком случае, там, где прошла девочка. Впрочем... В этих разноцветных и совершенно лишенных внутренней логики цветных переливах что-то есть. Может быть, Королеве понравится, и она сохранит этот странноватый узор не только на время праздника. Как сохранила зеркальную горку, прошитую сотней узких извилистых туннельчиков — у позапрошлой девочки оказалось странное оружие, и чувство юмора не менее странное. Зеркальную горку теперь называют Ажурной, и она — одно из главных украшений сада.

В царстве острых граней и прямых линий проплавленная дорожка с текучим разноцветным узором смотрелась чужеродно, но от этого не менее завораживающе. Словно непокорный стебель цветка, не желающий подчиняться законам симметрии — кажется, в одном из прошлых миров были такие. И венчалась она тоже своеобразным цветком с неровными лепестками — проплавленной дырой в ледяной стене дворца.

Силовую защиту с наиболее ценных участков сада уже сняли, и Керелинг свернул направо, не доходя до дворцовой стены — он шел не сюда, просто сделал крюк, чтобы оценить нанесенный ущерб. Оценил и остался доволен. Зря предусмотрители беспокоились, ущерб не слишком велик, да и дорожка красивая получилась. Позже можно будет поставить вопрос и об эксперименте с четырьмя карманами...

Стоило отойти от оплавленного участка на пару шагов, и первая же тронутая ветка осыпала серебристой пылью — льдинки цвели, и эльфийские проблемы им были до пестика.

А вот на деревьях у пострадавшей дорожки пыльца спеклась, покрыв уцелевшие веточки тонким панцирем, глянцевым и прозрачным, с веселыми искорками. Тоже красиво, но как-то печально. Оставлять, скорее всего, не стоит. Единичное дерево будет смотреться жалко, а если сохранить всю дорожку целиком, вместе с деревьями вдоль нее... красиво, кто спорит, только вот не много ли чести обычной девочке с горячей кровью и плазмобоем наперевес? Впрочем, плазмобой себя оправдал, гуманное оружие. Пожалуй, стоит именно его подsunуть и следующей, а то мало ли что она с собою притащить догадается?

Здесь мозаика была в полном порядке. И деревья с полупрозрачными стволами и пушистым кружевом веток. И ледяные скульптуры под ними. Галерея трофеев — это место всегда защищали особо. Вряд ли еще у какой Королевы наберется столько, и Керелинг по праву мог гордиться — больше половины скульптур здесь только благодаря его усилиям. Это ведь именно он сумел организовать их эвакуацию, когда Королева бросала клич: «Мы улетаем». Уже четыре раза.

Королева была умна и всегда знала, когда пора улетать. Вот только больше её ничего не заботило. Будет новый мир, будет новая жизнь, а, значит, и новые трофеи, остальное всё мелочи и не стоит внимания. Но на то и есть у каждой Королевы личный Керелинг, чтобы подумать о мелочах. И он не намерен был ничего оставлять наглым захватчицам. Не их это трофеи. Сами пусть добывают...

Открывала галерею массивная фигура в меховом плаще, в лед были искусно вплавлены соцветия льдинок, и от этого плащ казался пушистым и даже слегка шевелящимся на ветру. Заросшее до глаз густым волосом лицо слегка смазано — то ли следы времени, то ли так он и выглядел, теперь уже не узнать. Это было задолго до Керелинга, он ведь не первый Керелинг у своей Королевы, и, скорее всего, не последний.

Почти все ледяные фигуры стояли в ряд, как бойцы на параде. Дань уважения и тонкая насмешка в одном кристалле — из ряда выбивались лишь те, с которыми пришлось повозиться.

Вот, например, как с этим...

Керелинг усмехнулся и удовлетворенно дернул кисточками на ушах, рассматривая скульптуру своего отца — распластавшегося по ледяной глыбе, напряженного, застывшего в вечной готовности к броску. Отцом Керелинг гордился — тот прочно вошел в легенды клана, доставив прежнему Керелингу немало головной боли. Четыре раза его уводили, и четыре раза он возвращался — замерзший, израненный, полудохлый, ведь для каев никаких промежуточных станций поддержки и карманов не предусмотрено, а пятьдесят градусов ниже точки замерзания воды — это многовато даже для эльфа. Если, конечно, эльф не из Ледяного Клана.

Отец Керелинга был эльфом, но эльфом городским. Кажется, темным. И почему-то считал, что это дает ему преимущество. Поначалу так и выходило, целых четыре раза. А на пятый предшественник нынешнего Керелинга догадался использовать девочку.

Керелинг зацепился взглядом за маленькую фигурку, сидевшую на большом ледяном кубе

спиной к дорожке, и содрогнулся. Это был один из самых ужасных каев, им до сих пор пугают молодежь темными послезакатными часами. И этого кая Керелинг помнил очень хорошо, поскольку это был его первый кай.

Капризный, эгоистичный и глупый. Всё, ему предоставленное, принимал как должное, даже ни разу не поблагодарил, и, разумеется, ничего не хотел давать взамен. Самовлюбленный и эгоистичный маленький уродец. Конечно же, он не хотел покидать дворца Королевы — а кто из каев захочет, пока сок шипоцвета течет вместо крови по венам? Для того и нужны девочки с горячей кровью, потому и отбирают при финальном контроле в кай лишь тех, у кого девочки — есть. Лишний повод для нынешнего Керелинга гордиться отцом — поправку об обязательном наличии девочки внесли в правила как раз благодаря ему.

Но девочка этого кая оказалась под стать своему дружку. «Кай умер и больше не вернется!» — сказала она себе, и продолжала жить, словно ничего не случилось. Пришлось серьезно, хотя и очень локально, вмешаться в биологию ее мира, задействовав сначала модифицированные цветы, а потом и птиц, поскольку цветам эта ленивая дура верить не захотела. Станции поддержки — они тоже как раз для неё организованы были, её приходилось буквально тащить за шиворот, сдавая с рук на руки и пресекая ежеминутные попытки повернуть обратно с полдороги, потому что, мол, путь слишком сложный и всё равно ничего не получится. А времени на поиск другой девочки уже не оставалось, слишком они тогда затянули, и росток шипоцвета в сердце кая не просто прижился — он побеги пустил. Еще

чуть — и было бы поздно, никакими слезами и никакой кровью не вытравишь, даже горячей.

Позже, когда все обошлось и паника отступила, Керелинг гадал, была ли та девочка так уж глупа и нерешительна на самом деле — или просто знала цену своему каю, потому и не спешила забирать такое сокровище?

Как бы то ни было, случившееся послужило хорошим уроком. Больше Керелинг никогда не затягивал. А станции поддержки сделал постоянными, позже добавив к ним и наполненные всякими полезными штучками карманы-захоронки по наиболее вероятным маршрутам...

Керелинг шел по дорожке все медленнее и медленнее. В двух шагах от арки в небольшой павильон и вовсе остановился.

Павильончик выглядел ледяным фонариком или резной шкатулкой со светлячками внутри. Маленький и изящный, он ничем не напоминал монументальную величавость дворца. Дворец — он для кая и праздников, а здесь Королева жила. И восхитительный запах ее кружил голову, легко проникая сквозь ажурные стены.

— Все в порядке, моя Королева? — спросил Керелинг негромко, — Ты сыта?

— Да, мой Керелинг. Входи.

Ритуальный вопрос — и не менее ритуальный ответ. Голос спокойный и удовлетворенный. И — да, кажется, — сытый голос.

Керелинг осторожно поклонился и не менее осторожно вошел, гадая — сумеет ли он вовремя понять и отпрыгнуть, если вдруг когда-нибудь сказанная Королевой ритуальная фраза окажется ложью.

Королева сидела за столом-фонариком — прозрачная столешница толщиной в полтора-два

локтя была пустотелой, и внутри нее роились мелкие световые бабочки. Очень удобно, когда собираешь витраж, а Королева занималась именно этим. Двигались только пальцы — метались над столом, длинные острые ногти выбивали стремительную дробь, сдвигая разноцветные льдинки, узор на глазах рос и ширился. Белое лицо прекрасно, как всегда, и, как всегда, неподвижно, улыбка безупречна, в прозрачных глазах мелькают разноцветные отблески, волосы подняты вверх и заморожены прической-короной так, что даже ушей не видно. Она вся была такой — застывшей и стремительной. Керелинг всегда восхищался своей Королевой. Но иногда предпочитал бы восхищаться ею издалека.

Королева была огромна — даже сейчас, когда она сидела, Керелингу приходилось смотреть на неё снизу вверх.

— Как результаты, моя Королева?

— Прекрасно. — Острый серебристый язычок быстро облизнул белые губы, улыбка стала чуть более довольной.

— Слепок для галереи готов?

— Конечно. Можешь забрать.

Слепок так себе. Рядовой. Так ведь и в кае этом ничего особенного. Его корабль — другое дело, красивый был кораблик, жаль, что разбит сильно и в украшения сада никак не годится. И название красивое — «Синяя чайка». А в самом же кае — ничего примечательного. Обычный мужчина, три ноги, шесть рук, капитанские нашивки на кителе.

Вживую Керелинг его не видел — как и всех прочих каев. Это слишком опасно, общаться с каями может только Королева, да и то через одну из Принцесс, еще не обретших разум. А с ними так легко ошибиться, с Принцессами. Подготовишь

слишком много — и сам не заметишь, как одна из них успеет обрести ненужное, и победит — молодые всегда побеждают. И не успеешь ты оглянуться, как окажешься под властью новой Королевы. Далеко не все старые Королевы умеют вовремя осознать опасность и кинуть клич «Мы улетаем!», они и летать-то в большинстве своём давно разучились. Молодые же Королевы прожорливы и агрессивны, Керелинги при них долго не живут. А если наоборот, тоже ничего хорошего. Принцесс мало или кай попадетса активный — и вот уже у прежней Королевы новый Керелинг...

Но сейчас все нормально — в стену вмуровано только двенадцать уже начавших закукливаться фигур, а подготовлено было шестнадцать. Королева действительно сыта. Можно расслабиться.

Феромоны кружили голову.

Двенадцать куколок. Даже если из каждой вылупится всего по три малька — все равно очень неплохое прибавление. Но три — это минимум, Принцессы были хорошие, упитанные, можно смело рассчитывать на четырех от каждой.

— Спасибо, моя Королева. Я пришлю за трофеем.

Завтра откроют окно между мирами. И сотни юношей выстрелят иглами шипоцвета — в небо, в молоко, в непрозрачный туман междумирья. Никому неизвестно, сколько они будут лететь, эти зеркальные и тонкие до невидимости иглы-семена, зачарованные на живое. Никому неизвестно, куда они попадут, если попадут вообще. Большинство поразит неразумную цель — и не прорастет. Но какой-то части должно повезти. Так всегда было. Так всегда будет.

И проклянется росток, и сок шипоцвета проникнет в кровь, и человеку захочется

странного — или не человеку, но какая разница, все равно ведь захочется. И будет мерещиться ему даже наяву серебристая паутина ветвей на фоне черного неба, прозрачные острые шпильки и льдистые купола. И глаза цвета весеннего льда, обманчивого и коварного.

И будет новый брачный полет Королевы в поисках нового кая.

Так было.

Так будет.

ЗАПЕРДОЛИТЬ ДЖИ

РАССКАЗ

— Ты что творишь, поганец?!

Мощный рык Ирхита-абу далеко слышен под гулками сводами технической зоны. Ким вздрогнул и обернулся, пряча сигарету в ладони — курсантские привычки живучи. Конечно же, никакого полит-эфенди не было на верхней галерее. Да и не могло быть — выход сюда только через зал связи ЦУПа, а там сейчас такой нервяк, что все разумные предпочитают держаться подальше. Просто в ангаре хорошая слышимость, особенно сейчас, когда ни один из шумных вспомогательных агрегатов не работает. Интересно, кого на этот раз — и на чём? — поймал неукротимый наставник, прозванный курсантами Ифритом-абой не только за громкий голос.

— Да как ты мог написать такое? И где?! Червивая твоя душа, несчастье наставников и горе родителей! А если бы из чужих кто увидал? Позор на всю галактику! Да ты хоть понимаешь, паскудник, что на самом деле означает твоя пачкотня?!

Ким поморщился, облокотился о перила и снова включил сигарету. Затянулся. Вишнёво-ментоловый микс показался безвкусным и неприятным, словно по ошибке сунул в рот антиквариат из настоящей бумаги, набитый вонючей канцерогенной дрянью. Голос эфенди доносился откуда-то снизу, самого его видно не было, как и незадачливую жертву, но Ким уже потерял к ним интерес — он понял суть преступления. И от этого

понимания к горлу подкатывала горечь, портя любимый вкус, и бесполезно щелкать переключателем, меняя настройки одобренного Минздравом электронного миникальяна.

Не поможет...

«ЗАПЕРДОЛИМ ДЖИ!»

Этой паскудной надписью пестрел весь город. Баллончиками на стенах, маркерами по стёклам монора, плакатами на стендах, официальными растяжками поперёк улиц. Оскорбительная фраза с лёгкой руки Дёмыча стала девизом Проекта. А ведь могла бы оказаться и позором на всю галактику — если бы понял кто. Хуже, чем просто позором. Пресса может сколько угодно врать о великом триумфе и вселенском равноправии, а на самом-то деле ничего пока ещё не решено, не случайно и присланные Федерацией Наблюдатели именно наблюдателями называются, а не посланниками, в такой ситуации любая мелочь...

Пачкотня так и не пойманного идиота могла обернуться катастрофой. Бомбой, взорвавшей единственный путь для землян в Большую Вселенную.

Потому что космос открыт для всех, но в Свободной Федерации Миров нет места ксенофобам.

Землянам повезло дважды — никто из посланных Федерации Наблюдателей не был знатоком земного жаргона. А среди встречающихся оказался Дёмыч... Так что не прав Ифрит-абу, не случится ничего плохого, даже и увидь чужие — теперь уже не случится. Примут за ещё одну социальную рекламу. А ведь Дёмыча поначалу и брать не хотели, неблагонадёжен, мол. Намазы сроду не творил, даже когда наверху, насмешки себе

позволяет всякие, да и вообще болтает много. Но Король Лёва сказал: «Дёмыч будет!» Он, мол, сам для нашей Жемчужины ракушку делал, и если вдруг что не так пойдёт... Полит-эфенди поворчал, да и отступился, потому что слово Короля Лёвы — закон. Но не успокоился, ворчал и поглядывал намекающе.

Ну и где бы был наш разлюбезный Проект, если бы не Дёмыч с его неумением держать язык за зубами?

«Напьюсь — подумал Ким, наваливаясь грудью на перила, прижатый желудок меньше ныл. — Вот ведь паскудство, к звёздам летаем, а язву толком лечить так и не научились... Если все пройдёт штатно, Аллах свидетель, завалюсь в какую-нибудь курильню и напьюсь». Он наудачу скрестил пальцы и поднял голову, с тоской разглядывая сводчатые перекрытия, недавно выкрашенные в веселенький розовый цвет.

— Так и знал, что ты здесь!

Ким не стал оборачиваться. Если бы что-то случилось — голос Али не звучал бы так жизнерадостно. Значит, ничего срочного, просто пообщаться пришёл. Новостями поделиться. И новости — не плохие, а это главное.

По галерее протопали тяжёлые шаги, перила дрогнули и жалобно заскрипели — Али подошёл почти вплотную, навалился на ажурную ограду всей двухсоткилограммовой тушей. Протянул длинную руку — очевидно, хотел ободряюще стукнуть Кима по плечу, но в последний момент передумал. Или вспомнил, что не все выдерживают его дружеские похлопывания, Ашотику из аналитического как-то два месяца в гипсе отходить пришлось. С тех пор Али осторожен и

деликатен. Вот и сейчас ограничился лишь тем, что треснул чёрной лопатообразной ладонью по перилам и оскалил в радостной улыбке крупные жёлтые зубы.

— Не мандражуй. Отлично идёт твоя девочка! Штатно идёт.

Ким с деланным равнодушием дёрнул плечом. И тут же не удержался, спросил:

— Где?

Хотя и так понятно: если отступлений от хронометража нет, то четыре минуты назад пошёл второй виток. Половина пути пройдена, но впереди самое сложное — отстыковка спутника, выход в открытый космос, имитация прицельного распыления и предпосадочная ориентировка модуля. И всё это должно быть сделано вручную, чтобы у наблюдателей не осталось ни малейших сомнений: пребывающая в модуле Жемчужина — настоящий пилот. Обученный, тренированный, обладающий всеми правами и обязанностями. Не безропотный груз, не кукла, заброшенная на орбиту хитрыми землянами и натасканная, как отвечать по связи, пока всё за неё делает автоматика.

— На второй виток пошла. Сейчас биомедтехнику отстыкует, и на прогулку. Если без неожиданностей — то минут через девять, там возникнет немного.

Вот именно что — если без неожиданностей...

— Да не может там быть никаких чрезвычайек, двести раз всё перепроверено! — Али словно подслушал крамольную мысль. — Себе можешь не верить, мне — верь! Мы с ребятами там всё облазили, каждый узел по десять раз прозвонили, и не как обычно, а по-старинке, с разноцветными бантиками... Что хмыкаешь? Самый, между прочим, надёжный способ ничего не пропустить! У

каждого — ленточки своего цвета, первый проверяет узел и вяжет бантик, что всё, мол, в порядке. Второй перепроверяет и вяжет свой бантик. И так десять раз! Плюс тоекратная система дублирования каждого долбанного проводочка, каждой трижды грёбаной платы! Нечему там ломаться.

Али тоже на взводе, вон как тарахтит, себя самого убедить пытается. Слишком много зависит от успеха сегодняшнего запуска, чтобы не волноваться. Да, проверено всё, что только можно проверить, и предусмотрены тысячи ситуаций — вполне вероятных, возможных, почти невозможных и даже совершенно практически невозможных. Но предусмотреть всё способен лишь Аллах, а люди склонны ошибаться. Да и в чём вообще можно быть уверенным, когда имеешь дело с джи?

Впрочем, люди тоже порою не лучше.

* * *

В тот ужасный день, только чудом не завершившийся для Земли катастрофой, Киму тоже казалось, что предусмотрено всё. Даже ангар переделали — кто-то из аналитиков обнаружил, что серый цвет может быть неприятен дзелкингам при каких-то особых обстоятельствах. Что это за обстоятельства, объяснить аналитики так и не смогли, и ни один из дзелкингов не собирался лично присутствовать, ограничившись наблюдением с орбиты, но на всякий случай решили не рисковать. И теперь бункер напоминал филиал детского сада — розовые потолки, голубые и зелёные стены, жёлтые столешницы, радужное многоцветье приборных панелей.

О чужих изучили всё, что только сумели раздобыть. Официальная информация, исторические

документы, учебные пособия тех рас, чья молодежь не получала знания каким-либо иным образом — и художественные произведения тех, у которых было развито хоть что-то, пусть даже и весьма отдаленно напоминающее литературу или кино. Нормы приличия рас Наблюдателей так и вообще распечатали и раздали всему персоналу вплоть до уборщиков — для зубрежки. И проверяли потом. Кима, например, хоть среди ночи разбудит — отбарабанит, что с иутами ни в коем случае нельзя заговаривать первым, а райрам — желать доброго здоровья. Была написана и десятки раз выверена аналитиками речь — обтекаемая, гладенькая, не способная никого оскорбить, но в то же время выгодно подчеркивающая земную толерантность. Первую встречу вообще провели на новодельфском космодроме, и даже очередную «качатку» запустили вне графика, чтобы только лишний раз продемонстрировать совместную работу представителей разных разумных видов.

Единственное, чего они тогда не предусмотрели, так это идиота с баллончиком.

Правильно говорят старики: хочешь рассмешить Аллаха — расскажи ему о своих планах.

* * *

— Ни в чём нельзя быть уверенным, когда имеешь дело с джи.

— Ты вечно преувеличиваешь. С дельфинами же нормально прошло!

— Они — не дельфы, пойми. И не шимпы. Они слишком похожи на нас. Из-за этой похожести легко забыть, что они не люди. И логика у них иная, нечеловеческая. Я никогда не мог понять, о чём они думают...

С дельфами основная сложность была в разработке скафандра, а дальше уже всё пошло как обычно. Это сейчас на предназначенных к дальним перелётам «каساتках» есть бассейны с искусственной гравитацией, а поначалу ничего подобного и не планировалось, слетал, отработал — и обратно, а пару дней можно и в скафандре перетерпеть. И дельфы не возражали, они вполне нормальные ребята и правильно всё понимают. Чего не скажешь про джи.

Ким вспомнил свои занятия с отобранной группой, их странные изящные тела, такие похожие и непохожие одновременно, тонкие и гибкие руки, находящиеся в непрерывном движении, высокие щебечущие голоса, постоянные пересвистывания, перещёлкивания, переглядывания. Они ни секунды не могли усидеть на месте, и молчать они тоже не могли — всё время двигались, вертелись, пересмеивались звонкими птичьими трелями. Они странно одевались — казалось, в этом переплетении многослойных полупрозрачных паутинок, ленточек и перьев невозможно передвигаться, но они как-то умудрялись, причём довольно уверенно.

А еще они пахли.

Запах не был неприятным — скорее, наоборот, что-то лёгкое, сладковато-цветочное, еле уловимое, будоражащее...

Даже сейчас, при одном только воспоминании об этом запахе кожа покрылась мурашками, и заныли зубы. Кима передёрнуло.

Нет.

Никогда больше!

Никогда больше он не даст себя уговорить, пусть другие их обучают, а с него хватит.

Это же просто выше сил человеческих, целыми днями быть рядом, но держаться на расстоянии.

И помнись, всё время помнись, что они — не люди, и если поддашься магии запаха, голосов и движения — просто сойдёшь с ума, как сошли уже многие, кому по долгу службы приходилось часто общаться с джи, и кто не сумел удержаться на расстоянии.

Конечно же, сами джи ни в чём не виноваты, просто очередная насмешка Аллаха, создавшего их такими привлекательными для людей — и такими опасными. Но можно понять предков, объявивших их исчадьями ада. Хорошо ещё, что не истребили полностью, как собак, когда научные достижения позволили обходиться без вынужденного симбиоза. Предков можно понять, им даже и в голову не приходило, что космос должен быть открыт для всех, в том числе и для джи.

— О! — воскликнул Али, раздувая ноздри. — Твоя Перлита сейчас гулять пойдёт. Пошли, глянем!

Ким обернулся, посмотрел встревоженно. Но Али особой торопливости не проявлял, просто отлип от перил и теперь миролюбиво ждал, ссутулившись и почти касаясь бетонного пола пальцами длинных рук. Вроде бы никаких признаков волнения, только вот ноздри по-прежнему расширены.

Али — из новошимпов последнего поколения, у них сильно развита интуиция, даже по сравнению с исходным видом. И расширенные ноздри — естественная реакция организма на неосознанную тревогу. Рефлекс, своего рода атавизм, вроде бы и ненужный уже, но сохранившийся.

Если новошимпа последнего поколения что-то тревожит, лучше пойти проверить.

Дверь в зал связи была кодовой, дань паранойе и маразму. Ну откуда здесь, на тупиковой смотровой галерее, превращённой сотрудниками в курилку, взяты посторонним? Так нет же — будь любезен предъявить ДНК и на входе, и на выходе.

Ким не стал плевать на карточку, как это сделал Али, просто потёр её пальцами. Микрочастиц кожи вполне достаточно. Дверь, подумав немного, снисходительно убралась в стену. Нежно-голубенькую такую, припахивающую свежей краской.

В центре управления оказалось довольно спокойно — во всяком случае, не более нервно, чем обычно. Народ, конечно, напряжён, но по-рабочему так, деловито. Голоса несколько повышены, но истерики в них не слышно. Вон и Дёмыч из угла улыбается и кивает на большой экран — всё в порядке, мол.

Он всегда улыбается, такой уж он.

Он улыбался и тогда, когда суставчатая хватательная конечность младшего райра протянулась в сторону кривой надписи на стене дежурки, а голос из автопереводчика благожелательно поинтересовался:

— Это что? Понимать как?

* * *

Оба райра оказались чудовищно любопытными, но младший особенно. Все восемь его верхних конечностей постоянно указывали то на одно, то на другое, сопровождаясь неизменным:

— Это что? А это? Что?

Если что-то в ответе казалось ему непонятным, украшенная длинными шипами птичья голова склонялась к левому или правому плечу, круглый глаз на секунду затягивался мутной плёнкой, и тут же следовало уточнение:

— Понимать как?

И приходилось повторять всё сначала — но уже другими словами, стараясь говорить медленно и чётко.

Может быть, остальные Наблюдатели были такими же приставучими занудами, но этого Ким не знал, поскольку младший райр полностью поглотил всё его внимание. Имя похожей на карликового слона птички звучало в неразличимом для человеческого уха диапазоне, а из перевода понятным оказалось лишь слово «младший». Ким так его для себя и окрестил: «младший райр».

И объяснял, стараясь не выдавливать слова сквозь зубы, что да, они сейчас проезжают мимо памятника тёмным векам. Тогда на этом месте находилась резервация для джи, времена были трудные, к джи относились плохо, считали вампирами, высасывающими из людей жизненную силу, и потому содержали в специальных заведениях (видите, мы не скрываем!) Да так и понимать — джи тогда были совершенно бесправны, не то, что сейчас, их могли купить, продать, держать дома или выгнать на улицу, если поведение джи чем-то не устраивало хозяина. Как кошек... Кошка — это зверёк такой. Домашний, многие любят. Нет, не разумный. А джи — разумные, мы это признали давно, но тогда были тёмные века, совершалось много ошибок. Сейчас всё совсем не так, вот, посмотрите, мы как раз выезжаем на границу... Это птица. Нет, она неразумна, просто летает. Это граница с территорией джи, разделение пока ещё существует, но оно далеко не такое жёсткое, как было раньше... Да, это они, видите, совершенно спокойно ходят и по нашей части города, в тёмные века подобное было бы невозможно, а сейчас... Это дерево. Ну, дерево, растение такое... Это мячик. Игрушка. Это

намазхолл, там на рассвете люди собираются, вам потом эфенди лучше объяснит... Это степь. Трава. Нет, она не разумная, просто растёт. Это завод, он далеко и почти весь под землёй, поэтому и кажется таким маленьким, там топливо делают для наших ракушек. Это? О, а это мы уже приехали! Это цветы, ими гостей встречают, обычай такой...

Они уже выгружались из спецавтобуса, и Ким был так рад окончанию все нервы вымотавшей экскурсии, что не сразу понял, почему вдруг так побледнел обернувшийся к нему Король Лёва. Король смотрел куда-то мимо Кима, чуть выше плеча, медленно круглея глазами.

— Это что? — благожелательно спросил младший райр. — Понять как?

И ткнул суставчатым двупальцем туда, куда смотрел Король.

Вот тогда-то Ким и обернулся, ничего ещё не понимая. И обмер, увидав на стене будочки дежурного кривую надпись: «Запердолим джи!»

Это был конец.

Можно хоть до посинения доказывать, что люди стали другими, что времена дискриминации и рабства в прошлом, но два напшиканых каким-то уродом слова перечёркивают все доказательства. И мысли сразу понеслись куда-то в сторону — Ким понял, почему надпись не заметили ранее: при закрытых створках тыльная стена дежурки почти вплотную прилегает к воротам, остается щель сантиметров десяти, а обе створки целиком открывают редко, лишь по таким вот торжественным случаям, обычно одной лишь левой пользуются, и дежурка остается под прикрытием, она же справа расположена...

Это конец...

— Это наш слоган. Правда, хорошо получилось? Дёмыч стоял и улыбался, спокойно так, словно ничего особенного не происходит. Посматривал то на любопытных чужих, то на надпись, и выглядел при этом таким довольным, словно это он сам её сделал и теперь любит впечатление.

— Понять как? Что есть слоган?

— Девиз нашего Проекта. Джи — это сокращение от их самоназвания. А запердолим... это такое слэнговое, труднопереводимое... ближайшие аналоги одного из значений — закинем, забросим, вытолкнем.

Райр по-птичьи склонил шипастую голову, словно прислушиваясь. Уточнил:

— Есть другие?

— Конечно! — Дёмыч улыбался по-прежнему, глядя на райра честными глазами. — Доставим, так сказать, всеобщее удовольствие.

Самое главное, что он не соврал — ложь райры чувствуют. И очень не любят.

* * *

Сейчас один из райров восседал в огромном кресле у стены и зорко бдил, поворачивая голову на тонкой шейке то влево, то вправо. Больше чужих в ЦУПе не было — оба дзелка взирали с орбиты, йо и второй райр дежурили на посадочной площадке, а где обретались прочие, Ким не знал, да не очень-то и стремился узнать. Ему и одного райра вполне...

— Красиво, правда?

Али смотрел на большой экран, где упакованная в неуклюжий серебристый скафандр фигура неторопливо выдавливала себя из овального люка на чёрный бархат открытого космоса.

Спиралевидный модуль действительно напоминал морскую раковину. Да и шарообразная астронавтиха в отливающем перламутром скафандре вызывала однозначные ассоциации, так что назвавших её Жемчужиной можно понять. Свои-то имена у джи вообще кошмарны — эту, например, Лапусиком звали. Конечно же, нельзя было допустить, чтобы первый космонавт-джи вошла в историю под таким именем. Когда стало понятно, что эта опережает прочих на порядок — имя поменяли. Задним числом оформили новые документы, и теперь она везде проходила как Жемчужина. Слишком помпезно, кто спорит, но Лапусик-то и вообще ни в какие ворота!

Серебристая фигура меж тем разогнулась, слегка оттолкнулась от борта модуля и поплыла к выносной консоли с распылителями. За ней тянулись пуповины тросов и кабелей, Ким отметил, что их количество удвоено. Ну да, конечно, мы за безопасную показуху.

Жемчужина достигла консоли и остановилась, ловко использовав ранцевый выхлоп. Умничка. Теперь закрепиться, вот так, правильно, двойная крепёжка для гарантии. А теперь достаём ключик и снимаем крышечку...

Ким поймал себя на том, что проговаривает её действия чуть ли не вслух, представил, как выглядит в круглых выпученных глазах всё подмечающего райра, и смутился. Краем глаза он продолжал следить за действиями на экране, но старался не увлечься. Тем более, что пока там всё шло по плану. Жемчужина сняла защитный кожух и установила трафарет, после чего закрепила его, используя все инструменты по очереди. Тоже показуха, конечно, всё можно сделать одной кувалдой, но мы же не дикари...

Крепёж возвращён и проверен, все инструменты рассованы по надлежащим кармашкам, клапаны защёлкнуты. Фигура неловко поворачивается лицевой пластиной к камере, делает отмахку левой рукой и начинает потихоньку подтягивать себя обратно к люку.

Ким судорожно вздохнул. Стрельнул настороженным взглядом по лицам коллег — понял ли кто? Все смотрели на экран в прежнем напряжении, но при этом ни возмущения, ни оторопи, ни даже простого удивления не выражал никто. Дёмыч скалился из своего угла, рядом сопел Али, раздувал ноздри, но молчал.

Может быть, показалось?..

Фигура уже до пояса скрылась в люке — по-старинке, ногами вперёд, ей ведь модуль специально выбрали старый, проверенный, по-другому влезть в него и не получится, зато никаких неожиданностей. Вот она погрузилась по грудь, над поверхностью модуля видны только руки и шлем, вот левая рука взмывает в прощальном салюте, и джи проваливается в люк полностью, вот на место встаёт заслонка...

Не показалось.

Перчатки у скафандра высшей защиты толстые, неудобные, пальцы раздуты и сгибаются плохо. Но при прощальном взмахе было отчётливо видно, что на махавшей руке до конца распрямлён лишь один палец — средний, а остальные слегка поджаты в древнем и совершенно недвусмысленном жесте.

Ким быстро огляделся.

Похоже, заметили далеко не все — лишь сверкал глазами покрасневший юнец из аналитиков, да хмурился и жевал губы замолкший на полуслове

Король Лёва. Остальные увлечённо занимались своими делами — бубнили в микрофоны, выясняли что-то, щёлкали тумблёрами, а на большой экран если и поглядывали, то лишь со вполне объяснимым любопытством. Король же смотрел настороженно.

Али вдруг хихикнул.

— Молодец девчонка! Не теряется. Была бы из наших — эх, я бы её по возвращении...

Он, похоже, успокоился окончательно, и ноздри больше не раздувал.

Вот и правильно.

Ничего особо страшного не случилось. Ну, пошутила девочка. Грубо пошутила, кто спорит. Но поставь себя на её место — небось, ещё и не так пошутить захочется! Ничего фатального, просто выразила своё о вас мнение, вот и всё. Райр наверняка ничего не понял, до большинства земель не дошло, куда уж этой слоноптичке! Сидит вон в своём кресле, поглядывает благосклонно, шипами кивает да клювом пощёлкивает.

Осталось меньше сорока минут. Сейчас будет показательное распыление, потом ориентация и посадка. Хотелось курить, но Ким решил ещё немного понаблюдать, как разворачивается модуль, вытягивая раздвижную консоль с раструбами. Над солнечной стороной это выглядело красиво, словно у ракушки вдруг выросло веерообразное крыло.

Вообще-то, это тоже было показухой. Проект освещения ночной стороны планеты при помощи искусственно созданных в верхних слоях атмосферы серебристых облаков давно отвергли как экономически невыгодный, и новые модули больше не оснащали баками и консолями распылителей. Уже лет десять. Но этот модуль был

как раз тех времен, когда носились с созданием облачного зеркала и превращением ночи в день. Вот и решили воспользоваться, тем более, что зрелище это эффектное, пусть чужие полюбуются. Ким тоже захотел лишний раз полюбоваться, а потому и увидел.

Как дрогнул модуль, когда из раструбов распылителя ударили серебристые струи, а с противоположной стороны заработал компенсаторный движок, удерживая задержавшуюся ракушку на месте.

Как схватился за сердце бледный до синевы Король, прислонился к стене и начал вдруг сползать по ней.

Как кинулся к нему медик и — почти одновременно — почему-то ребята из охраны, а молоденький аналитик всё кричал что-то непонятное, и рвал на себе волосы, пока Ашот не залепил ему пощечину.

И как щёлкал клювом райр в своём углу, до предела вытянув длинную шею, чтобы лучше видеть поверх мечущихся людей происходящее на экране...

* * *

Ким не помнил, чья это была идея, устроить на этот раз не просто показательное создание никому ненужного, но красивого облачного зеркала, а ещё и прогнуться перед чужими, распылив реагент структурированно, через специальный трафарет, а не стандартными полубесформенными блямбами, как это раньше делалось. Чтобы воссияло над всей планетой воззвание Федерации, их основное требование: «Открытый космос для всех».

Трафарет изготовили немного косым, аналитики рассчитали, что именно при такой форме начальных струй достигшие верхних слоев атмосферы буквы будут выглядеть с земли наиболее ровными и правильными.

«Открытый космос для всех» — лишнее подтверждение толерантности землян и их готовности к сотрудничеству. Четыре слова должны были читаться практически на всех широтах северного полушария и светить несколько ночей, пока окончательно не рассеются.

Но сейчас слов было два — их контуры отчётливо проступали на фоне ночной стороны планеты, перевёрнутые, правда, и под не слишком удобным углом видимые с орбиты, но наверняка очень хорошо различимые с поверхности Земли. Слов было два, и второе — намного короче первого, словно состояло оно всего из двух или трёх букв.

Хочешь рассмешить Аллаха...

* * *

— Почему ты сразу предполагаешь самое худшее? Может, они просто пошутили? В ответ! Они же не могли не видеть... ну вот и поддержали шутку. Они пошутили — мы посмеялись, деловито... Смех — первый шаг к пониманию...

Али стоит рядом, голос у него несчастный. Он и сам не очень верит тому, что говорит, но ему нравилась Жемчужина, и смириться с её предательством непросто. А кому, скажите, она не нравилась, эта подлая джи по имени Лапусик?

— Как она смогла протащить? — шипит Ким сквозь зубы, крепко стискивая перила пальцами. Если сжимать очень сильно — руки почти не дрожат. Резь в желудке постепенно отпускает,

давно пора, Ким только что высосал двухдневный запас анестезирующего геля. — Как она смогла протащить трафарет, её же обыскивали? Она же последний месяц была в карантине, никаких контактов и постоянное наблюдение!

Али сопит виновато, словно это именно из-за его недосмотра подлая джи сумела так ловко плюнуть с орбиты всем землянам в лицо.

— Понимаешь, Кимри, там такое дело... внутренняя obsлуга карантинa для этой группы... она ведь целиком из джи состоит. И досматривали её они же...

Вот оно как, значит.

Не просто безумная одиночка. Заговор.

Зачем?! Им что, космос совсем не нужен? Ну ладно, может быть, и не нужен, пусть, но пакостить-то зачем?!

Желудок опять скручивает, но на этот раз не так сильно, и внутренности больше не пытаются выбраться наружу — гель начал действовать. Приступ удаётся переждать, просто глубоко дыша.

Глупо задавать вопросы. Они джи. И этим всё сказано. Их логику не понять ни одному нормальному человеку, а если кто вдруг попытается — перестанет быть нормальным.

— Да не переживай ты так, Кимри! Наблюдателям всё объяснили. Они поверили, что мы тут не при делах, просто джи пошутили, и всё. Внизу столы накрыли уже, пошли! Скоро трансляцию начнут...

На противоположной стене ангара техники действительно уже почти закончили монтаж экрана, и теперь настраивали звук и угол поворота, чтобы голограмму было одинаково хорошо видно со всех углов превращённого в банкетный

зал Ангара. Скоро начнётся трансляция, а потом сверху доставят эту дрянь, народную героиню, первую джи, побывавшую в космосе не в качестве пассажира. И надо будет ей улыбаться, и праздновать, и делать вид, что рад — а при этом ни на секунду не забывать, что из-за её паскудной выходки ничего ещё не решено. Из-за её дурацкой проделки землян вполне могут и не принять в Федерацию Свободных Миров. А, значит, не будет никакого дальнего космоса, открытого для всех, кроме ксенофобов...

— Я лучше здесь постою.

— Ну и как хочешь! Держи вот тогда, не давься своей бурдой всухую! — буркнул Али напоследок, ставя к ногам Кима булькнувший пакет. И быстро потопал к выходу с галереи.

В пакете обнаружилась куча бананов и две банки пива. Закуска, конечно, специфическая, но Али есть Али. Ким достал банку с перечёркнутой виноградной гроздью на этикетке и пропечатанной мелкой вязью сурой из Корана. Сура была какая-то смутная — об уважении.

Вообще-то, алкоголь законом вроде как бы запрещён, и эфенди не уставал напоминать об этом при каждом удобном и неудобном случае, но тут имелось целых четыре «но».

Во-первых, перебродившего виноградного сока в пиве не содержалось, что подтверждала этикетка, пророк же, если дословно цитировать, запрещал к употреблению именно его. Во-вторых, всё, что происходит под землёй, по определению скрыто от взора Аллаха, потому и курильни с запретным в подвалах располагаются, а трудно найти подвал более глубокий, чем их бункер. В-третьих, воинам и путешественникам всегда полагались послабления, и по части намазов, и по

всем прочим частям. Ну и в-четвёртых, как любит повторять Али, — Аллах не фраер!

Ким вскрыл банку, но пить не стал — не хотелось, да и желудок всё ещё ныл. Просто ему нравился запах пива. Хлопнула дверь, и по галерее снова забухали тяжёлые шаги. Похоже, Али не выдержал долгой разлуки с бананами и решил вернуться. Техники как раз включили экран — сначала он был полупрозрачный и шёл радужными полосами, но постепенно настроился, картинка прояснилась и стала чёткой. Показывали центральную площадь Шахи, золочёную арку Ворот Славы и зелёную ковровую дорожку, по которой предстояло пройти сегодняшней героине. Толпа волновалась за оцеплением и сдержанно гудела — сначала Ким принял её гул за гудение аппаратуры, но тут же опомнился — чтобы здесь кто-нибудь позволил экрану настолько разладиться?

Первая всепланетная трансляция в реальном времени, между прочим. Надо бы радоваться. И с Королём вроде всё обошлось, медики приступ купировали и говорят, что до инфаркта дело не дошло, а им можно верить, ребята правильные, зря врать не станут.

Радости не было.

Скрипнули перила рядом — Али опять навалился на них всей тушей. Повздыхал, посопел, переступая с ноги на ногу. Наверняка не мог понять кимова поведения — держит банку в руке, но не пьёт. Сам Али никогда такой нерешительностью не страдал. Усмехнувшись, Ким развернулся и протянул ему вскрытую банку.

Он хотел сказать что-нибудь весёлое, какую-нибудь старую шутку — Али их обожает, просто сам не свой до бородатых анекдотов. Но слова

застряли в горле, а рука замерла, не довершив движения — Али на галерее не было. А рядом с Кимом, опираясь всей слоновьей массой на жалобно поскрипывающие перила, сопя, вздыхая и перетаптываясь, стоял райр.

Ким замер с вытянутой рукой. Он никак не мог вспомнить, можно ли предлагать райрам что-либо — или это является смертельным оскорблением.

Райр вывернул голову набок, разглядывая одним выпуклым глазом протянутую ему банку, другим самого Кима. Щёлкнул клювом.

— Алкоголь, — донеслось из коробочки универсального переводчика, висящей у основания длинной шеи. — Запрет. Символ дружественности. Лёгкий алкоголь — лёгкий запрет. Мужчины совершают запретное действие совместно — и становятся друзьями. Я не пью алкоголь, и я не мужчина в вашем понимании этого слова, но символика мне понятна. И принята с уважением.

Или это был не тот райр, что доводил Кима всю дорогу от дельфийского космодрома однотипными вопросами — или за прошедшие два дня он умудрился существенно расширить понятийно-языковую базу своего переводчика.

Или же тогда он просто притворился...

Зачем?

У Кима зашумело в ушах. Райр смотрел с интересом, поворачивая голову то вправо, то влево. Снова пощёлкал клювом.

— Волнения излишни, два образумленных вида говорят сами за себя. Нам просто было... заинтересованно. Интрига. Зачем? Обычно молодой разум не терпит конкурентов даже в соседних мирах, а тут... Четыре разумных вида на одной планете. Вам не тесно?

— Не знаю... — Ким осторожно поставил банку на перила. — Я не специалист. Вы бы лучше кого из наставников спросили, я же просто пилот-испытатель, меня в учителя временно...

— Вы продолжаете волноваться. Почему? Информация была искажена? Воспринята неправильно? Говорю снова — решение принято. Вас можно поздравить. Всех вас — людей, дельфов, шимпов и джи. Вы приняты. Скоро об этом объявят официально.

Восторженный рёв толпы на площади перекрыл последние слова райра — показался заваленный цветами спецавтобус. Он медленно полз по краю трассы вдоль волнующегося человеческого моря, а с ближайших домов на него продолжал сыпаться цветочный дождь. Ким вцепился в перила — ноги держали плохо. И понял, что улыбается, провожая автобус взглядом.

Получилось.

Значит, не зря он столько мучался со своей группой, если даже несмотря на выходку этой дуры всё получилось...

— Вы не любите джи, — сказал райр, глядя на Кима левым глазом, и это был не вопрос, а утверждение. — Не любите, но учите. Помогаете. Признаёте равными. Поговариваете о возвращении симбиоза. Почему? Уничтожить проще.

— Не люблю, — подтвердил Ким легко и радостно. — Но они же не виноваты, что не люди. А возобновление симбиоза — это навряд ли, это политики что-то там совсем намудрили. Никто на это не пойдёт. Мы слишком разные.

— Вы их боитесь, — на этот раз прозвучало почти вопросом. Киму стало смешно.

— Ага!.. До джинчиков. Ну и что?

Какое-то время они молчали, только райр пощёлкивал клювом что-то непере译имое и разглядывал человека по очереди то левым, то правым глазом. Автобус медленно тащился сквозь цветочный дождь, люди кричали восторженно.

— Возможно, в этом всё дело, — райр щёлкнул клювом как-то особенно решительно. — В разрыве симбиоза. Родительское чувство. Новый разум, разум-ребёнок... Продолжатель. Я понимаю.

Внизу кто-то пытался произнести речь, но его перебивали взрывами хохота.

— У меня есть реализованный несовершеннолетний потомок, — сказал райр, помолчав. — И ещё трое вероятных. А у вас есть дети?

— Двое.

— Кто за ними следит, пока вы учите джи?

— Брат. У него нет своих, вот и приглядывает за племянниками.

— Разумно устроено. Мой у побочных родителей. Тоже разумно.

Автобус всё полз вдоль площади со скоростью ленивой улитки. И словно бы даже не приближался к зелёной ковровой дорожке.

— У нас были сомнения, — сказал вдруг райр. — Серьёзные сомнения. Два образумленных вида — это, конечно, важно, но джи... И ещё этот слоган. Ваш коллега был с нами не до конца откровенен. Понятно и объяснимо. Дело не в этом. И даже не в глаголе, хотя он может иметь негативный и уничижительный смысл. Дело в определении. Оно не от самоназвания изначально произошло. От ругательства. Джеляб. Было у вас когда-то такое ругательство. Очень грязное. Так ваши предки называли предков тех, кого вы сейчас зовёте джи. Не знали? Вы молодой, могли и не знать. Но мы — Наблюдатели, и мы не могли не проверить.

Не подготовиться. К тому же вы слишком близки. Почти едины. И такой негатив... Вам знакомо понятие шизофрении?

Райр снова защёлкал клювом, и Ким вдруг понял, что чужой так смеётся.

— Космос открыт для всех, да. Но не для тех, кто хочет его лишь для себя. Очень неприятно. Детская болезнь, да. Детям надо сидеть на своих планетах, пока не станут взрослыми. Космос не для детей. Два образумленных вида, да, но ведь и дети могут завести детей, так и не став взрослыми. У нас были сомнения. Серьёзные сомнения. Этот ваш девиз оскорбителен для джи. И то, что вы пытались говорить с нами на нашем языке, присвоив наши слова... Детям свойственно повторять чужие слова, не имея собственных. Мы сомневались, да. Но мы ошиблись. То, что случилось сегодня, развеяло все сомнения.

Райр долго щёлкал клювом и покачивал головой. Потом резко уронил её вниз, прогнув шею, и снова вздёрнул в обычное положение.

— Вынужден принести извинения. — Голос переводчика не изменился. — Я более других был убеждён в скрытой оскорбительности этого слогана. Более других настаивал на дополнительной отсрочке и анализе. Я был неправ. Если сами джи не находят ничего оскорбительного и готовы принять просто как шутку — то как я могу настаивать на обратном? Это было бы неразумно... Как у вас говорят — «пытаться быть правоверней Аллаха и Магомета, пророка его».

И он снова защёлкал клювом.

Ким смотрел на экран — ведь надо же было куда-то смотреть. Уши горели, но оставалась надежда, что райр не понимает таких мелких

реакций человеческого тела. Или хотя бы видит в другой части спектра. Автобус дополз-таки до зелёной дорожки. Распахнулись дверцы, наружу высыпала охрана, торопливо разбежалась и застыла вдоль кромки ковра. Грянули первые такты гимна.

И, наконец, неловко путаясь в сразу же подхваченной ветром парандже, навстречу восторженному рёву толпы и нацеленным объективам репортеров из автобуса спустилась она — сегодняшняя героиня. Переименованная в Жемчужину джи по имени Лапусик.

Женщина — как они сами себя называют.

СОДЕРЖАНИЕ

КОТДОГ

5

ОТСУТСТВИЕ ПРИЧИН

136

СЛЕПОЙ И ЕГО ФИШКА

162

КАРФАГЕН БУДЕТ РАЗРУШЕН

175

**ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ
ДИПЛОМИРОВАННОГО СПЕЦИАЛИСТА**

191

ЦЫГАНСКОЕ ПРОКЛЯТЬЕ

210

КОРОЛЕВА

253

ЗАПЕРДОЛИТЬ ДЖИ

266

Литературно-художественное издание

ТУЛИНА СВЕТЛАНА АЛЬБЕРТОВНА

КОТДОГ

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТЬ

Художественная редакция *Светланы Тулиной*
Компьютерная верстка *Ольги Маковской*
Иллюстрации *Светланы Тулиной*

Подписано в печать 07.12.2014
Формат 70×90 1/32. Гарнитура «Bookman».
Отпечатано с готового оригинал-макета по
технологии Print-on-Demand.
Усл. печ. л. 11,85. Уч.-изд. л. 10,36.

Заказ книг на сайте **www.sz-izdat.ru**

Издательство «Северо-Запад», 2015

Исаители Петербурга

СВЕТЛАНА ТУЛИНА. «КОТДОГ»

Как будут выстраиваться взаимоотношения кошек и собак, если и те и другие наполовину люди? Какие дела придется расследовать Шерлоку Холмсу и доктору Ватсону в Лондоне стимпанка? Какие проблемы встанут перед космонавтами в мире победившего ислама?

ISBN 978-5-93835-565-1

9 785938 355651